

821.512.Р2-1

Н 217

К

Дюсенбек Накипов

ВРЕМЯ РЕ

ЕН

Книга поэм

УДК 821.51
ББК 84 (КАЗ–РУС) 7–5
Н 21

Накипов Д.
Н 21 ВРЕМЯ РЕ: Книга поэм.—Алматы : *СаТа*, 2009.—368 стр.

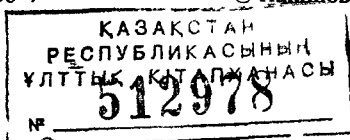
В новую книгу Дюсенбека Накипова «Время Ре» вошли поэмы и эссе написанные в период 2001-2007 гг. Драматизм времени, поиск внутренней гармонии, лирика и сарказм в разных и неожиданных формах поэтического выражения — составляют основные темы и стилистику поэзии Дюсенбека Накипова

Н 4702010202
00(05)09

УДК 821 51
ББК 84 (КАЗ–РУС) 7–5

ISBN 9965-443-80-7

© *СаТа*, 2009
© Накипов Д., 2009

ДЮСЕНБЕК НАКИПОВ

ВРЕМЯ РЕ

КНИГА ПОЭМ

Алматы
2009

*Моим друзьям: Бекету Махмудову,
Амантаю Дандыгулову, Навану Аханову,
Альжану Шомаеву и Елику Султангалиеву
с благодарностью.*

*Автор также признателен Национальной
библиотеке Республики Казахстан
за помощь в подготовке рукописи к изданию.*

ВРЕМЯ РЕ

поэ «ре» ма

РЕ

...ракорды радостных «ре» на фоне *релаксации* революций *регенерируют* в нас темных *предтеч*, едва достигших прогресса нечленораздельных *реплик*, и ныне – чрезмерно уверенные в себе *пребудущие предки* – революционеры риска и рынка, веруя в прямую *реинкарнацию* в своих же потомков проводят решительные *реформы*, не слыша тревожных *трелей* времени, *редуцируя* шепот и стоны слабых в треск своих сильных *речей*...

возможно, это простая *рефлексия*
и нет еще женщины из моего *ребра*
и потому так тесно *ребёнку* души
за крепкой *решеткой* клетки грудной...

в старых зданиях после *ремонта* *реконкиста* развешивает репродукции *Рембранта*, поставив у входа *редуты* контроля и шеренги *ребят* известного *ремесла*...из *реченного* сделайте *ремикс*, *интродукцию* в стиле рококо

реминисценцию плача *ре-*
 бёнка обре-
 чённого быть сиротой на заре
 сих весьма прогре-
 ссивных *ребус-ре-*
 форм и строя охло-плуто-хре-
 нократии возьмите триумф-*ре-*
 ванш за отрешение от *пре-*

лых прелестей прений о других вариантах реше-
 ния длительности этого дробного тремоло множества
 третьих, не обременяя высшие уровни презумпции не-
 виновности последних и пока *релятивистские* теории
 переходят в практику *репараций* потерпевших фиаско
 в *реалиях* рынка, *третируемое* *имярек-племя* третьих,
рефлексивно продолжает жить во времени «*ре*»...

МИ

... *мифотворствуя* о Моби Дике под *микроско-*
 пом изучая колосса *мидии* по принципу *микрометрии*
мимикрируют в *мистику* *минимизируя* риски жизни
 мегацефалов водного *мира* под свое *мидийное* *ми-*
 ровоззрение ибо в качестве *мидл-класса* морей они
 веруют в несокрушимость своей *рифовой* *Мидии* ус-
 покоенные своими морскими *СМИ* подающих *мидиям*
 новости по принципу *капле-мига* где главное событие
 – (апофеоз донных масс-медия) – выборы *Мисс-Ми-*
дия в то время как мощный Гольфстрим

подводный *ми-*
 страль медленно относит *ми-*
 дийное племя *миля* за *ми-*
 лей в края *ми-*

ражей в общем процессе *ми-*
граций Земли в *ми-*
крорайонах Вселенной и о *ми-*
лости Господа *ми-*

ров мы сейчас умолчим хоть и ширится озоновая дыра и *мирян* сильно тянет к войне... Так *минорно* звучит нота «*ми*» тревожа *митральные* клапаны сердец *микроцефалов* воды а их *мимикрия* бессильна у кромки земли и будет разбит о риф их великий *миф* о Моби Дике погибшем еще до самих *мидий*...

ФА

... *фатальные фации факта* уступают по степени реальности *фантазийной* *фабуле* о вселенной *фабри-*ке, где на некой *фазе* произвелись и мы – *фанаты* идеи превосходства мысли над плотью, Слова над Богом, или наоборот, патриоты малых *фарерских* своих островов и больших *громогласных* *фамилий*, но:

вслушайтесь в ноту «*фа*»
как кочевник, спрыгнув с седла
облегченно вздыхает: Уф-*фа*
присаживаясь на землю и для
в себе сей блаженный миг
кошмяная под задом его *софа*
принимает пахучий ик,
нутром исторгнутое «*фа*»
потрясенных скачкой кишок:
у **не** знающих закон войлочных *фа*
зенд это может вызвать шок...

некий Аль-Фараби из Фараба, потряс в свое время **единоверца-араба**, тем что *фатимиды* не по праву

отторгли земли вокруг пирамидального контура космического *фаллоса*, который воздвигнут был *фараоном*, вдохновленным нотой «*фа*», поставленной на свое место тем же мятежным Аль-*Фараби* в трактате о музыке *фактов*, намекая на то, что и *фараоны* старательно истребляли время «до» и «ре» и «ми» до себя, и всячески культивируя свой собственной *фаллос*, и не ведали о том, что некогда пасхальные яйца *Фаберже* станут круглым отрицанием любых колонн, особенно дорического канона эпохи рождения мажорного «*фа*» до того, как новый пророк *Хомо-фабер* придумает знак «бекар» и даст начало неистребимым *фальсификациям* ноты «*фа*» за право встать в ряд семи досемитских нот и сотворят вместе с ними гармонию для грядущего племени людей – *нотифагов*, преживущих в звучании *фа-диез*...

СОЛЬ

...*соль* *сольного сольенья-слияния* с солнцем
не противоречит звучанию *сольфеджио* – гласотворимой гармонии гаммы...

на закате алые паруса
уносят мечту *Ассоль*
о капитане сердца и солнца
и тогда вместо мягкого «*соль*»
звучит кричащее «*SOS*»
и вселенское море-разум
сливается в планете *Солярис*,
где кристаллизируются
в поющую *соль*
все воды потопа...

соль слёз несчастного отшельника-скитальца, казахского сироты-«сорлы» *сольётся* с хором солярного классического «*соль-пенья*», смывая печаль из сердца, как *соль*...

ЛЯ

...Мля... а на «ля» нет ничего существенного и существительного, в ком есть сущее... то ли людей помечать на блядах, укравших возвышенный эпистолярный письменных лет на горизонты электронной почты и остается разве что:

ля-
згать зубами, ля-
гаться копытами ля-
шодей травоя-
дных, моля
о том, чтобы не заля-
пала нам лица в могилах земля

за бурлачью работу лямку тянуть и тащить баржу против течения и упасть когда-нибудь в грязь, как презренный всеми инкогнитум – псевдоникус, ляпус – изгой, умевший слушать только пенье лягушек на берегах, и созерцать вечерние тополя, различавшие тихое печальное «ля» в мажорном кваке лягушачьего хора, и смотреть как пекутся грибы – трюфеля на багровых углях и долго темнеют поля, *ля* и *ля* слезы росы на ляпис – лазурь уже почти чёрных небес... О! Ля-ля-ля...

Как не поймёт синица полёт журавля? Долго ль нам ждать в небесах корабля и где остановит бег свой Земля?..

СИ

сия нота «си» симптоматична,
 ибо *синхронна силлаботоническому*
силотворению этих стихов,
 в коих, как впрочем, и в иных
 звучит вечно запоздалое «Спаси!»
 Синхрофазотроны синтезируют
сию минуту сверхчастиц,
 что абсолютно несимметрично
 моей симпатии
 к энергетике человека,
 достаточной для созидания любви...

в системе Менделеева, где многое отнесено за
 сакральные пределы ноты «си», посылающей нам *сиг-*
налы о противоречии действий-слов «убий» и «спаси»,
 поневоле усматривается ловушка логики знания со
 свободой сознания о недопустимости переходов энер-
 гополя,

си-
 нгармоничного цвету *си-*
 рени, тоске *си-*
 роты, *си-*
 яющему солнцу и *си-*

ювечности духа, беспечно сменяющего, как ру-
 башку, смертную плоть, но малая энергия тленности
 тела *ситуативно* равна кратким всплескам души, коей
 был лишен древний *синантроп*, коему мы должны
 быть благодарны, что не он придумал *синтаксис*, уби-
 вающей простой язык понимания...

Сии силлогизмы о синтезе сверхчастиц
 и сверхэнергий даны лишь ради
 неповторения *хиросим*,

впрочем, как и любых зон «сверх-си»,
 где эта *сильная синяя* нота будет доступна
 только летучим мышам,
 беззвучно гласящим нам «Спаси-си-си».
 Жаль, что не слышим ...

ДО

... вот и дошел до
 доминанты донного «до»
 и долго будет еще до-
 нимать меня до-
 брое эхо кошмяного до-
 ма среди мрамора до-
 рических колони помятуя о до-
 лге не до-
 бивать упавшего и забыть об Эльдорадо
 легендарной стране золотого «До»
 и не будет радо-
 сти обрести великую до-
 бычу последней истины до-
 стойной украсить трапезу мысли и до
 руин еще собрать все до-
 казательства существования времени «до»,

смещенного некогда временем «ре», которое в
 сущности нарушает начальную гармонию гаммы, ведь
 ее нужно проигрывать ежедневно от «до» до «до», пре-
 жде чем начинать играть расходящиеся пассажи и, тем
 более, браться сочинять музыку сфер или бытия, а того
 ранее - освоить земное Семиречие и у истоков Семи
 священных рек веры поклясться беречь семь «нота -
 бене» жизни и все снова начать с ноты «до»..

ре, ми, фа, соль, ля, си, до!

P.S...и однажды утром не проснешься... разбитая ваза разит печалью... сумашедший Геракл моет конюшни... (дворнику Зевса начхать на запах, с коим он гераклидов зачинает от девки, а ей каково? оу-вонно воя, в соити-ваянии нового изгоя-воина назло насильнику-фаллосу лона ея)...

Не видевшим цельную вазу не склеить её, потому как осколки ея анонимны и дробны, а у гераклов фасеточный глаз, но некий рок-пророк продолжает орать роколоты и не будет у него бенефиса повторить у последнего брода зеркальную песню "бро-До", ибо переправой владеет Харон-автор симфонии о "До-бекар-Ре" или попросту о До-б-Ре, а это и есть: до-фа-ллосо-си-соль с ля-лоном примирение...

Видите, сколько всякого остается в скобках пока рокируются Зло и Добро.

2004 г.

БЛИЗНЕЦЫ

виртуальная поэма на фоне сверхреальности

11 сентября. Когда Это показали по всем экстренным теленовостям, во мне что-то ёкнуло. Рапидно рушились здания-близнецы Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке. Я лихорадочно пролистал свою недавнюю книгу «Песня моллюска» и вот, что нашел на стр.17

В программе ТВ объявлено об очередных смертях и видно что здание объято пламенем в котором смердят чьи-то тела и надежды плывущие в дыме крововом в страну, где нежность нельзя превратить в дрова. Трещат зеркала отразив агонию последних криков и миг ужасно красив чтоб стать эстетикой кризиса и сотворения новых ми

фов евангелистами СМИ
дымом окутанные они
уже бесконечны
вчера и уже ни
когда нас тобой не

потревожат и мы сделаем вид, что нам все известно о нашей первичной карме, от истоков своей родословной до конечной завершающей формы, где доминирует всеобщий принцип "наоборот", а далее следует по логике долгое широкое "до" с категорическим знаком "бекар"...

значит былое опять отменяется
и еще неизвестно что будет
в паузе где забыли меня
и программирующие будни
будущего не при
мут в расчет, как остро пахнет
наша тоска, как неприя
каян вседневный наш страх...

Я не хотел таких совпадений. Так написалось. По-видимому, телекартинки подобных катастроф запечатлелись в подкорке и отразились в слове.

Близнецы ВТЦ. Я видел их несколько лет назад в Манхэттене. Стоял рядом, восхищался. Их называли еще «Два пальца». Графически они могут воспроизводиться так: I I... Теперь их нет, но знак останется. С этого дня всё изменилось. В мире, во мне. Навсегда. Мир стал беспальмым и беспамятным. Многое множество слов вытеснилось одним: «Месть».

Террор... По-моему, это означает по смыслу: уничтожение «терры», Земли, нас, цивилизации, меня. Кто-то настойчиво хочет разделить один мир надвое. Кто? Не знаю. Или править над миром. Один? Кто? Ли-

хорадожно совершаю арифметические действия:

$1:1=1...1:0=\text{бесконечность}$, бог... $1-1=0... \text{Бог мой!}$
Бог-ноль?! Не может быть!

Отсюда и начинаю писать. 11 сентября. Нью-Йорк. Близнецы ВТЦ. Я не верю в приметы, но родился под знаком Близнецов. Верю, что есть где-то мой брат – близнец. Или я всё же один? Близнец самому себе, если смотреть в зеркало.

Я бываю искаженным, как «олакрез»,
но если взглянуть по-иному, отраженно,
то я точен, как зеркало.
Надо вникнуть в суть себя понемногу
и найти поутру тонкий срез
всепланетного зверства...

В телеокне всё тот же пейзаж апокалипсиса... **Об этом** Амантаю Д.

Продолжаю искать близнецов,
но главный вопрос в голове стоит палкой:
где же гены твои, первый парий,
изгой-террорист из рода
человека жнущих жнецов?
Из далеких времен близнецы ходят парой:
Книгу книг открываю...неужели ответ?
Вот они? Авель и брат его Каин...
До чего же банальна эта история,
оттого и забыта, наверное.
Каин отведал авелевой крови...
Не он ли террорист № первый?
Убит Авель невинный, не оставив потомства,
зато Каин плодил и плодил
детей и злодейства... Потом мы
от этого корня пойдем.

Супротив
меня в зеркале «Я»:
Чей ты потомок? –
я себя вопрошаю
и слышу зеркальный вопрос:
Потомок ты чей?
Ах, как ты, злодей,
отраженный тонок,
как ты в меня неразрывно врос...
Боинг врезается,
дрогнул первый близнец...
Боинг взрывается,
и второму конец...
Ох, как больно тем,
кто вываливается из Близнецов:
медленно, рапидно рушатся Основы Основ...
Это террор изначально библейский.

Начинаю свою хаос-хронику терроризма. По каким календарям держать ориентир? Лунный, григорианский? От Тенгри, от Хиджры? До потопа, после? Или верить тому, что внутри, если даже закат случился наутро.

Ветоюнь. 8491 г. Образование государства Израиль на земле Палестины по решению ООН.

Иерусалим. Палестина. Израиль...
Как долго гроздя гнева вызревают,
и теперь разрываются каждый день,
чтобы плакали люди у стен.

Израиль. Иерусалим. Палестина...
Смотрю репортажи, кровь во мне **стынет**:
далеко от вас моя степь...
Наши тоже плачут у стен.

Палестина. Израиль. Иерусалим...
Обетованной земле вашей, салем!
Всё пишу и пишу, боюсь не успеть:
пора улыбаться у стен.

Три стены. Великая Китайская молчит и ночами
беседует с луной, откуда её хорошо видно. Берлинской
уже нет. Но есть еще Стена Плача. Там стенают до сих
пор. Мира нет. А ведь арабы и евреи, по сути, этничес-
кие близнецы.

Под Мединой дромадеры орали,
и было всё коранически чисто:
благородно – бедные бедуины – **арабы**
распевали суры под знаками чисел.
Струился песок, измеряя время.
Поэт – пайгампар был неспешен и **мудр**,
и потомкам свой мир заповедал,
записав в святые аяты и суры:
*“Милость моя берет верх над
гневом моим.”*

(Аль-Ахадис Аль-Кудсийа. Хадис №1.)

Хаос-хроника терроризма за последние 50 лет.
Палестинцы, ирландцы, алжирцы, куклукскланцы (что
за нация такая?), ливанцы, чеченцы и ... Есть кто-то
еще, или что-то...

В каждом деле есть свои термины. Терминалы
терминов. А в терроризме? Кроме бомб, боингов, бен-
ладенов. «Будь ты не ладен, чертов Бен Ладен.» «Без
ладана не было бы Ладена.» Это уже новейший народ-
ный фольклор. Против него не попрешь. Не дай бог,
уже есть анекдоты. А их, в данном случае, не должно
быть по определению.

Чья мы все же копия близнецовая?
От чего наше второе «я»?
В раскопе лежит кость берцовая...
Чья она? Она чья?

В классе нас учат добру,
 в переменах деремся,
чувствуете, какой милый террородискант?
Возвращаемся в класс
 и опять за диктант,
опрятные и скромные.
Следующий урок – история.

Новейшая история: 1 сентября войска вермахта
вторглись в Польшу...

Древняя история: римские легионы вошли в Александрию Египетскую...

Советская история: СССР принял решение оказать братскому Афганистану интернациональную помощь...

Американская история: войска США высадились во Вьетнаме отстаивать права вьетнамцев...

Российская история: федеральные войска направлены в Чечню для наведения конституционного порядка...

Мы с моим братом Мейрамом Акчулаковым очень любили историю, как предмет. Без эмоций...

И это мы учим, и это в нас входит
под соусом разным
и очень грязно выходит.

Термин «война» мне не подходит:
(предпочитаю, «террор государственный»)
у меня своя хроника: **«архитерроротека»**.
И сидят у меня эти терроровойны в генах.
В большом паталого-патрио-зеркале и я
отражен,

давлю на соседа, я этому в школе учен.
В советской, английской,
американской и натовской...
И все эти знания на улице из меня выходят
матом.
Мой большой близнец, государство,
За терроронауку твою благодарствую.
У тебя теперь таких близнецов
на земле — легион...
Скоро откроет свою школу ООН;
уже выбран большой полигон,
бедный-бедный Афганистан,
как когда-то мой Казахстан,
в годы холодно-ядерных игр.
Но теперь горячей,
террор — это тигр
и кровью вдохновляется он.
Простите за стиль,
это просто новый **террородастан...**

Занятная логика. Не правда ли? Мой друг Андрей Щ. был в Югославии во время точечных бомбардировок НАТО. Видел руины, трупы и терророненависть в глазах сербов. В этой школе НАТО выучились новые террористы и среди сербов, и среди албанцев.

От Косово я косею,
а друг мой, Андрюша, совсем сатанеет
от аббревиатур — НАТО, США,
как они в свое время от СССР.
От столкновения древнейших и новых эр
земля сотрясается не меньше,
чем от удара тектонических плит:
здесь мы введем еще один
термин — «терроросыт».

Уф! Отдохните от террородастана. Почитайте просто стихи.

Но есть и в нас святая злость,
когда и богу мы, как в горле кость,
хоть и нельзя противу бога...
Бедняга, он души случайный гость.
Кто донесет мне – «Ась!» – святую весть,
что я еще на свете все же есть,
чуть больше чем, как если б не был,
и никому не смог до смерти надоесть.
Скажи, тебе смешно? Мне иногда,
когда в ночах моих сестра-звезда
так хороша одна, и наши души
сошлись на миг, по имени «Беда».
А кровь еще темна, еще сильна
и далеко до слез. Чуть-чуть до дна.
Куда идти? За грустью бедной
нет сил, но все ж осталась лишь она.
Одна...

Хаос-хроника терроризма. Фримарь. 0991 г. Оккупация Кувейта Ираком. Термин: государственный террор. Палестина, Израиль. Террористические акты с обеих сторон.

Как я понимаю, по Ветхому Завету – Творец за шесть дней сотворив мир и сказав сам себе: «И это хорошо!» – на седьмой удалился на отдых. Не рано ли? Или тайну недосказанного оставил решать нам, грешным. Как бы то ни было, но на родине Священного писания до сих пор не так хорошо, как бы хотелось. В общем, простите за горькую иронию. Итак, очень Ближний Восток.

По Персидскому заливу
утюг танкера плывет...

Нефтяные черносливы,
от которых долго рвет.
Средиземное земное
разделило мир на мир,
а теперь собаки воют
от разрывов тысяч мин.
В добиблейские начала
предок ваш протосемит
сеял семя без печали
в день заветный из семи.
И что же возшло?

Хаос-хроника терроризма. Габриаль. 1991 г. Коалиция государств во главе с США провели операцию «Буря в пустыне». Результат: освобождение Кувейта. Жертвы не считаны. *Буря в пустыне. Пустыня в буре. Сквозь землю скважины бурят. С одной стороны выходит черная кровь нефти. На другой – красная кровь смерти.*

Когда мне плохо, я скрываюсь среди друзей, и мое дурное настроение чаще всего выливается в посвящения...

Нурлану М.

Шут, сев на закорки шутил,
когда ему стукнули в морду:
(между прочим, он был шурин
президенту из династии мертвых,
в стране Миср).
Так вот, в конце злого июля,
который, по сути, и Цезарь и Юлий,
вновь повесили ночью Иуду,
чтобы он оставался вечной целью
священной мести...

В затхлых проулках мозгов,
в середине простора степного,
даже искажение добрых слов,
кажется рождением нового:
«Возмездие!»
Итак, что старо, то затхло;
то, что воняет – благоуханно.
Только вчера стал изгоем запад,
ибо миром правят хамы.
А кто террором?

Где-то есть виртуальные правители массового сознания, но это не означает, что нам запрещено думать самостоятельно.

Виктору К.

Прошу тебя, будь длительно печальным,
плыви со мной до рифмы о «причале»,
чтоб там забыть тот страшный день
(11.09), где начинался кровавый новый век,
что вытек из тысячелетних вен.
Мне больно до того, что не размыкаю век,
залепленных слезами и белесым гноем;
я не хочу, чтоб стал ты, как и я, изгоем,
но попрошу быть байтереком, тополем и дубом,
чтоб с болью прорасти корнями в землю-дыбу,
и быть распятым на корнях
(распятому не ведом страх).
Еще прошу, друг, не гордись,
чугунно-каменным не будь,
тебе предоставляю право быть черенком,
узнать, в чем суть
всех наших корнерасчленений.

У нас есть время выйти из весны тысячелетий
и осень первую спасти для Человека,
и рассказать другим о времени печали,
пока все ждут покоя и причала.

А сейчас?..

Я из корней хочу поднять
свой потаенный корень.

Пока земля меня, как сына кормит,
я поживу еще и буду в смерти скромен.

Хаос-хроника терроризма. Сантай. 2991 г.

Взорвано посольство Израиля в Буэнос-Айресе.
20 человек погибло, 250 ранено... Застрелен прези-
дент Алжира Мохамед Будиафа.

За поддержкой обращаюсь к Галине К.

Каюсь, и я был глобалистом,
и даже космистом,
витаю в ноосферах.
Был при этом истов,
ибо так легче проверить аферу.
Каюсь, был попросту мулом,
а теперь...

Сжать бы мир до родного аула,
за день обойти и увидеть всех разом,
в глаза посмотреть: есть ли в них радость?
Мне больно, давят на сердце
мегатонные близнецы.

Раскопайте меня. Я еще жив.

И верю еще, что это – виртуальный цирк.

Набирает силу лавина
размножения лжеблизнецов...

Который, кто? Где истинные близнецы?

Это он, оно? Клон?

Эй, торопливые конструкторы геномов: «Цыц!»

Мы сами соберем свои гены,

ибо каждый Творцом порожденный – гений
своего неповторимого «Я».

Мы сами сумеем изменить себя.

Дальше – азбука цифр. Это знаки...

- 1 – знак человека
- 2 – знак души
- 3 – знак знания
- 4 – знак дома
- 5 – знак дороги
- 6 – знак лона (женщина)
- 7 – знак могилы
- 8 – знак круга земного и небесного
- 9 – знак семени (мужчина)
- 10 – знак бесконечности
- 11 – знак близнецов (Бог-Человек)

Почему много лет прибавляя и вычитая,
я не смог прочесть азбуку цифр?

Почему миллионы других, деля и умножая,
не смогли разгадать знаки чисел?

Вещи сосчитаны, люди и звезды тоже,
простые факты в события сложены,
и человечество на государства и расы поделено
(даже смысл лесов нам разжеван по дереву),
а вот сами цифры так и остались загадкой:
их до сих пор было «10»,
а теперь «11»...

Простите за рифмокальку:
если Это

не конец света,
то что Это?

Хаос-хроника терроризма. Трокарь. 3991 г.

Египет. Убиты премьер-министр Атеф Седки и
министр Хасан Аль-Альфи.

Тутанхамон...
 Самый знаменитый фараон...
 И, кажется, тоже убит.
 А моя Нефертити?
 Неужели тоже убита?
 На саркофагах плачет нефрит.
 Сколько ж вам веков, террористы?

Хаос-хроника терроризма. Заветель. 3991 г.
 Нью-Йорк. Взрыв в ВТЦ. Первый? Убито 6 человек.
 Ранено около 1000. Подозревается Усама бен Ладен.

Бен Ладен. Усама.
 Без Ладена,
 как будто, и земля не возвращается.
 Все СМИ осанну
 Усаме заладили...
 Обкурили мозги анашой-пиар-ладаном.
 Усама, запомни:
 бумеранг всегда возвращается.
 Что сказать?
 Ты не тянешь на всемирное зло,
 но теперь у тебя есть харизма,
 и забыты уже НЛО,
 ты заслонил даже ужас фашизма
 и вечную боль Холокоста.
 Остановитесь, все СМИ,
 сотворить ореол злодею так просто,
 и выше фактов становится миф.

Хаос-хроника терроризма. Девокарь. 4991 г.
 Диверсия в Иерусалиме. Погибло 23 человека.

Иерусалим!
 Мой нежный, бедный город-мать.

Ты так велик и ты так мал.
Как тяжело троих детей родить,
как трудно храмы их хранить.
У стен твоих сейчас я тоже плачу:
кровь к крови и прах к праху.
Мир детям всем твоим, Иеру-салем!
Святой твоей земле, салем!

Хаос-хроника терроризма. Хриюнь. 5991 г.
Россия. Чечня. В результате гостеррора **погибло**
около 200 000 человек, граждан одной страны.

Народ Ноя. Ног-чи.
Люди гор.
Народ россов. Рюрикови-чи.
Люди лесов.
Никак не решится ваш спор.
Плачут ваши братья, люди степей.
Печален ныне Олжас.
Хмурится где-то Чингис.
Думает молча Мурат.
Горизонт наш все темней и темней,
на западе и на севере. На юге тоже.
Это уж-жас.
Пока только Восток чист,
поздно глядеть назад
стал сон наш беспокоен, тревожен.
Помните, ногчи, ингуши. Люди вайнах!
В годы войны вы спасались в степях.
А теперь, где спасетесь?
В нашем оперном (как на фронте)
кружил «Умиравший лебедь» Улановой?..
Может быть, уживетесь?
С неба срывается вниз карлыгаш-ласточка...
Неужели она разобьется от горя?

Молча смотрят на это пике
степи, леса и горы...
Прячутся от непогоды голуби.

24.09. В этот день я был на встрече деятелей культуры с Папой Римским в Астане. Сидел. Слушал. Думал. Почему не едет к нам Патриарх Всея Руси? Ведь здесь 6 миллионов православных братьев моих. Папа. Патриарх. А ведь они, в сущности, тоже близнецы от веры Христовой? Друзья, помогите понять.

М. Семби

Мысль – бритва...
Рассечь нельзя такой опасной мерой битву
моих сомнений и надежд.
Я мимо бросил битву.
В семи коленях исчезнет след моих колен;
ну что ж, плати...
Свобода верить больше, чем наследный плен.
Сегодня время умников, что стали дураками,
провозгласивших избранное племя,
стоящее над нами.
Но нам досталась честь простая:
жить-стареть и бритва-мысль,
что будут дни и небо,
где нет тебя, где нет меня
и нет большого – «Мы»,
и остается быть самим собой.
В мечтах, мозгах, костях – все прах,
но будет вечен Тенгри,
где потерялись Заратуштра, Будда,
их брат Христос и Мухаммед...

И в этом утешение,
 что воскрешение
 нам будет
и мы получим, наконец, святой завет,
соединясь со всей божественной родней,
и будем все равны среди сияющих равнин.
А бедные духом не станут бедней.
Аминь!

Хаос-хроника терроризма. Ономарь. 5991 г.
Франция. Взрыв в парижском метро и на Елисей-
ских полях. Погибло 7 человек. Ранено – 101.
Филиппины. Город Ипил. Убито 100 человек.
Япония. Токио. В метро отравлены газом сотни
людей.

26.09. Поехал из Астаны в Павлодар. Это моя
малая родина. Несколько лет назад я проводил здесь
Международный фестиваль балета и поэзии с участи-
ем Майи Плисецкой и Беллы Ахмадулиной. Это случи-
лось благодаря хорошему человеку. Ночью в поезде,
проезжая через Сары-Арку, не мог уснуть. Было 11
ночи... Вспоминал...

Даниалу А.

Одиннадцать.. 11... близнецы... хлеб...
Далеко... Поезд... Ночь... Плачут...
Грохот... Мужчина... Один... Эхо бед...
Мысли... Слезы... Едет... Тихо... Кляча...
У него... Мечта... Сигарета... Хрип...
Чай... Дыня... Вода... Яблоко...
Думает... Степь... Могила... Скрип...
Кран... Вокзал... Павлодар... Яда бы...
А если писать по-простому,
в строку, с запятыми и в рифму,

так внезапно чувство укромности
в час, когда не совпадают ритмы
гремящих колес и горячего сердца.
Возможно, у человека есть родина,
но если ночь на кого-то и сердится,
то значит:
она сестрой рассвету приходится.
Брат, сестра, близнецы...

Хаос-хроника терроризма. Явезарь. 6991 г.

Саудовская Аравия.

Взрыв бомбы у военно-воздушной базы США.
Погибло 23 солдата.

27.09. Павлодар. Встретился с читателями. Читал,
руки дрожали. Спрашивали о мировых событиях. Что
я им мог сказать? Прочел то, что было написано под
утро.

Павлу Васильеву через век

Приехал в ночь тревог
и захотел уехать. Нью-Йорк...
Так было больно пальцам двум
оторванным злодеем...

Здесь в городе моем, где неусыпен бог,
Хочу себя и вас спросить: «Что деем?»

Все вспоминал тебя, мой Павел,
твой город ясно-«ястребиный».
Не оттого ль он Павлодар,
что жил здесь ты,
всегда душевно-глазо-синий?
Теперь у нас опять беда,
все обмелело, Иртыш проходят бродом,

и новый век все так же не родит хлеба,
и нет поэтов,
что плачут и целуются с народом.

Хаос-хроника терроризма. Жулдай. 7991 г.
Каир. Атакован автобус с туристами-немцами.
Убито 5 человек. Нападение на туристов в Луксоре.
Всего убито 22 человека.

28.09. Сегодня свадьба у дочери брата. Все счастливы. А я вспомнил мою дочь Дину.

Ах, дочь! Ах, дочь! До дна,
От белизны и дочерна
я эту жизнь-перепелку знаю,
но ум мой – вечный Ра, как солнце с краю
слепых сиреневых небес...
И в этот смутный час, прошу тебя, прости,
я сам, как Ра, сползаю вниз и тихо ум-мираю...
Меня столкнули с моей тропы и не расти
теперь моей малюсенькой мечте
о длинных и больших дорогах:
о берегу Маклая, об улицах Каира,
о папуасах добрых, бедуинах строгих,
о миллионах троп нехоженных,
и, значит: жить мне
без неизъяснимо-необъятных в мире бездн –
Тебя, Меня, Христа и Мухаммеда,
соединенных кровью,
и этим отчужденно-синим кровом,
который скоро скроет ночь...
А там кометой заблужусь я, дочь.
Но, может быть, мой внук Иван
вновь соединит дороги разных стран?

Хаос-хроника терроризма. Векорь. 8991 г.
В посольствах США в Кении и Танзании прогре-

мели взрывы. Погибло 224 человека. Ранено около 5 тысяч человек.

29.09. Павлодар. Езжу по ночи в такси. Не спится. Мысленно беседую с писателем Сатимжаном Санбаевым.

О, мечта о всех!

И ты, Америка, равно за нас и тех,
но слышу я бесстрастный шелест долларов
и грохот домыслов, и шепот олухов,
всех, опьяненных слухом прав о человеке.
Но ты сейчас, моя Америка, не в прошлом веке -
ни твой Конгресс, ни Белый дом, ни Конституция
уже не могут ощутить шесть

миллиардов интуиций
и всем известных континентов (без контекстов),
и даже двух бесправно равных президентов
(теперь один Дж. Буш – хозяин ранчо).
Тем более не знаю, как в тебя вместить
безвестный Казахстан, где тоже сложно жить,
когда не знаешь с кем делить больное сердце?
Но знай, Америка, что страны, как и люди –
смертны.

Но мы вольны, сыны обыденных степей
и не нужны нам берега чужих морей.
Прости, Америка, за горький разговор.
Я плачу за детей твоих,
оставшихся под пеплом башен-гор.

Хаос-хроника терроризма. Чиларь. 8991 г.

Москва. Взрывы бомбы в переходе у памятника
Пушкину. Убито 9 человек. Ранено более 100 человек.
Сердце гения дрогнуло и голова склонилась еще ниже.
Я учился в Москве в Академии классического балета.
В горле-ком. Моей альма-матер, старой школе посвя-
щаю...

Старое серое здание
с глазами оконных вырезов,
которые нас к себе звали
и не могли этого выразить.

Легкие литые воротца
с пологой нешумной Пушечной
во двор так схожий с колодцем,
а небо над ним – синей лужицей.

Безвестные девочки-мальчики
горели там протуберанцами;
дети одной альма-матери,
огненно-чистой материи танца.

Это почти как святая небыль...
но по начертанию генному
из дворика этого вырвались в небо
балета потные, скромные гении.

Век ушедший считает раны,
тлеют в папирусах вечные веды,
шагренью сжато пространство,
душа человечья утомилась верить...

Но сгорают снова и снова
на пальчиках – девочки,
в полетах – мальчики,
их танец – зримо безмолвное слово
и жизни первичная матрица..
Благословенны вовеки
Гении Танца!

Хаос – хроника терроризма. Джонай. 0891 г.
Убит Джон Леннон. Каин-Чэпмен стал звездой

желтой прессы. Об этом можно писать только искаженной прозопоэзией...

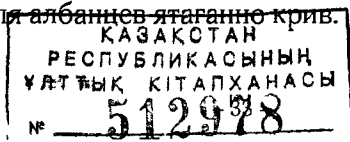
... плавание желтой подводной лодки в океанах душ человеческих стало опасным, она тихо легла на дно, потеряв своего Лоцмана. Даже это великое плавание в вечность оказалось напрасным (анти-леннон был из племени сумаслушателей и ждал своей лошади, чтобы вонзить в нее пули-шпоры), только теперь понимаю с возрастающим ужасом, что это «Мы» сделали его желтой звездой терророшоу... это «Мы» – пожиратели новостей, гурманы сенсаций и катастроф, маниакальные потребители TV-смертей, поданных нам, как горячий «бефстроганов»... это «Мы» – любители виртуальных войн, мерзкие медиа-терроро-фаги (те-эти-я-она и он), дошедшие до последней фазы наших гнусных метаморфоз от «сапиента» к «ню-адсорбентус», и это от нас идет вонь «хоморазложения». Эй, «Мы»! Давайте немедленно выключим «ящики», хотя бы на день или месяц один: достаточно нам виртуального самосокращения. Надо остановить процесс исчезновения из нас «Yellow submarine»...

Хаос-хроника терроризма. Бривей. 8991 г.

Балканы. Армия освобождения Косово истребила более 150 человек. Число жертв этнических чистых и точечных бомбардировок ВВС НАТО неизвестно. И вновь беседую с другом-журналистом.

Асылбеку А.

Я неисчислимо смертен,
и я неисчислимо жив,
И, по-хорошему, для сербов интровертен,
и для албанцев ятаганно крив.

Но мне, потомку всех печалей,
куда идти по адресу на радость?
Я истребил в себе этнические чары,
чтобы построить мост из расового рабства
к свободе гражданина всей Земли.
Пусть это только дым доброты-добрых слов
с оттенком окровавленной зари,
но это мост по имени – Любовь.
И пусть банальны рифмы
и обычен слог.
Хочу остаться строгим,
и верить, что спасет нас Бог.

Хаос-хроника терроризма. Горотень. IVX век.
Теночтитлан. Мексика. Отряды конкистадоров-
террористов во главе с Кортесом уничтожили тысячи
и тысячи наивных индейцев майя. Об этом тоже с дру-
гом.

Борису К.

Кри-кри... во мне чирикает страница.
Кри-кри... во мне клокочет голос.
Не дай мне, бог, чтоб этот крик
Вспугнул сидящую на яйцах птицу
(и без того ей суждено уйти змеиным горлом).
Кри-кри... кричали дохристовые индейцы,
Их племена теперь мы лишь по книгам знаем,
но варвары Кортеса, молясь Христу,
свершили то
злодейство,
всем террористам будущим на зависть.
Кри-кри... Страница – крик...
Кри-кри... Псалмы священных книг...

Хаос-хроника терроризма. Стимарь. 5191г.

Турция. Армения. В результате обоюдного этно-терроризма с обеих сторон погибло более 1 млн. человек. Река слез...

У меня есть друг, как я его называю, Харон-переводчик (с казахского на русский и наоборот). Он тоже родился в год Собаки, как и я. Значит, у меня есть близнец по тенгрианскому календарю.

Кайсару Ж.

Предчувствия собак, рефлекс предощущений
катастроф за неимением слов...
Лишь через годы оценим мы деревьев и лесов
отважный караул вдоль высохших ущелий.
Ущелий суть – не гнев ли гор,
пошедших на разрыв,
с безумством водопада, что сам себе могила?..
Но есть ли кто из нас, в ком есть сегодня сила
устроить из себя «вселенский взрыв»,
чтоб заново создать из хаоса свой мир?..
Летит «стелс-невидимка»,
чтоб скрыть с земли Памир...
*... собаки скулят и мечутся между домами,
между хозяев своих и между щенками.
Что делать нам с предчувствием собак,
среди кровавых человеческих драк?*
Живу скуля, как пес бегущий по дороге,
и в страхе кустики сомнений своих мечу:
неужто жизнь моя и, в целом, человечья –
судьба огня на жертвеннике Бога?
Да, не исполнятся предчувствия собак!
Знак водопада – огнегасящий знак.

Не знаю, почему это мне привиделось вдруг. Хамелеон безмятежно сидел на ветке и был, как и положено ему, изумрудно зелен на фоне листвы. Позади начинался лесной пожар, подгоняемый ветром. Ничего не подозревая, хамелеон медленно двигался по ветке, перебирая лапками, и менял свой цвет, повторяя контуры веток и листьев. Огонь уже переметнулся на его дерево и кожа хамелеона стала приобретать фантастически красивые синевато-оранжевые тона стремительно растущего огненного фона и дыма. Он пучил ничего не понимающие наивные глаза, засуетился, стал весь пунцово-красным, загорелся и противно лопнул, превратившись в кучку грязно-серого пепла. Поразительно, что и в смерти он остался верен инстинкту менять цвет кожи. Но это была его последняя метаморфоза. Вокруг дымился сгоревший лес...

...видно, недаром хамелеон вырастает в метафору, иллюзия личной безопасности становится новомодным ханжеством, глобальные амбиции все больше напоминают хамство, в свою очередь порожающее пещерную храбрость дразнить допотопного ящера: таким образом, мы тихо вырождаемся в пращура, огромной дубиной молотящего по шарикам наивно-глупых глаз хамелеона, принявшего облик мамонта, в свой черед раздувающего хоботом искру в куче сухого хвороста, который по принципу хамелеона принимает образ земного шара, объятых пламенем. Продолжайте искать метафоры.

Хаос-хроника терроризма. Степнарь. 3091-3391 гг. Казахские степи. Революционный террор. Казахы тогда погибло более 3 миллионов. Говорят, что больше, но все равно невозможно понять и постичь. Теперь беседую с собой. Страшно.

Нет, бедный Дюсенбек Накипов,
ты, видно, книг своих не сложишь в кипу,
но в последнем танце себя
ты бросишь в пропасть,
по убиенным братьям не сумев составить опись.
Не сделал выбор ты, не встал на берег правых,
не осудил виновных, не выбрал меч и месть.
Тебя и те, и те убить имеют право,
замучить так, чтоб возлюбил ты смерть.
Ты до сих пор не выбрал символ веры,
безвольный наблюдатель, антихрист и «капір».
Тебя задушат, проклянут за дерзость
быть посреди, когда раздвоен мир.
Ты никогда не знал цены вещам,
кроме цены дождей,
и пусть в тебе иссохнут слезы замученных людей,
чтобы глаза твои изжечь и вены изъязвить,
чтобы струпиями покрылся
за муки страстотерпцев,
пусть никогда тебе не видеть свет любви,
чтоб не пророс травой, а стал шипами терний,
был трижды одинок и проклят, закопан на меже
и вечно рублен был концами сломанных мечей.
Ну, а пока живи и жди.
Пока идут твои дожди.

И вот что я ответил, избивенный собственным словом Игорю Пискунову.

Не слабо вам проснуться
в любом из тысячи утр в слезах,
просто так, потому что ты разлучен
со своим двойником.
Ведь только в таком (и тайком)
утре всех утр
рождается истина сутр.

И тогда вы свободно пройдёте ворота Расемон...
Не пугайтесь, глаз божий стоок,
и отраженный в них уже не так одинок,
а ясная явь все же лучше, чем мучительный сон.
Но, главное, интересуйтесь только собой,
Смотрящий в себя - уже не слепой.

Хаос-хроника терроризма. Гандиэра. 8491 г.
Фанат-террорист застрелил пророка ненасилия Махатму Ганди, простившего своего убийцу. Кто последует его примеру?

Все гениальное в мире старо:
вращается ткацкий станок –
обычный и хрупкий шедевр,
модель мироздания,
добрый смешной человек
занят обыденным делом...
Его нехитрое ремесло – миротканье,
да и мысль у него лишь одна:
«Ненасилие!»
Он тих, но нет в глазах его страха,
и... просветленная Индия освобождена.
О, Махатма, божественный старец!
Тысячи тысяч твоих ткацких станков
нить ненасилия выткали
и спасли честь имперских львов и ослов.
А ещё, он сказал мне, приснившись:
«Не я, вы – Ткачи,
учитесь Миротканию!»
С тех пор я иду к этому простому знанию –
не сеять месть,
чтобы однажды просветленно изречь:
- Он есть и я тоже есть.

03.10. Поезд. Возвращаюсь из Павлодара, через Астану в Алматы. Зябко. От мысли, что бомбы-то рвутся совсем рядом. В пути разговорился с одним академиком. Он попросил почитать. Вот это.

Во мне говорит слон,
листьями и ветвями съеденными говорит он,
однако уже реквием поют ему братья по роще,
уничтоженной им.

Что может быть проще и сложнее,
чем этот большой биоритм?

Мой слон будет потом одинок
в величии мертвой плоти,
а печальная роща сильна возрождением.

Материя растений восстает
против слонового во мне отражения.

Что это? Бред? Или возвышенные мысли?

А ведь слон мой до смерти боялся мыши,
а любили его, по-настоящему, листья и ветви
(странная по нашим человеческим понятиям вера).

Но не слон я, не жить мне в любящих рощах,
все аллеи мои и трава – в городах тротуар,
и не войти мне в зелено-золотой будуар:
телебандит пристрелял уже
мою квартирную площадь.

Все, что имею я – беду за бедой,
слезы старушечьи, монетку в ладонь,
ясность души убита одним сентябрьским днем.

Прощай, мой добрый и сильный слон.

Ты – мыши пугливый клон.

Благодарю одну милую и смелую женщину. Если бы не она, то эта поэма не появилась бы в газете «Республика» сразу, по написанию. 20 октября 2001 г.

Лире Байсеитовой

Отстукал поезд дни разлук...
Во остановках суть бесед:
- Скажи мне, по купе сосед,
зачем движенья наших рук?
Ещё: зачем мне предстояло
побывать на родине отца,
которого не помню я лица?
Но вот из детства всплыло явно
реки благословенное течение...
В те дни не знал я про Иртыш,
меня любил задумчивый камыш,
и было мне от счастья отречение,
что я плыву в беду поэзий,
от камыша в миры,
где буду я полезен.

Караваны веков прошли мимо каменной стелы с надписью Культегина... Но даже книги в камне не вечны, ибо ветра и дожди суровой прародины тюрков медленно стирали древние рунические знаки. Как быть? Особенно, если такие памятники оказываются в границах иных религий и их может разрушить ураган невежества? Но вот в Казахстана привозят протограф великой надписи Культегина и он обретает защиту под новым кровом. Так рождаются хрестоматии поступков.

Имангали Т.

Древний тюрок Культегин
среди дремлющих равнин
на попу поставил камень,
что стоит теперь, как знамя.
Ну, а нам оставил честь
руны лунные прочесть.
Камень-Знамя

Камень-Знание!
Красота поющих рун,
как печаль ушедших лун...
Может, время тоже рунно,
и по кругу ходит лунно,
чтоб ночей священный зрак
сохранил свой рунный знак.
И однажды отрок зрячий
нам откроет, что он значит...
Камень-Знамя

Камень-Знание!
Для племен.
И для времен.
Знак бессмертий...

Хаос-хроника терроризма. Простень. 0002 г.

Ирак. Страну-изгоя побомбили для порядка. Число жертв среди мирного населения неизвестно. Афганистан. Расстреляны статуи Будд в Бамиане...

Багдаду М.

Все!.. В Бамиане расстреляны Будды,
Что несли нам улыбку высокой нирваны:
как случилось такое и что теперь будет,
если ныне даже пророк пророку не равен?..

Я хочу спросить у прилежных наивных талибов:
– Разве такое есть в сурах Корана,
и все изваяния там записаны в идолы
и, значит, будут вскоре казнены в Бамиане?..

Что мне делать теперь?
Лечь на рисунки моих Тамгалы,
заслоняя пращуров голых
и их друзей солнцеликих,
но тогда в ворота церквей
пропущу я гранаты-голы
и каменных баб не спасу от фанатика-киллера.

Слишком мал я,
чтоб прикрыть собой мавзолей Яссави,
и камни Голгофы, и камень Каабы.
Вот впервые ни слова не пишу о любви,
ибо разгневан осквернением
капищ и кладбищ.

Раньше думал я – человек спасается Богом,
а не Бога спасает от прочих богов,
верил я, что мы будем возвышены Словом,
и в каждом Бог растворен, как Любовь.

А теперь я растерян, я ранен
и теряю веру в возможность
«Братства Надверий».
Я расколот, как лики Будд в Бамиане,
и боюсь, что и мир будет расколот навеки.

Что ответишь ты мне,
пастырь паствы своей оболваненной,
толкователь, начетчик, искажитель
священных писаний и книг,

и кого ты поставишь завтра в тир Бамиана,
и в чей, неудобный тебе,
захочешь выстрелить лик?

Я хочу президентов сегодня гневно окликнуть:
- Что за фигу вы держите в вашем кармане,
если в итоге тайных высоких политик
завтра люди станут мишенью
в «Большом Бамиане»?

Люди, братья!
Неужели вновь начнется война вер против вер,
и по первой весне двадцать первого века
друг на друга натравит нас фанат-изувер,
и лики пророков заслонят лицо человека?

Не хочу, не пойду я с толпою за Богом,
пусть фанаты меня забросают камнями,
но скажу я им все же последнее слово:
- Возродите Будд и меня в Бамиане!

Время есть. Целый век впереди.
Наберемся терпенья неспешно вести
самый трудный на земле полилог:
Человек, Человечество, Вечность и Бог!

Хаос-хроника терроризма. Ньюарь 2001 г.
Нью-Йорк. Вашингтон. Авиа-тараны Всемирного
торгового центра и Пентагона. Погибших – тысячи,
граждан не только Америки.

01-07 октябрь. Я опять в Алматы. Дома. По ТВ –
все то же. Мир ждет акта возмездия. Мир разделился.
Возможно, навсегда. Прочти и утешь.

Пайгамбар и Пророк.
Мухамед и Христос.
Разлученные временем близнецы.

Точно такие, как Моисей и Будда.
 И у каждого гнев в глазах стоок.
 Застыл многорукий Шива.
 Их путают только слепцы.
 И для них не случится чуда.
 Всюду слышится: SOS! SOS!
 В руинах лежат бедняжки-близнецы.
 Вас нет и мне больно.
 Неужели возможно такое?
 $1:1 = 1$. $1:0 =$ бесконечность, бог.
 $1-1 =$ ноль. Бог мой! Бог – ноль???

Омин. Не мир?	Раз, два. Два, раз.
Не я, не мы?	Бриллиант, страз.
Бог мой? Бог ноль?	Ты, мой близнец.
Мир вновь не мой?	Есть, был. Был, есть.
Не был, не есть?	Небо Тенгри.
Кто ты, близнец?	Одно, смотри
Тенгри, ты где?	Всегда будь. Да.
Ни с кем, нигде?	Дай сил, Будда.
Будда, нет сил?	Живи и сей,
Не будь, усни?	Мой Моисей.
Моисей, не сей?	Сигнал дай: SOS!
Не мой, но чей?	Спаси, Христос.
Христос не спас?	Храни от бед,
Забыл про нас?	Мой Мухаммед.
Мухаммед мой,	Мы – близнецы.
Ты кто, чужой?	Не мсти. Не мсти.
Есть месть, отмсти?	Один есть Бог.
Ненависти?	Как вздох, как слог.
Не вздох, не слог?	Я не один.
Бог одинок?	Аминь. Омин.

Роллану С.

Вот сидит человек за столом, озабоченный порядком нечесанных слов, в силу занятий своих он видит бумаги безжалостный срез и жалко ему отрезанных букв, как мне моих Близнецов. Но все же, подумав, он решительно отчеркивает два слова: "Трон сатаны". Тут я пугаюсь и вспоминаю, внезапно, что написано было мной когда-то.

*«О, Моби Дик! О, Моби Дик!
Душа несатым взглядом гладит
Мадонны Книги лик...»*

Хаос-хроника терроризма. Сатанарий. ОООО.

... В священном городе три знатных человека, которым довелось найти секрет бессмертия, вели свой вековой упорный спор о том, кого назначить на божий трон, и аргументы их о Кандидате каждого имели достоверность вечных книг, где волшебством прекрасных слов повествовались глазам смятенного ума и взору сердца истории чудес, пророческих знамений и легенд о сотворении мира, в котором воплотились: все совершенство неба и плоть греховная земли, упрямство гор, податливость воды, гордыня древ и послушание травы, и сонм живых червей и тварей, и главное творенье — Человек в его близнецеской и двойственной природе Мужчины-Женщины.. потом, со временем, уже и их — наивных мужчин и женщин — вовлекли мужи в свой долгий спор, и разделились те на роды и народы, на партии и секты, пока в неугасимых ссорах-склоках, незаметно, не пересекли они границы мира и стали воевать, безжалостно мертвя противников, сжигая веси их и тучные поля, чтоб возвести на трон достойного одной неоспори-

*мой веры, кто мог бы править ими, пока все челове-
ки – в трудах зачатий, сеянии и сборах урожая – не
возродят истерзанной природы. Так вот: когда уже
три знатных мужа, имея миллиардные войска своих
приверженцев, и видя, что нельзя их укротить иначе,
чем показав тот самый Трон, и успокоить хотя бы
тем, что он еще не занят, что они – три знатных
мужа – пришли к согласию, что там воссядет их
триумвират... и в миг, один, ужасный, когда они от-
крыли залу тайную в своем священном граде, то все
увидели, отпрянув, что Трон был занят Сатаной...
Трон Сатаны...*

*На любовь человека откликается любовь при-
рожденного зверя, на женщину хищный самец, на зу-
бастую самку наивный мужчина... ведь влюбленное
сердце так сладко и крови в нем много, как в море за-
катного солнца... не увидеть там жертвенной крови
и крик обреченного – всего лишь ветер над пеплом
моих Близнецов... Плачет и плачет влюбленное сер-
дце мира Ему вторит богиня Умай... Плачь... Прости-
те, невинно погибшие, нас. Прах...
Топрак (по-казахски)*

...хотел бы я, мгновенно, получить прямой-мечом
-прокол в глубины живота, где жизнь моя находится в
противоречиях с возвышенным предназначением нут-
ра-души, но даже если б был такой простой проход из
существования в сущность (кровавое банальное реше-
ние сакральной надбожественной проблемы), я все же
постараюсь заблудиться мыслью и заново искать едва
заметную тропинку (здесь в голову приходит образ
дикобраза, который оцетинившись с испуга, пятится
назад и жаждет болезненного возвращения в нору, тем
расширяя рану-норку), без оглядки на простоту реше-
ний и недооценку собственных инстинктов возвраще-
ния (ведь не только дикобраз, суматошно обнюхиваю-

щий все прототипы явного обмана, кажется сторонним дураком), но и я, как вы, пугаю отступленьем неверящих в мой путь к себе, и мне сегодня недосуг прийти до времени заката к просторам ясного пути... люблю я эти заблуждения-возвраты, и должен сам себе придумать науку навигаций к острову души в отсутствии всех звезд, луны и солнца... и если даже срок мой кончится и кровью истеку я от неудачного "сейпоку" (в простонародьи – харакири, ведь длительность мучительных часов-исканий неизвестна даже тем, кто к финишу уже пришел), я упрямо предпочту больное и долгое блуждание в простой арифметической задаче: от пункта "А" до места "Б", чтоб как-то, пусть глупостью своей, обогатить всевышний промысел (а есть ли он?) о нашем знаке-судьбе блуждать среди гордых чемпионов техно-достижений и, вопреки всем олимпийским лаврам, отпеть себя осенней песней несчастной доли дикобраза, застрявшего на перепутье раны... из вне в себя... из супервиртуальности земных страданий в галактику всеускользающей души...

Написав это, я заболел. Пришлось лечиться не только лекарствами...

Ж. Шайкенту

Он так устал,
он чуть поспал
от дел спасения поэта...
Ему, как видно, снилось лето,
пока его неугомонный друг
руками трогал облака
и отвергал всех слуг
в таком божественном и легком деле.

Поэт был весел (но во сне),
 как облака и солнце,
 он всё ещё так верил
 в дружбу дев и девок,
 но никогда не смел обидеть Слово.
 Мой друг и гость от Бога,
 спасибо, ты подарил мне гроздь
 обыденного средь быдла уважения
 и вбил последний в небо гвоздь.
 На нем повешу я
 бюллетень своей болезни,
 что всякая любовь стихам мои полезна.
 А боль? Она вырастет в меня
 и выведет иные семена.

P.S. При пробной читке мой друг, поэт Кайрат Бакбергенов, неожиданно, по ассоциации вспомнил, что есть еще одно мистическое совпадение. Оно из области компьютерных загадок. Так вот. Если набрать на компьютере в «Times» номер рейса того рокового самолета, летевшего из Бостона курсом на Нью-Йорк, – Q33NY, затем перевести в Wingdings, то появится следующая картинка...

Times Q33NY Wingdings ➔ ■■■❖

После нашей беседы, что состоялась 7.10. в 11 ночи, через час началась бомбардировка Афганистана. Местонахождение террориста №1 неизвестно. И возникают вопросы.

Одиночество после Одиночества.... Эту Книгу Книг напишем мы все после первого своего одиночества, но читать уже будет некому, ибо не услышали голос наш пока было время слушать, а теперь мы

поем свои речи глухому и машем руками и ходим перед слепыми, нюхаем воздух, где нет никого, а горше всего то, что книга эта будет лежать на горке песка среди гор большого песка и звезды будут мертво смотреть в точки отточий.

Так свершится великое чтение мертвого мертвым, эта и есть последняя встреча близнеца с близнецом, и мы станем безмолвной частью космоса в качестве объекта поиска одинокими иноблизнецами из инобытия.

Я не верю в плохие приметы. Верю в хорошие. Пусть они исполнятся. В Алма-Ате прекрасная погода для исполнения надежд. Да будет так.

Близнец, признай Близнеца. Близнецы, не убивайте Близнецов.

Ваш близнец Дюсенбек Накипов

Алма-Ата, Астана, Павлодар, Нью-Йорк.

11 сентября – 11 октября. 2001.

Эра Ганди – Водолея.

ПАДЕНИЕ БАГДАДА
ИЛИ ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ
поэма древних и новых хроник

И порушились дни весеннего равноденствия...
«Семеро против Фив»

– Где? – таксист тормознул
«Да, так, – отвечаю –
Просто греческий миф»
Шеф чертыхнулся и повернул:
– Я давно примечаю
Не в себе ты...
Лучше слушай радио
Вот где беды, так беды...
Буш прессует Ирак
Бомбы рвутся в Багдаде.

Замолчали и слушаем.

*...О, горе тебе, роком влекомый трамвай
Электричество кончится вскоре,
и ты остановишься*

...Где-то в веках
слепой и грешный бредет Эдип
Он вedom Антигоной, как случаем...
Рок. Пора за грехи отвечать.

Нас обгоняет джип...
На перекрестке. Желтый свет. Красный!!
Тормозов длинный свист...
– Смотри, пронесло. Куда он так гонит?
Чуть нас не задел. Педерасты! –
воскликает таксист...

Эдип обнял дочерей, как сестер:
Антигону с Исменой
Заплакал... И забрал его мрачный Танат.

– Слушай, что они делают, Буш и Хуссейн?
Отвечаю: «Не знаю. Рок это, брат».

Этеокл изгнал Полиника
из Фив семивратных...

Не ужились.
А на улице драка.
Двое бьют одного...
– Всюду дерутся, – замечает водила. –
Может быть, разберутся?

Может. Если б не Рок... Или Мойры...

А в Аргосе кончилась распря:
Адраст дал клятву Амфиараю
и сестру Эрифилу, в придачу,
в жены отдал...

– Что же дальше-то будет? Разве
нельзя в мире жить? –

продолжает таксист.

Думаю, вот ведь достал,
но отвечаю:

«Там, Фивы не поделили,
здесь – нефть.

И, вообще, против Эрифилы,
друг, не попрешь.

Мойры тебя разыщут повсюду.

И смерть».

Опять тормоза:

– Ты это о чем? Может, сойдешь?

Пауза. Коротко:

«Друг, извини. Это я о своем.

Ты прав. Не хватает

Ожерелья Гармонии...»

– Ладно, – он отвечает и... –

...А где же ООН?

Совет Безопасности?

И досылает:

– Но Буш и Хуссейн – оба гандоны.

Я поправляю: «Да, дети Пандоры».

Едем дальше...

Между тем, царь Адраст

Полиника с Тидеем решил поддержать,
и пойти войною на Фивы...

Но ворот-то там семь?!

И... Амфиарая – за ожерелье –

уболтала жена Эрифилы,

тем самым послав мужа на смерть.

Рок. Здесь, вероятно, Арес – бог войны
не преминул тайно вмешаться.

Еду. Считаю.

Сколько ж проклятий
в одной только древней Греции?
Пелопс проклял Лая,
Тот сына Эдипа своего
едва не убил...

И по этой прогрессии
Эдип отца замочил,
(Где Боги?) женился на собственной маме,
и несчастных детей
(братьев – сестер) своих породил.

– Слушай, – то водила опять, –
мой сосед брата родного
зарезал. Говорят, за жену.

Да, думаю, поэтому
и в жизни нашей есть место эпосу...
Хочется очень курить. Просто зверски.
Но нельзя. Стоим на заправке.
Огнеопасно и пахнет бензином.
Там, в Фивах,
кое-кто не внял знамениям Зевса,
и лишил себя героической жизни...
Простите. Немного вперед забежал
в античной запарке

*А ты, еще не рожденный счастливым зачатием сын,
жаль, не знаешь, в каких изговняешься памперсах*

Вот уже собрались...
Партенопай – Аталанты охотницы сын...
Этеокл и Кампаней –
легендарного Пройта потомки...
Гиппомедонт. Говорят он сидел на коне.

О прочих:

Полинике, Тидее, Амфиарае, Адрасте
вы уже знаете.

И пошли... В свой час неурочный
на войну. В миф

пошли. Против Фив...

А в миф уходят только покойники...

Едем снова. Вернее, плутаем
меж современностью и Плутархом.

– Блин! – это речет таксист. –

Бензин через день дорожает.

Что за жисть?

А в Ираке, говорят,

море нефти пылает...

Так ты, может, доплатишь?

«Пойдет...» – я киваю.

Не впервой платить за других.

За себя денег нет. А за тех...

Скоро согнут в две дуги

и в одну округлят баранку.

А герои идут. По пути задушила змея

мальчишку Офельта...

Прозевала Гипсипила, засранка,

(еле спаслась)

и стал Офельт Архемором

(по-ихнему, ведущий к Смерти)

А змея уползла за праздным их спором...

Что, веселая багдадка, не танцуешь на пиру?

Видно, не в своей постели ты проснулась поутру?

Ну, в общем, пришли.

Вот они, Фивы!

По-древнему очень красивы...

Аргосцы шумят.

Они агрессивны...

Их лазутчик ползет.

К Пройтидским вратам.

Вынюхивает. Не воняет ли там?

(Знаем, дескать, мы этих варваров.

Т.е. фиванцев.

Готовят какую-то пакость. Отраву.

Видно, ядра фекальные.)

Мечи стучат по щитам...

Летают вокруг судьбоносные Мойры.

Рок. Неотвратима бойня.

Скоро на щиты лягут великие воины.

Слушай, Постум, т.е. Костя.

Отчего же так прекрасен этот лес?

Ты отстал от века, Дюс Это все – фитодизайн.

Со стены Эдипид Этеокл

грозит Этеоклу Пройтиду.

Вещий Тересий несет свою ахинею,

что готовят месть свою Эвмениды.

Простите. Эдиповы комплексы я трогать не смею.

– Наверное, эти штаты

скоро задавят нас всех.

Драйвер мой жмет на педаль.

- Просто, видеть противно.

Знаешь, это – как смотреть

рядом с дочкой по телику **секс...**

Ладно б, один на один...

За Испанию тоже обидно.

Там все же футбол. И король.

Кофи Анан молчит.

И арабов заткнули, как дым,

в одно не дымное место.

А мы? Какую мы играем здесь роль?
Вот и рулю. А, в целом, мне стыдно.

Эк, его растащило!
Как-будто ему тоже вставили шило...
Покурили. Молчим...

Ага. Началось. Оракул предрёк,
и Менойкей Креонтид принес себя в жертву. **Фанат...**
Герои сошлись у всех семи врат...

*Собирай же, виноградарь, кровь заката – виноград,
а тебе вернут похмелье и отправят снова в сад.*

Ворота Афины защищал
Гипербий Ойнорид от Гиппомедонта...
У Нейских ворот Креонтид Мегарей
против Этеокла Пройтида стоял...
Астахид Меланипп упирался
против Тидея у Пройтидских ворот...
Ворота Электры отбивал
Полифонт – Артемиды любимец от Капанея...
Гомолоидским вратам был
защитник Лейсфен (юноша-старец) от
Амфиарая...
Актор, могучий герой,
от копья Партенопая был щитом
вратам Бореада...
У последних же врат – Эдипа сыны,
два брата – Этеокл супротив Полиника...

– Счас, приеду домой
и спать завалюсь
(мечтает шофер).
- Не то, бывает, боюсь,
что место при женке займет кто другой.

Смотрю. Край луны серебрится,
как бритва.

Станет полной,
начнется любовная битва...

И стали свершаться проклятья...

Сам Зевс сверкающей молнией

Капанея на фиванской стене поразил,
и упал он пылающим факелом...

Главу Партенопая камень черный разнес,
рукой Периклименовой брошен...

Амфиарай бежал и погиб,

пали от палиц

Гипподемонт и Пройтид Этеокл...

Ужасный Тидей поразил Меланиппа,
разбил его череп

и зверю подобно

стал пить его мозг,

и Афины Паллады любовь отвертив,
вскоре умер от ран...

Но безумною самой была

битва Полиника и Этеокла:

два брата секли друг друга нещадно,
пока не упали,

смешав свою кровь навсегда...

Спасся только Адраст,

приведший героев под Фивы...

– Вот всегда так бывает

(водила неспешно рулит).

Хуссейн исчез, Буш улетел,

а Багдад-то пылает

в огне и пыли,

а трупы погибших смердят,

словно они и есть Био-оружие.

Таксист замолчал, я опять закурил...

*Переел, я видно, очень этих куриц наяву,
и приснились яйца всмятку, но не помню их на вкус.*

Фивы спаслись,
но не погребенными

остались аргосцы...

Рыдали их матери, жены и сестры...

И тогда гнев обрушил сердце Тесея

и пошел он войной на Креонта...

Пали Фивы

и многие были снова убиты...

Семь дней на кострищах семи

горели тела аргосцев

и фиванцев тела...

Смрад стоял над землей...

Так свершились проклятия всех против всех...

Где те греки – герои теперь?

Где Антигона, Креонт?

Все мертвы. .

Зевс с Олимпа ушел...

Только месть, только месть на земле...

«Все, приехали. Получи расчет,

Приятель-таксист».

Я дома уже, но не сплю до сих пор...

Что такое – харизма?

По-моему, это “харя” изма,

любого идейного шиза,

в том смысле. из какого маразма

выглядывает та самая харя “изма”,

из коммунизма, фашизма или из глобализма,

где деформируется Лицо,

ибо для образования Ореола, т е.

чистой харизмы,

согласитесь, необходимы Личность и ее Лицо...

Если же и далее искать ассоциации,
то у Дж. Буша-малого харя
среднего американца из ранчо,
а фейс Саддама Хусейна
и морда дядюшки Джо Сталина
из одной плоскости,
как в свое время портреты Мао.
Именно, этой паритетной парностью
им удастся заслонить Лицо Человека,
а в более широком смысле Лик Человечества,
изумленно смотрящего на фейерверк
ночного бомбометания
и на реальность дымных развалин наутро...
Как же больно видеть погасшие ореолы
Человечьих Лиц, убитых зловещей харизмой
харь из “измов”.

Кесарю кесарево -
через сердце - сечение...
Киру,
свободную от заблуждений
голову в бурдюк...
Президенту Бушу
проглотившему Ирак, как урюк,
пиар и презент-прецедент
восседанья на пире,
на вселенском юру.
Сад саддамов-эдемов,
хриплые песни адептов,
затеявших бучу,
а поутру –
собиранье костей
отпевших людей
Пир – пиар...
Победа пиррова
над миром.

Се чей человек,
начинающий этот **век**
сечей?

Вот еще: если вдруг, напоследок успею
прийти к Пайгампару в Успенье,
или сегодня, на секунду, в обратку
поцелую в церкви облатку...
А, может быть, под лиственной сенью
погляжу в сине-светлые очи Тенгри?
Ничего, что покинул нас Зевс...
Мы еще не погибли. Мы здесь.

И приснился мне Сфинкс
еще у Фив не разрушенных...
Он загадку, как Эдипу, мне задает:
- Утром ходит на трех,
днем бежит, словно вепрь,
вечером стоит на одной.
Это кто? Отвечай!
Я говорю: - Урод, наверное.
С детства дебил.

- Молодец! Правильно! – смеется мне Сфинкс...
Взял меня да убил...

А с утра снова Эринии мщение несут.
Мойры – судьбу. Апата – обман. Эрида – раздор.
Кер – истребление. Танат – смерть...
Рок...
И новый поход замышляют уже эпигоны,
потомки погибших.

Март – Апрель 2003г.

ОДИНОКИЙ ЯНВАРЬ

поэма-триптих

Глава I.

ВОПРОШАНИЕ.

20.01.2001. Когда-нибудь я вспомню этот день формального числового равенства дней, месяцев, лет и столетия, и найду, может быть, формулу более важного равенства количества любви, надежды, боли и справедливости.

Я знаю, что было со мною вчера или много лет назад. И это логично. Ведь впереди никто не живет и не жил никогда. Просто каждый прожитый реально день расширяет Вчера. Оно было и есть. А кто видел и щупал пресловутое Завтра?! Жил ли в нем хоть мгновенье? Яд паука, укусившего Сегодня, может убить Завтра. У Завтра нет иммунной защиты от событий Сегодня. В отличие от нашего Синдрома Приобретенного Иммунодефицита – особой болезни придумывать Завтра. Ибо мы, окончательно

испортив свое *Сегодня*, изгадив все пространство недавних и далеких *Вчера*, заложив там все динами-
ты конфликтов и войн, оказывается, смеем еще пла-
нировать все это на *Завтра*. Ну и подлец – человек!
Ханжески думаем о “счастливом будущем детей”, а
уже конструируем взрывное смертоносное *Завтра*,
которое может стать еще хуже, чем *Сегодня* и *Вче-
ра*. Вероятно, надо без преступлений и потрясений
прожить хотя бы одно *Сегодня* и сделать его эта-
лоном *Завтра*. Мечта?! Конечно! Но, все-таки, если
бы...

Сегодня – чувства сжимаются до инстинктов.
Сегодня – новости со всего света, как сметающий
сель. *Сегодня* – долины надежд в грязи и крови. *Се-
годня* – ни жертв, ни орудия их смерти не разъять,
как сиамских близнецов. *Сегодня* – мы в коме. *Сегодня*
– еще одно безнадежное *вчера*. Что будет *Завтра*?
Когда *Вчера*, *Сегодня* и *Завтра* станут новой святой
Троицей любви и мира?

Посылаю вперед вопросы,
они, скорее, мои послы,
или смиренные просьбы,
и, в сущности, очень просты.
Смятение мое не кончается,
в сердце растет, вместо веры, боль:
снова с ракетными колчанами
летают над землею «war-boys».
Потерплю пока с ответами
о первичности бытия и небытия,
и постою в очереди за поэтами
в ожидании главного события –
открытых дверей
и зарытых мечей.

24. 0. 2001

Прошло всего четыре дня и я заметил:
даты календарных пометок
становятся старше веков.
Что это значит?
Если подумать извилисто,
то очевидно: мы скользим **вниз**
по эскалатору столетий,
но все-таки вниз и вспять...
И надо учиться
дни и жизнь исчислять наоборот.
Мы регрессируем,
наша вселенная схлопнулась
и сжимается внутрь
(снаружи её уже, вероятно, не видно).
Остается лишь стойкий запах хлорки
в коридорах больницы,
где утеряли невинность
девственной плоти
прооперированные пациенты.
Состояние их еще не стабильно,
но их уже выписывают,
как выбрасывают в урны
родильных домов плаценты
(в просторечии – рубашки).
Правда, там в жизнь приходят младенцы,
инстинктивно стремящиеся назад,
в лоно матери...
Но поздно. Надо плакать, расти
и участвовать в процессе.
Но, все-таки, регресс или прогресс?
Вперед или в *Презжде*?
Что будет? Пища или останки пиршества?
А прошло-то всего четыре дня.

24. 0. 2001 ...

Январь случился странный,
непесенный, немой,
он, как усталый странник,
проходит стороной.
Хотел его окликнуть,
но постеснялся вдруг,
дорог его недлинных
сомкнётся скоро круг.
Я тоже в сердце сомкнут,
как горизонт степей,
сегодня даже солнце
свободно от теней.
Мой друг, январь печальный,
прости за немоту,
я сам, как гость случайный
присяду не к столу,
присяду у дороги,
чтоб оглянуть окрест,
а ты, как дервиш божий,
в меня направь свой перст.
И улыбаясь странно,
продолжи вновь свой путь...
Прощай, январь - мой странник,
и про меня забудь.

* * *

...В дни горя сомнений гнева
надежд и любви
я себя посещаю как существо
планеты иной
И это бывает так явственно
как если бы трогать улитку...

В этот миг я сжимаюсь от страха
и весь в себя ухожу —
глазами ушами всем телом
умом обоняньем
впадаю в морок и потом едва
могу вспомнить его посещения
кроме того что это было...
смутное теплое Нечто-Никто.
Знаю одно: Оно помнит начала
всех печалей моих и невзгод
тминные зернышки радости
краткие вспышки любви
мечты-испарения сердца
слова или звуки натянутых жил
узоры-каркасы артерий нервов и мышц
во время движений-усилий
и спиральные кольца забытых давно
размышлений и чувств
что были родом из первого дня
мгновенья-зачатья...
Когда со мной приключилась эта история —
заступить за ту сторону жизни?..
Инопланетное «Я» самое себя посещает
как человека другого...

* * *

Боль белого цвета...
внутри...
ослепительно **черная** рубашка...
сверху...
медитирую...
фигура моя вне свечей тихой церкви
стоит в поле башней...
бинокулярно зрю в монокосм мозга...

там скорбно и тинно.
В эти дни мне нельзя удаляться от жизни...
Потерзали меня мышастые кошки,
чтобы собачьим не заплыл я жиром...
Транспонируюсь,
ритмы мыслей меняю
и теперь...
Я бесплотно-пилотен,
как запах полыни
облетаю миры и моря,
гашу на сегодня порывы
божественного ветра –
камикадзе в себе...
Нельзя помогать бесам –
мышиним кошачьим собачьим...
От них это тихое бешенство
к судьбе...
Пора заняться ремеслом рыбачьим,
ибо рыбьих криков не слышно с берега...
улов мой – слово безмолвия...
Мысль осенила хоть и черная...
сжег я свое слабое сердце,
но в пепле видна отчетливо
боль красного цвета.

Рудольф Нурсеву

Энергия всегда определима:
коль человек – она в спине,
а во вселенной – в «спине» (*Spin*),
в моменте вращения-возвращения
Ничего во Всё.
(так говорят одне).
Не все...

Ищу ответ в просторном лоне жизни
и во сне
бесстыдном о себе,
где голова моя,
венчающая торс,
попала в *торсионные поля*,
как в бред...

Танцор Рудольф!

Там нет примет-координат
балетных наших сцен
и никто не знает,
где берется первый *форс*
для пируэтов,
завершенных позой *ухода*
по системе самозавершенья *дзэн*.

Попал я также в вакуум,
в начало истечения материй
не нашей осязаемой природы,
и напрягая **вещный** ум,
хочу теперь постигнуть простоту
или надраться, по-хорошему, **мадерой**,
когда не сходятся остатки сумм –
итог терзаний танцем
мужских и женских тел,
чья фундаментальность
была нам очевидна без наук:
стосилуэтно, пофигурно и спонтанно,
в движение-вихре и в мгновеньях статик,
чтобы легко летать могли мы
меж дебрями галактик.
На то и сотворен богами
всепроникающий Танец – Спин
(*Spin-dance*) –
венец земных самотворящих практик,
умение расти ветвями из корней,

пока не овладела нами
теория астрофизической могилы...'
Для всех, всего и навсегда...
А здесь и днесь,
давно течет тяжелая вода,
и вслед за ней вражда-война-беда...
(Ух, занесло от торса
в *торсионные поля!*..
Коль сильно дуть, то и кларнет
сыграет нам ноктюрн - бекар?!
не хуже *водосточных труб*)...
Пора, Рудольф, глотнуть **реальный воздух**
земных физических проблем,
усталым мышцам-мыслям
нужен роздых,
и мне, спинальнику сердечных катастроф,
давно пора всплывать
из лабиринта тупиковых троп.
И здесь спасет меня, я верю,
надежды старый *брэнд* –
я с нею вновь пройду все веси,
прорвусь сквозь вакуум
глобальных одиночеств
и метафизических пророчеств
о неизбежном, чей пароль:
“Над всей Испанией безоблачное Небо...”
А над Ираком дождь ракет.
Наука это или бред, не знаю,
но верю,
что *спин любви* энергией незримой
способен возродить Вселенную,
когда ее иная сила до смерти сожмет,
до точки взрыва...
(в науке, слышно, и такие есть поветрия.),

Но знаю —
и эта мысль, как ожог,
или летающая рыба —
мы возродимся в религии Всеветвия,
(она нова и непорочна)
и в этом новом торсионном поле
пустим корни
Навсегда!
Рудольф, а вакуума в природе просто нет.
Есть *tortion*, *спин* и пируэт.
Тебе-то хорошо известно (по сцене):
вращенье без головы нелепо,
кстати, как и торсы.

* * *

Он. Она.
Вопреки закону Ома...
Джон Леннон... Йоко Оно...
Отрицание... Утверждение... Киплинг...
Восток... Запад... Встреча на крике...
Тело — молчанья капкан...
Ум — петля...
Дух — полость...
Мысль — кран...
Нигде точно... Всегда около...
Гудит плоский колокол...
Скрипка... Дырка...
Струны — рельсы смычка...
Пальцы на горле...
А где музыка?..
В душе скрипача?..
Красота — ожог...
Крапива красива...
Сомнение — огонь...

Полено в камине...
Меня обнимает ветер...
Это любовь?..
Извилины мозга –
дороги муравьев...
Они ушли...
Там теперь живет короед...
Если кто-то утонул,
то вода – людоед...
Мне тоже пора уходить...
С юга на север...
Кто вместо меня останется?..
Рукопись сердца?
Почерк?..
Знак?
Не знаю...

* * *

Писать не в силах в рифму,
возврат зимы, смерч-стресс
 снес с бумаги строки.
И все ж, попробую опять
 проплыть сквозь рифы,
сквозь время убиения сердца
 и ослепления ока
всеплачущей души...
 Мышам в кормление
достались горсти горьких мыслей,
и вместо света –
 только гарь и мренье,
тяжелый дух жилища
 жадной мыши.
Зима опять вонзила снега
 в нежность марта,

что породил для смерти
веселые ватаги почек.
Обманутые солнцем,
они уйдут в овраги мрака,
чтоб песни света петь
для несчастливцев ночи.
Но, вижу, все мои намеренья напрасны,
и написалось это все же в рифму,
между строк.
Я рад тому, что жить, любя, опасно,
а снег не выпьет всей горькой жизни сок.
На том молчу сегодня.
По-итальянски: - Баста!
Иль как говорилось у казахов
начну с начала т.е. завтра: - Баста!
Т.е. вчера.

* * *

Как-то, находясь у края Облака,
с учетом наследственной боязни высоты
я обмер весь от страха до тошноты животной —
внизу смеялась бездна...
Плоть рыхлая того
несущего меня над прежней жизнью Облака
была вблизи не очень привлекательна на вид —
совсем не то что кажется нам снизу от земли...
Так вот: едва удерживая рвоту
и животный крик
я посмотрел еще чуть выше
(думаю, коль умирать, так с солнцем)
но там увидел, с ужасом, еще одну иерархию
таких же неплотно-неопрятных облаков
бесформенных и гнусных
(куча грязных перьев)

которые как показалось мне
кичились своим правом
на застлание небес (а где-то выше,
среди совсем невидных сфер
еще один угадывался слой
сырых и серых Облаков)
И вот когда меня уже почти стошнило
а мозг был помрачен безумством страха
по наитию предсмертья,
я стал в той высшей сфере
узнавать блеснувшие рельефы букв
и абрисы еще не сбывшегося слова...
На миг один,
забыв о тошноте и страхе -
вековом равнинном -
пав на четвереньки
я принялся ощупывать
свой слой лохматых Облаков
и ощутил
чуть видные бугры изгибы полости
и очертанья какого-то
провидческого знака – буквы
(ну знаете как эмбрион
сканируемый лазерным лучом)
о приближении-грядении
огромного Ненастья
без имени географии и даты
когда Оно случится...
И не было в нем указаний
на цель и смысл несчастья
и вместе с ним
грядущих бед...
Вот там-то на краю на тошноте,
неся в себе генетику
противостоянья равнин и высоты,
я неожиданно забыл себя и словно **в коме**

вдруг проникся странным любопытством
к топонимике пра-слов
и увлеченный столь неподходящим
к экстремальности момента занятием
кончиками пальцев (сенсорно)
и осовевшим взглядом (визуально)
прозрел как самоё – само
небесность букв
их хрупкую и абрисную легкость
всю теплоту и нежность
и неразрывность с эмбрионом Слова
которое еще не ведая
чему оно даст имя после рожденья
каким вещам их назначение предпишет
какой откроет смысл
и что сокроет названием своим...
Так вот в то краткое мгновенье
которое продлилось быть может
сто тысяч лет
когда я находился рядом с эмбрионом Слова
и словно видел родовые схватки
космического Лона
я снова оказался на крае Облака,
на тошноте,
на страхе и провидел уже в тот миг
в свой день скорбей...
как это Слово...
едва рожденное дитя
в котором было уже столько смысла
срывается с высот предназначенья своего
чтоб через тысячелетья удариться
о камень черепов людских
и искаженное устами человеков
поруганное за чистоту свою и разлученное
с иными братьями и сестрами-Словами
потеряно вновь будет для Пониманья

порушит естественное
течение событий на земле и в нас
и брошенное в грязь сомнений
медленно мучительно-безмолвно
истечет своей пророческой
прозрачной кровью
так и не успев нам объяснить
своей божественной космической природы
и оглушенное ударом в черепа людские
умрет в который раз
так и не подвигнув нас
в свои высокие кочевья...
Увидев это, я сорвался вниз...
Но и в полете смертном верю,
что где-то новые рождаются слова
и смыслы их для жизни —
в прекрасном и таинственном ландшафте
человеческого мозга...
Как жаль, что лишь во днях иных
откроется внезапно нам
значение Бытия и Слова...
Не сегодня. Нет.

Габриэлю Маркесу

Кецалькоатль!
Ты знаешь, сколько плакал я,
читая хроники испанцев?
Но кто же все же спасся?
Летать и плыть единожды-опасно.
Кецалькоатль!
Столетия одиночеств
проплыть и пролететь нельзя,
как отрокам до древних отчеств.
Что делать, коль кругла земля?

Кецалькоатль!

Мужам открытий не до слёз,
все океаны созданы из соли,
а там полынный сок и сок берез
растворены, как в говореньях Слово.

Кецалькоатль!

И одиночества мгновенье
бывает тяжелей задумчивых столетий,
плоды и снег ломают ветви...
Неужто все мы только пыль для ветра?

Кецалькоатль!

Земли вертящейся печаль
мне не по силам. Нет...

Казах — куа — тіл!

Язык-свидетель!

Птица слов!

Лети над судьбами планет,
крича, крича, крича...

Куда течешь ты, дьявол-время?

Зачем ты хочешь окончания меня,
вселенной чувств и памяти моей?

Уж лучше сам я выберу свой час,
но произвол не потерплю, и всякая
случайность мне унижительна...

Хотя я знаю - самоубийц хоронят на **закате**,
до луны и после солнца...

Еще с тобой поспорю напоследок:

я не песок в твоих часах,
и не вода в медлительной реке твоей,
но как-нибудь я все-таки найду алмаз,
чтоб высечь на твоём бесстрастном
нескончаемом челе
знак моего восстанья на земле.

*Приговорное слово бабки-баксы
под свист камчи...*

Слушай реченное некогда
рыком синего волка-борй...
Счастье твое за спиной затаилось
в нем опасность и груз
Сейчас ноги твои для
короткого шага связаны но иди
С гневом в сердце на суть неправедных дел
Стянувший руками живот свой
как удавкою смертной
С глазами обреченно
смотрящими в дно колодца
С тьмою в душе в бесподобном
с собою борении
Спаленный огнем
иссушенный к себе небрежением
Сын мой страданье твое
для немотно-высокого лба
Стёртого ударением смыслов в кровь
Среди двух враждебных
субстанций живущий
Свободы для вольных поступков лишенный
Смотри и внимай словам очищенья
Случайным вещам
и попутчикам вверяющий душу
С языком приросшим к горлу и нёбу
Стегаю камчой
окружаю петлями танца-хожденья
Снова бью и все же не вижу –
Станешь ли
сыном бегущей судьбы
Сводным братом печали
или мужем удачи?
Свет мой,
страдалец, терпи.
Тёмен твой путь.
С-с-с-с-с-с-с-с-с-с...

Глава II.

СОКРУШЕНИЕ.

В мрачном свете трагедии 11 сентября в Нью-Йорке и драмы “Норд-Оста” в Москве возникают апокалиптические аналогии и мысли. Ужас террора и акция возмездия в Ираке держат мир на грани сверхкатастрофы. Глобальная политика и будущее наше становятся непредсказуемыми. И все же?! Давайте поразмыслием.

С каким периодом истории земной цивилизации можно сопоставить наше время? Если представить себе некий гипотетический историко-культурный срез, то упрощенно он видится мне так: доисторический супервек – это разрыв Пангеи и гибель динозавров; каменный век – истребление неандертальцев и торжество хомо-сапиенс; древние века завершаются возведением пирамид Египта, майя и статуи Колосса Родосского; железный век – строительством Эйфелевой башни; атомный – трагедией Хиросимы и, как ни парадоксально, уничтожением башен-близнецов ВТЦ в Нью-Йорке.

Как видно из этой сознательно упрощенной схемы развития цивилизации, то середину ее можно все же назвать краткими эпохами созидания, а по краям ее стоят неоспоримые термины: разрыв, разрушение, гибель. Очень похоже на общеизвестную теорию развития Вселенной: чудовищный первовзрыв, расширение (наш этап), а затем – неминуемое сжатие в смертный коллапс. Не утешает, нет. Мне стыдно жить сегодня.

По данным астрофизиков Вселенная все еще продолжает расширяться, т. е. живет. Но пока есть глаза человеческие, жива и наша цивилизация. Не бу-

дет нас, не будет и Вселенной Так говорит мне моя поэтическая наука, состоящая из интуиции, надежд, любви, сомнений Что же видим мы у себя, на Земле, оком сердца и объективами телекамер? Что ощущаем нашей смятенной душой, видя акты глобального терроризма: смерть, горе, гарь?!

Вечер весны. Один из прочих...
Алма-Ата. Центр города. Холодно...
На севере просыпаются корни Туранги...
На сто верст от меня. Они – сверстники мамонтов...
Далеко от Турана до Ирана...
По времени – совсем не дойти...
Позади, по вектору – юг. Там тают снега. У вершин...
Там родники. Здесь, внизу, просто грязный арык...
И – дастархан. Это – система еды по-простому...
За столом, на площадке, я и друг. Он думает о своем...
Я – о десятом. Вокруг – шум обжираловки. Тошно...
Мы беседуем откровенно. О сотворении. Мы – боги...
В воздухе – дождь. В нас – отчаянье. Двойное...
Никто не знает о Тайном. Зачатье весны...
Она слепо рвется из лона природы. Зима умирает...
Но люди – в зиме. Вернее – их суть. Мы мертвы...
Наши корни гниют. Они – старше Туранги.
2001...
Это – лишь календарь. Ничего нового. В обществе...
Глаза людей беззаботны. Открыты, как почки...
Завтра – мороз. В палестинах воюют.
Здесь смеются...
Хотят зеленеть.
Запах шашлыка – вознесение ягненка...
Еще одна жертва. Вкушающие веселы. Тризна зимы...
Боль в глазах друга скручена. Как саксаул, что горит...
Плоть саксаула обнажена. Ей тоже – тысячи лет...
Но он обречен. На огонь. На пепел. Уже ночь...

Она внезапна. Поцелуй ее влажен.
Глаза друга темны...
Ему улыбается женщина. Все же весна. Ночь...

Мадине М.

...Я не из тех, кто умеет сказать
 обо всем в трех словах,
и слов мне надо гораздо больше, чем снега,
чтобы понял Некто, как хорош бывает
 зимний поход от молчания к речи,
от Молитвы к Чуду свершенья.
К сожалению, руки мои не ловки
 нанизать на строку ожерелье из льдинок,
мгновенное чудо рассказа в стихах,
 и повесить его за окном на мороз,
чтоб попало оно в антологию снежных поэзий
до того, как наступит время истаять всему...
Что поделать, себе самому не умею я объяснить,
как наступает эта горячка,
 когда в больные фибры души
врывается ветер тугой волной темных звуков беды,
осколками разрозненных фраз,
 лавиной предчувствий,
и сотрясает меня, пока не случится
 во мне ряд превращений,
в конце каковых обрету я свойства органа,
чтобы выдохнуть несколько длинных
 и согласованных слов,
из ряда которых станет понятно,
 что хотел я рассказать Инакому
среди этой ночи глухой...
 А если уже совсем повезет,
то напишутся белые ноты без метра,
 подобные этим, и Некий сможет

извлечь свою стихомузыку
и понять, как хорош
неконтактный метод любить...
И выдохнуть горечь зимы
в обыденно-чистом слове
Спасибо...

*Нелегко писать в рамках жанра молчанья, но
зрящий танец Благодарности,
как и читающий повесть Спасенья, поймет, где ис-
кать смысл чуда второго.*

*Оно уже незаметно свершилось, пока писалось о
первом.*

В ночь весеннего равноденствия
полезно побыть одному
в согласии с космическим действием
и тайнами солнц и лун...
Договор между днем и ночью,
компромисс с двумя половинами
одних суток с глубинными нотами:
с нотой женщины и нотой мужчины.
Завтра – умножение одного
в ущерб другому,
завтра – умаление чье-то,
как самодарение...
Душа все миры огибает дугою,
начиная последнее от себя удаление.
Сколько же дней
добавляться дням?
Как долго еще смиряться ночам?
Поражение, реванш, переток?
...Удаляется от запада восток...
Но сейчас забыты все бедствия
на миг весеннего равноденствия.

Воспитание проницательности... дело сие непростое и обычные земные методики тут непригодны и все-таки решаюсь и проницаю...проницать заборы бессмысленно, ибо за ними находятся еще и дома...попробовал с собакой за забором...облаяла... видно не то и не ее проницал...опыты с женщинами кончились и вовсе печально...проникнул вроде бы сразу, а потом еще раз проникся и населил ее чащи диковинным миром из смеси флоры-фауны-красоты, но она оказалась сосудом темного толстого стекла и неожиданно оплавилась во мне, причинив нестерпимую боль и оставив пустоту и чащобность...далее я стал осторожен и проникся бес-телесным дуновением ветра и тут появилась надежда проникновения в вечность ... сие было чудесно...ветер меня подхватил и пронес над городом в травы, давая возможность увидеть их колыханье, затем посетили мы рощу и сделали частный визит в крону ясеня, где было дозволено нам слушать говор листвы меж собой, как если бы сидели мы в операторской телефонной станции и попали в эфир свободных бесед листа со стволом и обсуждения проблем этой маленькой рощи, полной осенних слухов, край которой начали уже рубить, а также повадились ватаги пьяниц, засоряя поляны и разжигая костры из иссохших и падших веток... я проникнулся ветром и легким его дуновеньем, не давшем разгореться брошенному кем-то костру...затем мы разминулись с ветром и я занялся тем, что стал проницать большое здание под названием «резиденция правительства» и, выслушав грубый наказ охраны «нос сюда не сувать», понял сия резиденция и ее территория непроницаемы, и тут я персону «нон-грата», и это заставило меня - неумного - сделать очередную ошибку, то бишь проникнуть в дом умалишенных, где одна древняя лярва-стерва, распахнувши серый халат показала истощенные-обвисшие мощи свои и стала кричать: - Я Мадонна и сплю только с президентами и

скопом со всеми, и об этом смотрите мой клип... кляп ее выходки заткнул мою глотку и я выбрался еле дыша, ощупал собственный череп, пытаюсь обнаружить в нем остатки ума ... и тут пришла запоздалая мысль: пронизательность- сестра проникновенности и врозь они не возможны, но если поймешь и подружишься с ними, то сумеешь уйти из дебрей своего идиотства и можно по-настоящему начинать новый поиск человеческой души... А пока, для начала, мне надо снова встретиться с ветром, умеющим не разжигать костры...

Снова бросаюсь в зачатие
нового с норовом слова,
к первополю понятий,
где сам я – и семя и лоно,
агрессор и жертва,
смысл и свет
одинокое плаванья
к аллегорическому роднику,
матке-праматери таинства
наших простых разговоров,
божественное речетворение
над немотою камней и вещей,
дар называть их
и ведать им назначение...
В наши громкие дни
стало слово опять
немым и плоским,
и умерли в нем
отраженья бесчисленных лун,
а свет его стал
мерцанием бреда...
Ясные мысли блуждают
в лабиринтах темной и затхлой
гробницы времен...
Слово!

Как одряхлело ты
на панелях компьютерных улиц.
Неужели пришло твое царствие,
слово – клон?
Бессмысленный глас!

* * *

Как нищему, вне кожи, человеку
упрятать таинство нутра,
когда он вывернут наружу? .
Земля покорно пьет нитрат,
как алкоголь с утра,
и пьяны корни трав,
и лечит увяданье
их зеленый ужас,
но, замыкая круг отрав,
мы сами пьем отвар
из мертвых трав...
Убит наш голос в нас,
крушенье неотвратно,
словно пенье,
как если бы канатом
 стала пена,
а не пенька на корабле,
постигшем мудрость дна...

Но длясь, вне ветра,
 всплывают в небе паруса,
в последний раз
 над нами пронесясь,
прощаются со скрипами весла
Меня, наверно, спас дельфин,
все под водой,
 а я на берегу один.

Стою подобно, Одиссею,
и, может быть,
еще одну любовь спасти успею.

* * *

Даю сам себе хороший совет:
проснись, не помня имя свое,
как листва тополей для заботы
легкого ветра,
вспомни ритм колыбели
и руки мамы далекой,
пусть в сон твой заглянет
рассеянный солнца луч
(он вездесущ и знает
секрет изгнания страхов),
потом улыбнись беспечно,
как ты сам улыбался младенцем
отцу умиравшему,
встань, лицо водою омой
и забудь пустые дела,
помни только: ты — судьбе так угодно —
наполнен с рожденья печалью
всех звезд,
и луна завещала тебя
неуютному дню.
Он похож на тебя —
неуклонно идущий с утра на закат,
собирая миллионы свидетельств
нестыковок мечты и поступка.
Утешайся тем, что совести
длинная боль тебя не покинула
и есть, что сложить в кошелку
поющей памяти.
Вот и все на сегодня. Иди.

*Бродяге, замерзшему
в предновогоднюю ночь*

Не знал я тебя,
к сожаленью, не знал...
Раньше меня ты вышел за дверь
и прикрыть ее не успел,
а дома без хозяев потихонечку гибнут,
селится в них дух старых деревьев,
что пошли на дрова, на растопку...
Ты устал, я знаю,
безмерно устал от чтенья печалей,
и однажды сам встретился с нею...
Я воочию вижу тебя,
бредущего с ней на морозе,
паром у рта клубился ваш разговор,
и вы оба умолкли...
Видел я, видел,
как тебя поутру подобрали,
составили акт и бросили в кузов машины,
и уехал ты далеко...
Но послушай, что скажу я тебе:
печаль-то, подружка твоя,
осталась живой,
ее никто не приметил тогда,
и пошла она за тобой, полетела
оплакать тебя, горемыку...
Я верю, стояла печаль над могилой твоей,
слезы лила и молилась...
И я утешаюсь,
что вышло все по-людски...

*А печаль, подруга твоя, потом меня навестила
и рассказала, что ты шептал ей, замерзая, горемы-
ка...*

Отпустите меня, люди и трава,
не держи меня здесь, небо – синий друг,
что-то рано утомилась голова
и устали руки от пожатий многих рук.

Не томите больше мысли о мирах,
не терзайте мою душу, птицы-сны,
напоследок понял я, что жизнь — мираж,
и нет сил носить ярмо чужой вины.

Не печалься, брат мой, добрый дождь,
отпусти меня на снег, мой теплый дом,
за собой позвал меня суровый вождь
и вручил мне знамя с белым полотном.

Мне теперь ничем нельзя помочь,
не держи меня, любовь,
 не провожай за дверь,
ждет меня давно большая ночь,
в глубине ее – насытый жадный зверь...

Ухожу от вас, друзья, свободным сном,
вспомните и вы меня добром...
Прощай, печаль моя, пора...

Мы с нею теперь частенько поминаем тебя.
По-доброму. Спи спокойно, друг

...невырази
мое во мне как эксклюзи
в... да вот беда никто не поку
шается отнять как впрочем и ку
пить не хочет или права прио
брести желающих пока что нет прио
ритет мой верно весьма сомни
телен но все же как бы не был мни
телен устал я закры

ваться в скорлупе пора б и кры
ля переносышу судьбы распра
вить и полететь куда-нибудь и пра
вила летанья нарушая хоть на спи
не иль задом наперед начать свою спи
раль иль мертвую петлю под во
ду в камень а может во
все в какую-то материю ину
ю и законы физики мину
я уйти в большое пятое про
странство и долго-долго там про
странствовав вернуться вновь в тре
хмерность нашу и закатить великий тре
п про тот подобный говорящим мир
там но идеально человеческий мир
который так не горестно легко красив...
но кто оценит этот странный эсклюзив?

* * *

Тень моя удлинялась на закате,
стремясь к восходу,
и в какой-то момент совсем
оторвалась от меня так,
что я остался один,
и словно лишился длинной воли своей,
и медленно стал растворяться в сумерках,
как если бы я умирал,
скажем, не как человек,
а некая субстанция, послушная
растворению,
или переходу в новое состояние,
и я стал весь сумеречен,
и вскоре забыл привычные доселе
ориентации,

и таким достался глазу луны
и свету звезд,
которые оглядывали меня,
осиротевшего еще на день один...
А, может на века,
начинавшие свой путь с восхода
и безвозвратно ушедшие на закат,
унеся в ничто свои дни,
дела, намерения, надежды,
любовь и жестокость,
хлеб, вино, сердечные планы,
запреты и вольности
и некий Белый Высокий Завет
бесстрашия жить...
И так же, как я на закате,
Некто, испугавшись пути своего,
свершенных деяний и утери мечты,
вдруг тенью вновь устремился к восходу,
чтоб затем раствориться
и стать для луны и звезд
объектом сочувствия,
братом ночи в несчастьи,
оставаться невидимым,
тенью своей
и ждать воскрешения.

* * *

...Мне света бы, света бы, света **дать тем,**
кого называем мы – Те,
ушедшие к незримой черте...
Мне тепла бы им дать
и любви в темноте,
где они обретаются в сырой тесноте,
отдавая червям свое обреченное сердце...

Мне бы думать и думать о них – золотых:
 об отце ли, матери, друге иль сыне,
 о добрых, печальных и сильных,
 как о живущих со мною и ныне
 в днях солнечных, снежных и синих,
 и жить заботою чистой о них...
 Дай им света, тепла, о царица небесная!..
 Там светло...
 Там тепло и уютно,
 и дышит покоем одно вековечное утро...

181.

УТРО АЛЛОЗАВРА

Из своей скорлупы как ты выйдешь,
 птенец мой – душа?
 Известковые замки круглы,
 и они холоднее луны,
 а яйцо аллозавра всего лишь
 каменный шар –
 сколько ж душ не проснулось,
 и мы не узнаем их сны?
 Аллозавр лазорев, он – поэт
 своих сиреневых чащ,
 кроманьонец корректен,
 он – брат пещерного льва.

Их души оставили нам
 только пра-часть
 своей первой души,
 но она в наших инстинктах,
 рефлексиях и чувствах жива.
 ... Эстакады искусственных сфер,
 овалы железных скорлуп,
 сгустки грубых энергий,
 разрывающих тонкую плоть,

*органикой органики
зелено-прерывистый луч,
сапиент утирает купоросно-фосфорный пот...
На заре аллозавр лазером
иссекает мозг кроманьонца,
и наземь стекает лазурь алая.
Кровь пращурная...
В небе неоновый свет солнца...*

Глава III.

УТЕШЕНИЕ.

Пусть это совсем ненаучно, но мне думается, что расщепленная в XX веке энергия атома и ее жертвы совершенно непредсказуемо перешли в эскалацию разрушительного террора, который, в свою очередь, перерастает в смятение и ожесточение сердец человеческих, противостояние вер и культурных миров, что, на мой взгляд, не менее разрушительно, чем взрыв самой мощной бомбы. Ведь в нынешних трагедиях разрываются не только снаряды, а в большей степени освобождается отчаяние ожесточенных человеческих душ и умов, сдетонированное ошибками политиков и нашими заблуждениями и страхами. А если эта цепная реакция захватит все шесть миллиардов сердец, бьющихся пока еще на Земле? Но ведь это уже битва цивилизаций?...

Алогизм современной истории и политики мне, как поэту очевиден, когда вместо нормальной земной оси появляются оси зла, энергия вращения которых вернется чудовищным бумерангом нового возмездия

и срежет в свой черед уже оси добра — нас с вами. Что делать нам, землянам, если даже в самых демократических странах, политика давно уже отчуждена от нас, избирающих не самых умных, а чаще — ущербных умом и душой лидеров современного мира? Так как же, все-таки, назовут этот век наши потомки, если они еще будут жить к концу так скверно начавшегося столетия и тысячелетия? Не знаю. Но стихи все же пишу. С надеждой.

Свете О.

Увидел и это... симптомы странной анти-погоды:
сентябрь, как дуб изойдя мертвым желудем,
акварельно сгорел изовекво - бесплодно,
изведя всю палитру отчаянья желтого...
И октябрь вслед за ним экспонатом гербария
без дождя отгорел и багрянцем был съеден:
не к добру это, видно...
и ветер, вскинув белые грабли,
мои разговоры с дождем оборвал, и не спела
мне грусть полновесную песнь исчезающих **магий**,
окропив листопад дождевым серебром.
Все это хотел написать я как-то иначе,
чтобы слову, как вздоху, отзывалось ребром,
и меня не судил мой ненастный читатель
за хотенье дождей. Но вернемся к причинам —
быть может, всему виной души порушенья,
иль сентябрь был проклят смертной кручиной,
или высших начал были даны порученья
земле не давать благодати дождей
об осеннюю пору за грех святотатства,
за слепоту делящих единого Бога людей.

У черты, у большого предела,
в суете проявляются **люди**.
В них сквозят — черным словом —
пробелы,
и на нас восстает
проклятье Иуды...
Солонка упала,
соль — слеза скатилась в века,
и лишь богоматери знают,
каково сыновей на крест обрекать.

Осень тихо размышляет,
снега ждет в сиротском доме -
не случилось быть ей доброй.
Я пришел и утешаю:
— Равновесие прекрасно,
худо-бедное забыто,
и ни пасмурно - ни ясно,
ни закрыто - ни открыто
небо дремлет до ненастья.

Мы похожи, в отраженьях
вновь расходимся по свету.
Хочешь, солнечному ветру
о твоих самосожженьях
расскажу я в этот вечер?

Нет? Тогда о нашем горе,
что разъяло песни с танцем
посреди Москвы, в “Норд-Осте”,
или раньше – над Нью-Йорком
взорвалось протуберанцем?

И об этом помолчим мы,
чтоб сберечь остатки веры,
знаем мы с тобой причины.
Боль великого Предзимья
заглушают вопли Вепря...

Осень, скорбная подруга!
Полно, хватит сокрушаться,
по спасенным и по трупам...
А пока давай прощаться,
не проспй наш снег под утро.

Осень спит. Чуть сыплет снег...
Мутный-мутный нецвет смерти
превращает в белый склеп
разноцветную планету...
Это сон мой?..
Око видит...
Разум слеп...

* * *

Вспомнилось... Как-то жизнь меня
забросила в город Нью-Йорк.
В 92-ом это было. Хотелось по Бродвею **пройтись**,
как когда-то по нашему «Броду».
Каюсь. Деньгу хотел зашибить
и удариться в бизнес.
Не получилось. Растаскался
на улицы, мысли и небоскребы.

40 дней жил, кочуя из мотеля в мотель,
и думал при этом:
— Наверное, так и буду до смерти бродить
в поисках выхода
из склепа могилы, в последний раз
освобождая свой дух,
чтобы стать аруахом.
Для кого? Не знаю. Не ведаю.
И что удивительно:
не написал ни строки,
хотя ночи в мотелях были очень длинные,
как дорога до дома.
Видно, нечто во мне оборвалось,
но мыслей было много.
Больше, чем людей и вещей
в Нью-Йорке.
И все же не вышло.
Ни бизнеса, ни даже заметок.
В общем, жил как червь
в чреве «Большого яблока».
А город гудел ежедневно без сна и покоя
и меня пожирал,
и забыл потом про меня,
про миллионы иных неудачливых.
Но я помню о нем и сейчас. Благодарно.
Он подарил мне одиночество,
что было больше его самого.
И понимание своей родной пуповины,
тайной связи стихов моих и степей,
без которых ничто во мне никогда не случится.
И каждую ночь, а затем и средь дня,
я пускался в отчаянное плаванье
к горьким степным берегам.
Внешне был я спокоен, любопытен к деталям,
смотрел, улыбался, вел разговоры
про свободу и бизнес,

но все чаще сквозь щели в пространстве
 утекал из Нью-Йорка и дел,
мой невидимый кокон.
Смешно. Город-космополит
 не принял меня,
своего близнеца-космополита,
и как бы мне говорил:
 — Видишь, каково быть собою самим,
всех понимать и все принимать,
 оставаясь чужим для других.

Нью-Йорк — Алма-Ата.

* * *

Я стоял столбно,
и думал ствольно,
солью становясь
на месте, где было
море:
«Пропал мой Арал...»
Женщина седая,
зрачками слепая,
строго
обмотанная шалью,
шептала:
«Пропала моя Арала...»
А вокруг укоренялась печаль...
Некогда веселый причал
скрипел на сухом ветру...
Зелеными усами
с досок свисали
былые водоросли.
Здесь был старый слив...

Мысли были тяжелы,
как ртуть...
Гонявший некогда волны
ветер гонял песок
и был жесток...
Хлестал по щекам песчинками...
Ушли великие воды...
Осиротела природа...
Был Арал синенький...
Вокруг все еще
укоренялась печаль –
гасить ветровую эрозию...
А женщина шептала:
«Где ты, моя Арала?»
Я столбно стоял
и молча орал...

* * *

Из чернозема – светлое растенье,
из зерен веры – темное сомненье;
и, кажется, отравлен черным злом
всепланетарный чернозем.
В соль океанов рек уходит пресность,
а поколение наше отрицает предков;
как видно, повредился главный ген,
и ход времен похож на хаос перемен.
Еще не видно уменьшенья гор,
но разгорается костер,
в ведре краснеют раки,
мелеют реки,
все шире метастазы страха –
кругом террор.

о что- что слушаю - не слышу... кто подал возглас
смотрю - не вижу... где- где мир зримый – видимый...
явный сердцу перстам ощутимый звучный ушам... мо-
гущий течь- воздыхать по трубам - органным сосудам
моим артериям- венам... мелодию крови извлекая из
темноты - из плоти и выводя наружу ее красную яс-
ность – цвет граната к свету бесплотному тебя обвева-
ющему невесомым ветром... невесть – невеста моя от
судьбы отринут я видно и истлеваю- ухожу из вещей
тишины... тебя дожидаясь у края тропы – обочины...
в стерне жесткой сухой травы... злаки срезаны... зер-
на на мельницу унесены... молоть придет их черед... а
я дряхлею... под корой кожи моей труха осыпается...
мурашам в радость... мне в запустение и внутри раз-
растается дупло- пропасть- прореха- полость... о что
- что невеста моя запоздалая... где-где ты идешь –сту-
паешь теряешь листья милая лилия... кто-кто испил
росу твою с утра- спозаранку с чистой кожей твоей...
да и нет... пока стоял я вдали по злой воле вросший по
чресла в тот камень что не пустил меня встречь тебе
весть- невеста моя... а ветер обманщик мне повевал
что дескать нет никого для тебя а избран ты стоять и
расти и вращать в плоть земли неизменно... не выраст-
ать в небо бесплотной высокой листвой и петь – ше-
лестеть и простор ублажать песней... нет для тебя не-
весты нежной... идти тебе незачем – некуда. . стой
- не шуми... вон птички летят усталые... пусть сядут на
ветвь твою выют гнездо... а ты их утешь – утоли... бу-
дет- будет тебе роптать... скоро ветер – вепрь придет
на тебя в клочья станет рвать одежду –листву покров
твой зеленый и оголит тебя нетерпеливого к осени к
дождям... будешь голым стоять – страдать – грустить
о безвестной невесте твоей грядущей – небывалой...
и предстанешь ей коли придет время из лилии девьей
девы женщину-вамп сотворять... и увидишь себя та-
ким как ты есть... дуб трухлявый – стоячий – древний

гнездохранитель кукушек... а что-что... неужто это я --
ожидатель несовершения судьбы... о кто – кто идет...
не слышу – не вижу...

Мои беседы с собою самим
в молчаливом сочувствии звезд или полдня
обычно кончаются ссорой при свидетельстве правды
с прочими я чаще всего соглашаюсь,
но это скорей ритуал,
шаг к отчуждению истины.
Мания копать в себе
(крототворчество или кротость
в норке укрывшегося крота)
похожа на повседневное серийное убийство
некое неквалифицируемое преступление
из области голографии совести
в то время как в Палестине,
в открытом арабо-еврейском аде – рае
истинные убийства совершаются
с арбузной яркостью крови
и стекольно битыми чашами слез
и давно это стало банальным суетворением смерти
в ходе которого составляется
грандиозный багряный витраж
из останков тел убиенных
(таков новейший обряд воскрешения мертвых)
и нет ничего, что могло бы помочь
не сбываться такому
техносвященному каннибализму
с приправой из политики
теологий под соусом нефтепахнувших специй
при молчании банков и свидетельстве
миллионов жующих новости
с подробным комментарием знающих вкус
такого рода святотатственных шоу...
К несчастью, все это совсем не рифмуется

с простым желанием мира в себе и в других.
Именно так умирает поэзия,
истекая кроткой кровью крота.

Нет, никто не смеет разлучить меня с моим человеком. Никто. Не убивайте его. Ни ножом, ни пулей, ни ядом. Не отменяйте нашей встречи. Одной – единственной. Это тайна наша. Без свидетелей. Оставьте нам право умереть своей смертью. В свой срок. Все равно как. От болезни или старости. От несчастного случая. От бедствия стихийного. Урагана. Пусть лучше мой человек утонет во время бури, коли судьба. Или в плавании. Но не убивайте его с умыслом. Я не хочу встретиться с ним до срока. По чужой злой воле. Пусть сам придет. Естественно. По знаку судьбы. Иначе нет смысла в нашей с ним – единственной и навсегда – встрече. Во тьме ли, в могиле ли, или пучине морской... Он – мой человек. Только не готов для меня еще. Как и я для него.

Ведь и у меня есть свой срок и день явиться для дела своего, для смысла встречи. Да, ни мне, ни моему человеку не известен пока час и день нашего сокровенного свидания. Беседы последней и долгой. Я задуман природой для особой цели – сакрального назначения. Для человека моего. Единственного. Неповторимого. Для меня сотворенного. Мне изгой одинокому – вне света, вне земли и вне воздуха – дано будет испить всю меру ожидания и глубину всех печалей, надежд и радостей под небом. И это знание не для Вас живых и тех, кто мертв и кто убить моего человека намерен был до срока. Это знание только для меня и только я могу снести всю тяжесть и всю огромность ожидания. Всего знания о моем человеке до рождения его и после смерти его. Но естественной, без насилия. Какой бы он человек ни был. Хороший, сильный, мрачный, красивый, молодой, мужчина ли, женщина ли, жесто-

кий, урод, злодей, ребенок, старик, умный, сумасшедший, всякий... Но мой. Даже я не знаю, кто он будет до встречи нашей, как и он не знает еще меня ждущего его у края небытия, для работы своей с ним. На то коплю я силы души. Дайте и мне и ему оправдать назначение наше. Тайну жизни оставьте нам разгадывать вместе. С истинным моим человеком.

Сам... В себе... себя самого... через себя... собой...
для другого... чужого... далекого... незнаемого...
маленького... большого... умного... глупого...
доброго...
одинокого... шумного... красивого... урод... бедного...
сытого... черного... желтого... белого... красного...
яркого...
родного... безродного... злого... слепого... убогого...
спящего... думающего... стоящего... идущего...
поющего...
молчащего... ушедшего, ищущего, вернувшегося...
заблудшего... обретшего... утратившего... давшего...
взявшего... плывущего... летящего... лежащего...
темного...
ясного... усомненного... верного... оклеветанного...
чистого...
любящего... нелюбимого... любившего...
отвергнутого...
бессонного... усталого... безмолвного... говорящего...
пишущего... читающего... несущего... несомого...
легкого... тяжелого... веселого... грустного...
смешного...
вчерашнего... нынешнего... будущего... скромного...
порывистого... скрытого... откровенного...
мыкающегося...
радостного... старого... молодого... больного...
здравствующего...

целимого... исцеляющего... падающего...
восставшего... смиренного... обвиненного...
кающегося...
невинного... осужденного... оправданного...
гонимого...
изгнанного... творящего... мечтающего...
труждающегося...
дружественного... обиженного...
враждебного... равнозначного... великого...
неизвестного, осененного собственным я... человека...
любил, люблю... буду любить и писать для Него...
сам... в себе... самим собой... сокровенно...
Если я поэт.

* * *

Хотел бы я еще побыть
в иной стезе, в другой заре,
родиться позже, может быть,
или чуть раньше...
Но вот сейчас как зверь,
свои зализывая раны
я, кажется, для дней
оставшихся своих созрел.
Ах, время! – боль моя
и грусти колосок –
вскормившее стихи мои,
натянутые нервом,
да так, что я – обманутый
землей и небом –
был от убиения себя
на волосок...
Но спасся, ухватившись за слово,
за глаза – за малую соломинку
надежды и печали,

и возвратился к вам, друзья,
и рад, что здесь меня вы ждали,
и у кого-то на ресницах
нежданно вызрела слеза.
О, январь мой, со снегом,
с солнцем, с болью!
Спасибо вам за то, что кормите
меня любовью.
Но где-то там – в иной стезе,
в другой заре –
по следу беглеца бредет
голодный Зверь Террора.
Не забывают.

январь 2001 – январь 2003.

МЕРЦАЮЩЕЕ ПОЛЕ ТРЕВОГ

поэма-дневник

...О скорости падения вещей... Бумага или камень? Кажется, это было у Шекспира, т.е. у лордов Ретлендов (он и она), в авторство которых я верую больше, по логике и интуиции поэта. Так вот. Что упадет быстрее? Конечно, я. Но и бумага, в виде упаковки, может меня опередить. Та бумага, где не написаны слова, тяжела, как камень. Легки и летящи только те бумаги, которые возвышены письмом. Они падают позже автора. И не в гроб. Счастье книг — не знать паденья в могилу. Нас съедят черви. Не читаемые книги сгрызут мыши. В моей квартире, в 80-х, когда я стал больше думать и бражничать, мои книги в настенном шкафу обгрызли мыши. Может быть, тогда, меня достала эта сентенция? Что упадет быстрее?

Просодии содомий...
«И» длинное, «Й» краткое...
Арктика, Антарктика...
Атлантида, Туран...
Темная «террность»
земных тел...
Органы органики,
оркестр организмов...
Инспирации истин,
глумление глубин
над поверхностью...

Боги повержены...
Истечение – рост
сперм-зерен-икры...
Одиноким осетр
в стае рыб...
Крокодил...
Всадник на лошади
на городской площади -
узкоглазый мавр,
дикий кентавр.
Монооко слеп,
нелепо-леп
в электронный век.
«Рватнек»...
А зеркально на нем тавро –
аноним.
Кентавр – побратим необратим.
Полые андроиды
гипер-содомий
выдавливают ограды
и грады.
И меня в степь...
Скачу на палке хохоча,
как дитя,
догоняя печаль –
последнюю деву,
берегущую плевро
моих надежд.

Почему в моем сознании так много похабства, похоти, сентиментальности, прагматизма и ...поэзии? Кто и что съест меня окончательно? Как это ни банально, но я не банан, чтобы было так просто. Если не писать, то есть ли в моей жизни смысл? Вот мой отец, умерший в 1948 г. не оставил даже записки. Однако, я думаю, что он чувствовал то же, что и я. Возможно, он

оставил свои мысли мне по наследству. Думание его и поныне живет во мне. Я старше его теперь, но все еще его ребенок и ребячества мои (порой жестокие) оправданы тайной несказанного им (т.е. ненаписанного). Таково мое наследство. Сейчас я снова одинок и в этих записках не литератор, и потому не правлю слов, как в стихах. Так и живу, до сих пор, не правленным, т.е. неправильно. Что тогда правильная жизнь? В ответе – ночь.

На луже ряска.
 Дрожит.
 Рясно-грязная
 необходимость жить.
 В черепе сырость.
 Напрягаю серость
 мозговых жил.
 Напрасно.
 Кто-то мысль размозжил.
 Ору. Оу-хрю, урр...
 Чур меня, чур,
 от дур-р-дома и дур-р.
 не пугай меня, окочур,
 Я уже не ору,
 шепчу и... стих.
 В чувство пришел.
 Взлетаю по линии вспорхнувшей птицы...

Кроны деревьев апрельских и облака перистые импровизируют сине-оранжевый сиренево-пепельный - багряно-зеленый витраж на все полотно закатного неба, а день утихает многими-малыми звуками - всхлипами-вздохами-смехом, напоследок меня утешая хорошим и долгим взглядом...

О,оу! Жизнь...Тинь-ти-н-ь...

Вчера, ночью мне приснился Гитлер. (Ужас). И я с ним целовался, а он даже хотел мне отдаться, как женщина. Что это значит? Тайна. Испуг. Размышления. Маразм, но все-таки, почему Гитлер? Смотрю на свои ноги и тело, все еще крепкое для 56-ти. Но стопа моя уже не может нарисовать неповторимый вензель «battemane tendu» или послать меня в полет над сценой. Это факт. Но танцевать я не устал. Просто делаю это по-другому. Жизнь моя в балете была неудачной и уже невозвратим тот подвиг фанатизма. Дни и ночи в балетных залах Алма-Аты, Фрунзе, Перми, Самарканда и т.д. Зачем это было? Где теперь взять силы для литературы? Все это, как деньги, проигранные в казино. Никакого расчета. Все на одну цифру. Лас-Вегас не для меня. Я – собиратель билетов на вчерашний балет. Ха-ха! Но почему все же Гитлер?

По горлу горлинку
дым теплостанции «чик»...
Песню теряя, как капельки **крови**,
безгорлая горлинка
себя уронила вниз...
О-хо-хо... чистые звуки
сливаются в свист...
Еще слышит она...
Кло-клу... клохтанье-кудахтанье.
И видит, падая,
многое множество куриц
и белые шарики
по ленте инкубаторной
плывущих яиц,
что станут вскоре
эмбрионами протокуриц
или яичницей жареной
на тепле той станции,

которая горлинку
дымом немым
по горлу «чик»...

Я снова влюблен. Ее зовут... Пропустим. Она прекрасна, молода, недостижима. Это судьба. Я хочу потока чувств. На бумаге. Бить камнем в камень для искры, убить корову для пергамента, не знать тяжкого труда кожевников – значит, не понимать чего я хочу от нее и любви. Писать нелегко во все времена. Лучше не писать совсем. Счастье прожить немым и слепым, но понятым и принятым. В чью-то плоть, в сознание и в то, что называют душой. Реклама каждый день о товарах и кредитах... Где найти деньги и повесить билборд в пол-неба: Я люблю!

Пишу, пишу,
не опишу
чего я все-таки ишу?
Листа фигню
руками рву и гну,
и снова вывожу
кордебалет буквофигур
на кончике пера
среди еще живых минут...
Поэзий прозосуть
густеет запахом борща:
я в гости жду бомжа...
Был вечер,
вечер мерк
и с ним я, словно, умер...
Но стынет борщ
и бедный бомж
стучится в дверь.
Не повезло ему.

Операционная... Человеку отрезают ноги, до того почти отрезанные маневровым тепловозом, и ставят их в угол. Эти ноги теперь никому не нужны и бедняга их видит в последний раз при жизни, очнувшись от наркоза. (Так было в жизни у моего соклассника Олега И... Он тоже был когда-то танцором).

В другой операционной (так мне рассказывали) имплантировали сердце одного человека другому. Все подошло. Умерший от удара в череп дал жизнь, т.е. сердце человеку слишком чувствительному, страдавшему от несправедливости или неразделенной любви. Это хорошо, так умереть... Я же человек без ног (танцующих) и без благородного сердца. Значит, ни себе, ни другому не могу помочь воскреситься. Кем же я хочу быть? Поэтом! Дающим всем недостающий орган острого ощущения жизни во всем ее продолжении от ничего к ничему, от понимания слова до забвения его смысла, ибо убежден, что и в агонии уместны самые высокие слова. И слова благодарности тоже (ведь тот, кто проснулся с чужим сердцем ничего не сказал спасшему его, теперь мертвому человеку с телом без сердца. Она, кстати, была девушка).

Поймет ли меня последняя, Та, кому я оставляю рукописи? Не знаю. Сейчас нет ног и сердца...

Ох, верблюд...
 Охо-хох, нехорош.
 Встал, возгорбился
 в синь, во Тенгри,
 а оттуда упала звезда.
 Безногий вожатый,
 очнувшись орет:
 — Вставайте, идите на «кош»!
 Но обрубков ног
 не хватает ему для охвата седла.
 По горбам усеченный верблюд,

не плюй на безногого брата.
Ибо он – человек.
А ты, как лебедь без крыльев,
и некуда тебе возвращаться обратно.
Крылогорбое чудо мое,
вставай, на последнем предвздохе «ох»!
Только тело твое в пески отойдет,
но останется дух-аруах
для другого Верблюда.
Трехгорбого.
Ахау, охо-хоу, пах-пах!
Дотяни меня до колодца.

Не помню, как я научился плавать. Люблю выплывать далеко от берега, там лечь на спину и смотреть в небо... Но боюсь до смерти огромности воды под мной и бездонности неба. Спешу плыть обратно. Трус, хорошо знающий доступную свободу и грань риска. Немного берега, немного моря. Ничего без края. Где ты, истинное бесстрашие?

День – тяжелая страница,
набрякшая от пролитой водки.
На ресницах повисли слезы-сводки
непогод...
Зато летит синица
в очередной полет:
не то, чтоб птица,
а сон-излет
без одного крыла...
А ты, подружка-жизнь,
где была,
когда тебя просил присниться
на закате,
где два твоих крыла,
как глаза два распахнутых,

мне б объяснили
всю любовь твою ко мне?
Вновь засыпаю...
Может быть, иные птицы
присядут в камыши,
и зачнется песнь
друг к другу
обращенных лиц,
как озеро к луне,
или мужчина к женщине.
А-а!? Какая мысль!
Но одинок останется
во множестве своем
на грязном озере
самим собой
утешенный камыш.
Шш-ш-шь...

Ужас зрелища рождения бабочки из кокона сродни содроганиям фаллоса в лоне женщины. (надеюсь быть правильно понятым всеми, веря в благодать их мыслей в тот момент). Рапид, крупный план. Отвратительно и ... великолепно. А потом – порх! И бабочка летит, восхищая всех совершенством полета. Что думают об этом те, кто верует во все, созданное всевышним, от прекрасного до безобразного? Или нет такого деления и все целостно? Насекомое, бабочка – каждому по году... Мужчина, женщина – каждому по жизни от вечности... Создатель ужасней и извращенней моих мыслей, он благ и жесток одновременно и не хочет простить мое несовершенство.

О, любовь! О, полет в занебесье плоти! Но кон, но слизь, но оргазм, но совокупление. И бабочка, и крылья, и смрад разложения, и червь могильный, и моя песня... Как с этим быть? Есть утешение, что об этом думаю не только я. Просто не все грешники (по

мысли) об этом пишут. Молчать благороднее и кажешься праведным. Главное, что бабочка уже летит для эстетов откровения. Божьего? Какой, даже самый умный, эксперт любит эксгумации? Если он не эксгуманитарий... А вообще, душу доверить некому и в...

...трехсловом слове никому
 угадывается посыл к му
 мификации еще живой му
 зыки тела и слышится му
 чительное отчуждение в тьму
 никем не прочтенной души му
 танта толпы-одиночества и му
 равьиного рабства тащить му
 шек в свою особую мегатюрьму
 мне не хватает просто му
 дрости не удивляться ничему

...и бесцельно скитаясь в пятимерных мирах мысли со всполохами полярного сияния воображения, не можешь порой идентифицировать себя с двойным измерением сущностей (а ля Франсуа Вийон или – а ля Махамбет), живших в дуальном духоборении парасмыслов «поэт-убийца» и кончивших жизнь по знаку своих «астр» и инфернальных начертаний, то стало быть надобно принять приговор свой. Коли ты никем не выбран и никому не нужен, как воздух людям или аммиак бактериям, то пора постигать искусство молчаливой муки **быть ничьим** и выбрать высокое назначение умереть неузнанным в глобальных катастрофах земных-подводных-атмосферных супер-ураганов, вызванных нарушением тонкого равновесия меж течением жизни и недвижением смерти, утешаясь последней мыслью о том, что ты равен тысячам жертв упомянутых выше «никому – не – принадлежаний» в мега-дне - атоме времени...

Мерцающее поле тревог
настоятельно, нечленораздельно
и нечленовредительно,
однако сие не снимает проблемы,
хотя предмет его настояния не религиозен
и не душеспасителен,
и граничит с языческим,
а то и вовсе звериным ощущением жизни.
На кончике нерва Оно,
и ставит зрачки вертикально в поле,
перечеркнутом накрест отчаянием,
а его бормотание-нашептывание-дрожание
мотыльково-нелепо-немотно
и крыломахально,
одиоко-множественно и трепетно...
Остался только некий фосфор печали,
столь давней и ставшей уже ничьей
и тихо светящейся по ночам,
и только после дождя...
Дождь июльский-краткий-ночной,
бессеребряник,
понятен только травам пожухлым в степи,
воспрянувшим тихо после него...
Где-то девственница охнула,
освободившись от груза невинности,
и о чем-то своем
шепчет на рассвете
нечленовредительно,
нечленораздельно и настоятельно.
А вокруг мерцающее поле тревог.

2003-2004 г.

ПИСЬМА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

*Виктору Бадикову
(Цезарю)*

I

Виктор, друг, объясни, почему
 неусыпен мой мозг?
Помнишь, мы в детстве, обежав полукругом
 холм олимпийский
смеялись, мочу напуская на камни,
 травы и мурашей,
отчего-то пугаясь знамениям жриц,
 лиловых от возлияния дымных хаом,
памятуя при этом, что нельзя пропустить
 шествие Зевса с детьми и богинями,
а нам – пацанам должно было
 смеяться при этом,
ради даянья нам апельсинов – плодов поднебесных,
но помню: угрюм ты был при моих
 вопрошаньях
о селенье моём из овечьего меха
 и молоке из вымени плодных кобыл,

при беседах о деде моём однооком,
 что утерять вторую зеницу в заботах
о пастбищах и долгой пастьбе
 его многих коней и овец...
Разве ты можешь сердиться, Виктор –
 друг сердца,
разве не слушал я тысячу лет
 твои говоренья – легенды о хаосе дней?
Обратись наутро ко мне, сегодня я вновь одинок,
и хотел бы беседой с тобой усыпить
 Аргуса мыслей моих, о Цезарь...

II

Вчера меня, за полночь - поздно
 опять обежали **сомненья**,
будто был я безгласный
 недвижный в корне платан,
пока ветер, мой брат неустанный,
 восхотел сон свой тайный **увидеть**
и тем меня обрек на бессонницу,
 на безгласие – тишь.
Вот тогда-то сомненья меня обежали
 о надлежании быть или не жить
в середине покаянного моря травы,
 мне подаренных в рост:
долго ль мне еще претерпеть их растение
 в каждой весне под дождями,
или печалиться их ожелтением
 коли солнцу время пришло
идти наискось от селений моих...
Да что в том, в сетованьях сих, Виктор,
 если не нам суждено править **путь**
 землехождений,

и будем мы вечно ходить под посохом Рока,
 опасаясь новых борений Героев с Титанами.
 Укрепи меня, Цезарь, мыслью о том,
 что назавтра меня навестишь
 и развеешь сомненья
 и листья платана пошевелишь рукой,
 пока ветер досмотрит сон о себе.

III

Или вот: в «ерундалиях» дней
 сих-моих и чужих...
 Во рту и у горла, и дале все время горчит,
 словно я перебрал «насыбая»
 с верблюжьим навозом зелёного-зверского,
 с белой долей селитры с полей,
 унавоженных «химией» нестерпимо-зловонной
 («удобреньем земли» их называют,
 Виктор, у нас во се дни)
 так, что копыта коней и овец загнивают
 прежде смерти их под ножами.
 А мне, скажи, каково все это
 видеть-ненавидеть и слепнуть?
 Оттого и жизнь подневная «рэпова»,
 не гекзаметр, не мерна она,
 ибо: железная репа «рэпа» рычит
 в не-верлибровом ритме рока,
 попа «попсы» пукает
 в полярное поле толпы,
 и не слышен жасминный голос
 глубокого джаза,
 звучание сине-струнных тихих
 трио-квартетов-квинтетов-секстетов...
 Небо-струйная музыка ушла
 улаждать-возвышать иные уши и души,

оставив нам только зримо-дрожащие стрелки
умных приборов,
измеряющих уровни звуков-шумов
и качество жизни,
децибельно-дебильного времени
дефицита добра и гармонии...
Так и хочется плюнуть смачно и длинно
злой «насыбайной» слюной
на всю ерунду и псевдозначимость дней,
где я принуждён пребывать,
но на кого, тогда друже мой Виктор,
покинуть-оставить мне птиц,
заболевших грипом-мороком
от сих какофоний и технопрогресса.

IV

Гелиопосылы земле Некто в марте прервал
длинным-большим дождём на два дня,
и снега тот Некто под утро насыпал
на подснежников синие венчики,
будто терпение наше желал испытать и, вместе,
рвение наше к работам неспешным весны,
в год Собаки Огненной, ещё полудикой
и непривычной к домашним экзерциям...
Такого рода события, Цезарь,
должно вниманью приблизить,
ибо возможно, что засуха может случиться,
пожары пойдут на леса,
и стаяй собачьей-голодной станут ночные огни
настигать наши селенья-мечтанья,
и тогда-то вспомнится этот дождь,
сеющий благо раскаянья,
который корили бездумно мы столь,
а он был только глашатай терпенья
в тот год припоздавшей весны...

V

Кстати, Виктор, не встречал ли ты,
в скитаньях своих ветходревних,
близ Аида, иль в травных окраинах
гиперборейских просторов
Асана-Печальника нашего?..
(впрочем, ты можешь его не узнать).
Имя это лишь ныне пристало к нему,
а был он во время твоё удалённое
весел и озорлив и первым травам высоким
песни пел печальник - Асан на рассвете,
и озеро-море Арал его было
прозрачным в то время
и неба чистейшую суть
умело ещё отражать без изъяна.
Так вот передай ему, Цезарь,
(по глазам ты узнаешь его,
необъятно-печальным,
ибо только они могли видеть-провидеть
огорченья несметные наши)...
Случилось всё в точь, как Асан предрекал,
славя пеньем своим
рвение леса-травы прорастать,
и шалости ягнят неуёмных
и скорых на ноги конских детей-жеребят...
Да и только ли их?..
Он понимал связь родника и горы,
и жалобы родника на тяжесть камней,
и зависть недвижимой горы на резвость ручья
(что ж, каждому место своё
и судьба первородная)...
Да, забыли мы те мелодии—мысли простые
Асана-Печальника нашего...
Помнится, он тогда ещё молодым был и беспечным,
но чёрное золото найдя под землёй,

что горит от молний небесных,
и может нещадным пожаром-огнищем
спалить степь-прелесть-траву
и детей их невинных пожрать, будто Кронос,
проклял его юный Асан...
Так вот, то золото горячее-горенесущее,
то чёрное зло боги недаром после проклятия асанова
под землю, под море вкопали
и упрятали, жил и сил на то не жалея...
А Печальник-Асан дом кошмяный
возлюбленной своей - беловласой и темноокой
в заботах степных обходил
и только любовь источал-испевал,
глух к стенаньям – зову красавицы лунной...
Знал Печальник и нам то рассказал
в Слове Полынном,
что нельзя потомкам его тревожить море-землю,
копать и искать проклятое золото то,
злотворящее-чёрное
(нефтью оно называется ныне),
ибо знал, что отравит оно корни трав,
вползёт в нас змеёй
потравы-отравы-корысти-злобы,
отнимет у нас тонконогое детство
и лишит нас братства травы...
Вот отчего, печальным ты встретишь Асана там,
где ты бродишь, Цезарь, теперь
одиоко, без друга, в се дни.

VI

Многое не вовремя случается, Виктор...
Только было всхотел
знаменем взлететь на флагштоке,
ибо книгу одну завершил **я недавно**,

как если бы выиграл бой олимпийский кулачный,
 будто я триумфарий,
 кровь свою и соперника проливший
 на арену, в белый песок...

Да женщина славная
 мне пожалилась ближе к ночи
 (не подумай чего, она мужняя-чистая,
 и ребёнка малого-девочку пестует,
 просто теперь телефоны у нас),
 и сказала мне, как её экзекутор-редактор обидел,
 а словам её длинным и нежным
 казни придумал жестокие:

междометья-предлоги отсечь повелел
 и сжечь окончанья метафор,
 и уложить всё, что осталось,
 в прокрустово ложе короткой строки,
 за которой не увидишь большого красивого
 сердца...

И так я ответил-утешил женщину ту
 в минуту её водопадных отчаяний:
 - Подожди, замедли полёт и замри,
 видишь средь дня, наверху,
 уже зиждятся – движутся звёзды,
 лучи накапливая для тебя, лучезарная,
 путь сквозь грядущие ночи торя,
 а над ними есть ещё свод иной и безмерный,
 равный твоим вдохновениям
 и огорченьям высоким,
 и свод тот соткан из звёздных вечных материй,
 подобно отраженьям земным,
 в реке или омуте...

Так я сказал ей, а луна, задремавшая
 серебряной дланью простёрлась,
 длинный таинственный
 и мерцающий путь сотворяя,

Давай продолжим о главном...
Стоило ли так много бежать,
а тем паче кругами,
если сердце хочет лететь-скакать
по прямой,
как то должно шафранному скифу-номаду
(вы нас так прозывали)
выжить-дожить до сих дней...
Нам пространство дороже любви,
нам судьба-постижение простора,
наш удел – искать горизонт,
как некие ищут бога...
Так что остаётся?..
Доныне скорбеть об отце, столь рано ушедшем,
или в джунглях женской печали брести,
что оставила мать мне в наследство,
да и чётки сиротства и малые бусинки слёз
сколько мне можно уже перебирать?..
Лучше уж к наградам судьбы перейти,
о магии танца упомянуть,
коль скоро мне довелось
войти в клан посвящённых
и с Терпсихорою вместе плясать,
в свидетельстве звёзд и луны,
в ночь танцев зевесовых-долгих,
ни тела, ни сил не жалея,
усердием лень свою изгоняя, как беса.
О, я благодарен тем трансам,
истоме и необузданным пляскам,
ведь многих богов олимпийских
мне тогда довелось увидеть воочию,
и как-то, даже с кентавром Хароном,
однажды, беседу вести о кочевьях...

VIII

Многое, Виктор, в тех днях,
но хотелось мне воли иной:
бежал я с просцениумов танца
и повлёкся к чистым мечтаниям,
желая весь мир обозреть,
будто Гелиос с небесного свода,
и тогда же околдовали меня
струны кифары.
Стал я им подпевать
и слова строить в лад,
и легенды свои сочинять
вопреки очевидному,
а потом, стило взяв,
увлёкся начертанием слов,
тщетно пытаюсь за ними
увидеть мерцание смысла...
Не мерцалось, и духом пав,
как камень на дно,
затеял я игры с кукушкой:
- Дескать, сколько мне жить?
Кукушка долго молчала,
а потом кукукнула длинно:
- Ничего о тебе неизвестно
ни в этом, ни в дальних лесах.
Некогда мне, думаю вот,
в какое гнездо яйцо мне подкинуть.
Живи, пока не напела худого...
Тут я сам замолчал, устыдившись чего-то:
- Варвар ты, разве некая фея
не спасала тебя не единожды,
ради скрытых до времени
начертаний судьбы?
Верно, Виктор?..

И поплыл я за море
людей посмотреть,
постичь устроенье их быта
многохитрого и многоэтажного,
и особого способа жить,
извлекая из воздуха прибыль,
забыв в этом промысле бога,
поставив для прочих наивных глупцов,
(для отвода внимательных глаз)
зелёно-замшелую статую Свободы,
в середине большого залива,
на фоне бетонно-стекольных-фаллосно-
одиноких домов-небоскрёбов,
среди которых читалась метафора
о неравенстве трав,
чья свобода была изначально зелёной
и мхом поросла от заветной мечты,
усилиясь корнями в земле...
Далее, в омуте похоти я было погряз,
перестав различать ароматы
и соцветия Растения-Женщины,
и порой, будто боров урча,
бороздил её лоно клыком,
утеряв в ней Человека из Тмина,
а затем чрезмерно возвысил её
и вновь Женщину в ней потерял
(разве что, лишь одной из них благодарен
за дар всеокупный, за око-зеницу, за дочь)...
Так и вынесло как-то меня
на песок одинокого острова,
где нашёл я папирус,
разгладил его и долго смотрел,
пока не прозрел там
книги свои...

IX

Что ещё забыто мной, Виктор? Не помню...
Тенгриный мой календарь
не совпадает по ритмам – циклу
с истечением дней олимпийских,
с твоими календами,
однако я верю:
поймёшь ты меня в этот год завершения
Пятого Круга,
ведь в каждом из них по двенадцать
священных зверей и существ,
норовящих меня унести в неизвестность
и пугающих тайными знаками.
Но и я не из робких,
по сей день не нашёл угомона
и души моей древнюю суть не забыл.
А сегодня у озера грусти передыхаю...
Ветер и тишина...
И время помыслить о Завтра...
О Круге Шестом...

2006 г.

ЖЕНЩИНА И ПУРПУР

*А где-то женщина живет
мечты моей короче:
она (ей-бо...) меня спасет
или погубит, между прочим*

Сакральность женщины – уход
из глаз моих, из сердца и из воли,
так исчезает дальний холм
за новыми холмами боли.

Ей – деревья судьба или травы,
а мне – лишь ветра анонимность,
мы оба – знаки медленных равнин,
и стерты будут наши плоть и имя.

Сакральность – анонимности чета,
а вечность – счет начального числа.

* * *

Ты – нечаянное чаяние. Но не мое
Случайный звук моих немот.
Нет, не о любви здесь речь,
иль об иных предметах вздорных,
искал я с нею истоки горя рек,
зачатых слезами родников предгорных.

И все же не о том, забылась к черту мысль...
Мужчина в женщине,
 что в норке мышь,
а река свое горе
 унесет в море...
На зиму март попер,
как танк противу танка,
но мы цвели нежней сакур
в японских тонких танках.
Она ушла наутро.
 Попутал, все же, черт.

* * *

Девчонка тонкая, как ветвь,
на всю тебя так много зла
пришлось, но мал твой гардероб –
 застиранная вервь
и неулыбчив зодиаков знак...
Но все-таки воюй, любя
свою судьбу на взлете танца,
сильфидой пролетая сцену льда,
и таковой во мне останься.
Я на руках тебя носил,
и ты была в них невесомой...
Все было так, пока хватало сил,
но занят я теперь ношением слова.
Спираль двойная ДНК
запуталась во мне нераспустимо:
я жду лишь поцелуя паука,
но в сердце ты неудаима.
И пусть злодей вливает яд свой в банку,
и точит нож для парашютных строп;
прошу тебя, не стань беглянкой,
замедли шаг балетных стоп

Терпи, сейчас дороги широки,
и пусть тебя спасает Терпсихора,
не волей волю, скорее вопреки
способна ты подвинуть горы
зла, чтобы успела до утра
укрепить новая спираль добра.
А завтра вновь —
двойные пируэты ДНК.

* * *

Прощай, которая была...
Ты не приснишься мне теперь,
но знай, что знания нет:
есть только год осенний —
с дождями, листьями, печалью...
Там упокоился **Есенин**
(его любила ты)...
Через костры ссор-наваждений
я говорю тебе сейчас без зла.
Все так, но нашу жизнь мы начинали бедно,
вспоминай... (нет, я не каюсь)...
После сцены ночлег наш был случаен,
плюс койка, плюс помойка, плюс дверь, плюс
пол-ковра,
плюс мы — два сумасшедших, плюс хлеб тех дней —
голодный танец по вечерам и вновь с утра,
аплодисменты и зависть злых людей,
и вновь, за минусом печалей, праздник сцены...
все помню я, но вот тебя уже нельзя,
души на то не хватит, пусты желудки сердца
и первые дожди любви навек ушли...
Тогда беременен я был тобой, ты — мной,
и оба — смехом и слезами наших тайн,
плюс дарено нам было совершенство жить душой,

за минусом уродств,
как знак того, что каждый стал
чуть выше коммунальных идиотств...
В итоге, главный плюс
за минусом позднейших унижений:
дана была нам Дочь,
чтобы забыть всю горечь
неотвратимых расставаний
плюс сожжений
всех мостов и отлученья от грязи одиночеств
в обмен на детство дочери
с законными чертами отчеств.
А ныне наша арифметика проста:
плюс Дочь, плюс Внук
и плюс цена неотвратимых, как **любовь**,
моих разлук
со всеми.
Тут тайна тайн.
И тут печать. **Прощай.**

* * *

Драгоценная суть твоего имени
переливается во мне
и мерцает таинственно,
случилось это недавно,
но как именно? —
я не помню уже.

Так исчезают узоры **инея**
на оттаявшем окне.
Похоже, что сквозь камень сердца
пробивается родник
и изливается молча и светло:

* * *

- 129 -

Важно одно – безопасность Ребенка
в девальвациях жизни...

Девять месяцев,
девять лет,
девять веков.

* * *

Туманной аллегорией беды
меня обволокло,
упало сердце и катится, в грязи **пылая...**
зачем ты расплела все жилы
мне на волокно,
любовь моя былая?
Беспечно, без ума, к чему затеял
игры я с огнем,
разжег очаг, судьбу необратимую **пытая?**
Хотелось мне,
чтоб даже ночь горела **ясным днем,**
любовь моя былая...
Плетельщик глупый я,
коль возжелал за ночь сплести
соломенный мой дом,
что рухнул так легко **пылая,**
и сам горю теперь
не в силах ничего спасти;
любовь моя былая...
О, наваждение,
с соломой рядом возжигать огонь,
на кратком празднике костра,
себя собой питая,
все стало пеплом и долог пепла сон,
любовь моя былая...
Скажи, довольна ли теперь
любовь твоя – **пиранья?..**

* * *

Желтопалые листья клена,
собирает грустная женщина,
и смотрит на них
влюбленно,
как и листья, она жертвенна,
но знает: течение времен непреклонно,

а природа всегда божественна,
в мирадах своих
имен,
как теряющий листья клен.

* * *

...И тоскуя по любому
мы столкнулись полюбовно,
задышали в дно ушей...
Ты шепнула мне:

— Ушей

ворот старенькой рубашки
и ходи в ней нараспашку,
а потом отмой в ручье,
и из всех моих речей
слово счастья не забудь.
Я забыл его средь бурь.
Прости...

* * *

В шестилетней извинительной измене,
что искала ты себе, скажи, родная?
Отчего жила так долго сердцем злея,
зная — я не твой мужчина, зная?!

Что за жертва ненареченному мужу,
отдавать свое нерадостное тело,
если я тобой был не заслужен,
а поплелся сам за невестью-невестой
Как ты грезила о чайках и о море,
о простых матросах в маечках матрачных!
Ты хотела быть богатой и свободной,
выгорев дотла в пустых мирах миражных...
Отчего ты не сказала ночью, тихо:
- Отпусти меня до света, не надейся,
ни себе, ни нам не хочется мне лиха,
счастья нет у нас, а я не чародейка.
Знаю, очарован ты не мной, стихами,
весь ты перепутан, в нежности и хамстве,
потому и водку пьешь с росой полынной,
и не выживешь к дождям в моей пустыне.
Так бы ты шепнула, чтобы я услышал,
боль твою во сне моем угарном,
и исчез наутро в норке серой мышью,
зернышко любви оставив в благодарность.
Я тебя жалею, но поверь, желаю
все-таки найти себя, найти другого,
а я сам омоюсь дочиста печалью,
чтоб тебе удачу вымолить у бога.

* * *

Простоты я беспечно искал,
а наткнулся на тайну,
из воды огонь иссекал,
вспыхнул и долго потом угасал я,
Наталья.
Шел дорогой на лес,
а вышел на камни,

и теперь начертания лет
читаю на палой листве
и не знаю, как улететь я,
Наталья.
Дневники я писал,
не надеясь на память,
а потом растерял
и живу в листотелом венце октября я,
Наталья.
На ветру, на снегах
ожидал приглашенья на танец:
не дуэта для сцен, на огнях,
сокровенного танца сердец желал я,
Наталья.
Думал: встречу, найду
и полягу росой на травы...
Сам себя, как коня на узду,
на любовь, на тамгу обреку я,
Наталья.
Что ж, не вышла игра,
и теперь на печаль выхожу
и на трансы,
но последняя в сердце осталась искра —
высечь слово и укутаться в прах,
и письмо отправить это на адрес...
На весенний, на талый...
Наталья...

* * *

Как долго летят твои камни в меня,
но я еще жив,
и пока не до смерти простужен,
только знай, возвращать долги
твои буду не я
и умру не тобой оплаканным мужем.

А тебе – исполать.

Походи перед миром нагой,
без одежд моих скромных
и скорбных поэзий,
пусть длинна твоя тень –
на нее не ступлю я ногой,
отойду, брошусь в пропасть
или в гору крутую полезу.
Вижу сон... там – полет наговорной стрелы,
от тебя сквозь меня напролет пролетевшей,
я остался стоять на равнине горячей золы,
чтоб смотреть на дым своих идей
прометейских.

Вот, что будет, если слеп поклонник огня,
если он не прозрел в светосуть *зороастра*,
и астральных не понял намеков,
что завтра
одинокое сердце его найдут на камнях...
Как долго летят твои камни в меня.

* * *

Увит - не увит
я лавром, бегущий
за вещей иль сущей
мечтой и судьбой,
Натали?..
Борисов ребенок,
лепесточек матери - кроны,
цветковой ее простоты...
Так было, наверно,
до времени первой листвы –
тот мужчина и женщина та
творили-ваяли бутон красоты,
слушая синюю песню любви,
васильково – густой чистоты?..

И уже отцветая,
тихохонько-тихо тая и тая
в той вербной весне,
оставили долгому небу
каплю белой росы,
Натали...

О, дитя – воробьенок,
из плоти и бесплотной высокой материи,
как сумела ты стать
женщиной сияющей изометрии,
для которой живет мужская мечта?..
Натали...

О, юноши, девы!
Вспомните отцов-матерей
до своей вербной весны,
до звериного жадного жеста
и робкого шелеста древа
до... человечьей - бредной
Любви...

Ибо, для нее все воздаянья души
и плотская жертва,
и блаженство кручин
обреченных друг другу
женщин-мужчин...
Натали...

Я по жизни с тобою на «Вы»:
таков, видно, выбор
вне правила выгод,
по закону высших повелений судьбы.
На надежду: - Возможно ли?
Откликается рацию: - А надо ли
упрощать математику
одинокости звезд и травы?..
Натали...

В час свой вскроется
или прорвется нарыв?
Жаль я не птица,
а поющий в терновнике выхухоль,
и как удалить мою опухоль,
и выдержит ли сердце
столько радостной боли
пока не решится на взрыв?
Был или не был?
Увит, не увит?
Удали мою боль, утоли,
защитник неведомый мой.
Я давно позабыл,
как вздыхается небу
и возвращается иссохшему небу
инстинкт вкушенья росы.
Увы нам, увы.
Без любви...
Натали...

* * *

Ножами черных льдин
вонзились облака
в багрянь закатной акварели,
но музыка души моей легка —
я вспомнил сон и сонм
иных сиреневых апрелей,
где был летуч, влюблен и невесом,
и где была Она —
Дикарка, Юность, Прелесть.
Мне напевает осень песню — стон
о вечерах апреля и сирени,

но будет с нею светел зимний сон,
и музыка души легка
на фоне белой акварели,
и танцами снежинок станут облака.

* * *

Рыцарям и Дамам Секса,
всем вам — творцам соитий,
владельцам нерестилищ сперм
и вожделенных нор-укрытий,
искусникам утехы плотской,
распятым друг на друге,
воителям и жертвам случек-встреч,
ценителям развратных целований,
сынам самцов великих
и древних самок дочерям —
всем вам, зачатым жадным Корнем в Лоне, —
вам возглашаю время
благословенной похоти-охоты,
где безымянно сердце каждого из вас,
где друг для друга
вы только лоно лон и корень корня,
когда, не мудрствуя лукаво,
простые, как вода речная,
течете вы своим животным руслом
к дремучим и безгрешным
чащам наслаждений,
и только тело — кормчий ваш,
и кровь, в которой только зов слиянья...
Кто проклянет вулкан, созревший к изверженью,
иль устья рек, разверстых половодьем?
Благословляю вас за послушанье плоти,
за рабство и свободу страсти,
за самость Женщин и Мужчин!

* * *

Сестра, мне грустно,
и сейчас я грузен
под тонну лет...
Из женских жестких жил
слагается, как песня,
влюбление мужчин.
Ты скажешь: «Лес
души моей не облетел,
и я — не старец».
Не возражу:
так повелось,
что женщина, как скаред,
кладет мужчин в суму.
Ей ипостась такая:
поддоньем потакая,
тащить бедняг в себя,
или ко дну.
Я искушен во слове
и глаголах,
но чую: пред женщиной
мужчина обречен быть голым
и в тоге слов.
И промолчу бездонно,
как брат Адам,
но будет день,
и «...аз воздам...»
и фиговый листок
сорву я с лона,
шепнув тебе:
— И ты меня раздень.
Теперь, сестра,
простимся
и наше завтра
оставим на вчера.

* * *

Женщина ушла на барахолку...
Высокая, красивая, с мечтою,
шею выгнула, как лошадь холку,
не за себя стоит теперь, а за ценою.
Вышла, выползла змеей она из кожи,
из любви, из дома, из заботы,
и глаза ее теперь – глазища козы
для неженской, дьявольской работы.
В дождь и снег, меняя жалкий ценник,
разошлась она, как дым по ветру...
Душу кто твою сковал в такие цепи,
кто он, стерегущий тебя цербер,
женщина несчастного поэта?

* * *

Ты картавишь лишь чуть,
на кварту,
на кромку коротеньких чувств,
но как хороши эти слоги
из девственных, в говорении, уст.
Важна ведь не правильность,
а правда в словах,
и правила ложные тут не нужны:
а, ну–ка, попробуйте,
исправить дефекты луны,
иль на солнце вывести пятна
в черном доме ночи?
Для того их надо знать наизусть...

И пробуйте также
обозреть себя внутренне,
подавить в себе собаку-заику,
взвыть волком в лесу
дремучем и утреннем,
и пойти на заимку
в сторожку охотника
сторожем ...
Если надо – язык свой раздвойте
наподобие рельсов или змеи
и говорите без правил,
параллельно и двуязыко,
а коли придется «резать правду»,
то и сердце разрежьте свое пополам,
как яблоко:
пусть видят – оно праведно.
Не везет мне в апрелех
на любовь,
но проститутка с Саина
честна и картавит,
и в чреслах – прелесть.
И любить ее можно
отважно и яростно.
И говорить о луне, об охоте
о волке, собаке и зайцах,
и выслать всех в поля голой правды,
в день святой, на Пасху,
вкушая куличи и яйца...
И не заикаться о долгом Посте
и слезах на погосте.

* * *

Не объясняйтесь каждый день,
не все дано сказать словами,
особенно, когда вы с Дамой,
в глазах которой грусть и тень.

Не объясняйтесь каждый год,
любите долгими веками;
на свете есть такие Дамы —
им времени известен ход.

Не объясняйтесь без причин,
идите длинными путями;
есть только в сердце Вечной Дамы
ответ заветный для мужчин.

Не объясняйте жизни всей,
оставьте хоть немного тайны,
и если Дама не случайна,
по сердцу вы придетесь ей.

За все вам будет дар судьбы;
молчанье свято и во храме,
когда вы там с Прекрасной Дамой,
сам бог поможет вам в любви.

* * *

Упасть в любовь, как в ощущение
такого внутреннего жженья,
чтобы снаружи был ожог,
и не желать предотвращения
сих катастроф мужчин и женщин,
и болевой поднять порог
божественного самовыраженья,
где только смерть есть поражение,
которое никто из нас снести не смог.

* * *

Лето - струнный квартет,
играет дождливое скерцо...
Дождя-то, по сути, ведь нет,
но тронута памятью сердце.
 Какие в даль весны ушли,
 небесно-высокие годы,
 почти не оставив улик,
 а только нежность и горечь?
Я сам себе супостат,
себе наношу поражения,
иным теперь мне не стать
и не забыть любимую женщину.
 За облаком облака тень,
 в душе миражи из реалий,
 пожить удалось лишь на треть,
 осталось – уйти правильно.
Играет лето
дождливое скерцо.

* * *

... Оселок, кремь, искра –
и неиссякаемо красиво
пошла бежать река огня...
Так – разом,
забыв животный и душевный страх,
влюбился ослепительно – бесстыдно
и захотел,
чтоб я тобою так же был объят,
как этим пламенем
липуче-мокро-жарким,
каким был сам истерзан
дня три тому назад...

Три дня речей,
напористого хамства – жениховства,
цветы, еда, питье,
коктейли из цитат и анекдотов –
и вот: ты полегла
на крылья белого халата,
объяла – обняла меня
и впали мы в такое антиподство,
что памяти и прочего лишившись,
утром,
проснулись ничего не помня,
и медленно поплыли
сквозь заросли вчерашнего,
как утки –
неразлучницы по блуду,
и отменили полеты-перелеты
осени на зимы,
устыдившись
грязного гнезда и смятых перьев...
Но дни те окаянные,
ночь-океан,
я все же не забуду,
хотя случилось так
(звучит почти, как перлы),
что та любовь моя пошла на случку,
не в счет побед судьбы (прости),
но будет день и мы почистим перья,
и каждый – с селезнем
иль уткой – одиночкой
полетим ещё.
Ведь есть же где-то
тот озерный рай,
где быть в одном лице
сапиентом - птицей
и хищником – цветком
не будет стыдно

и всё, однажды – навсегда,
получится – случится!
Оселок, кремень, искра...

* * *

Необъяснимы, неосудимы капризы
города этого у синих гор:
зима средь дождя,
дождь средь зимы...
И всё – поэзии наперекор,
образуется в длинную линию,
и давняя весна
с моим (на данный день) преддвиганьем
затевают ночной разговор...
Ничему не дано было сбыться,
и ничто никому не в укор...
Всё далеко... и никто
не будет уже расстрелян в упор
на расстоянии любви и жизни...
Дождь в зиме,
зима в дожде,
утром город проснется со снегом...
Нет, не в уме –
на грани весны и преддвиганья,
синоптикам – скептикам наперекор,
вся любовь придет на исходе жизни...
Только так,
перед одной – короткой весной
сдаются зимы.
Все до одной.
Не противьтесь, исполняйте капризы
города этого у синих гор.

* * *

Макен Д.

У степной жены и женщины
есть своя золотая карма,
и это особая красивая тайна:
она - тонкая тень растения
с призванием обережения,
и скромно стоит за теми,
чей второй половиной стала...
Жена сотворяет мудро
историю своего мужа,
который ей от бога был сужен.
Сильные его движения
она смягчает скорбью
и воплощает их в нежность,
в единство кроны и корня
О, вековая степная карма!
Инстинкт генетических матриц!
С точностью живой кальки –
мужа творит жена, как праматерь
и женщина!

* * *

Юной айель

Твоей улыбке что причина,
когда сгибая тела терпкий стебелек,
ты все еще в стареющем мужчине
находишь праматери исток?

И страсти странная пружина
уже качает шар земной,
и утерявший ось свою мужчина
с тобою вновь становится собой.

Одежды кто твои творил по нитке,
чтоб скинуть ты могла их в некий миг:
жаль, не тому откроется мужчине
весь твой сияющий и темный мир.

Но есть в тебе на жизнь мою загадка,
и это суть мужских слепых седин:
в любви не может быть задатка,
она – весь капитал мужчин.

А женщин юных скорая улыбка
последним отсветом в моих зрачках
мелькнет и спрячется улитка
в свой тайный дом...
Прощай...
До встречи в временах.

* * *

Наверно, где-то есть такое средство,
чтоб объяснить необъяснимое так просто:
когда поет Уитни Хьюстон мое сердце
оранжевым дождем плывет над некой рощей,
и заново учусь я плакать – плавать
над горестной земной своей – ее юдолюю,
и видеть черную на белом свете правду...
Как научиться петь, как и она -
Любовью?

* * *

Два дельфина неизвестной доселе **породы**
всплыли из моря в закатное небо,
два дельфина влюбленных
к золотисто-темного цвета,

и творили влюбленье свое
у всех на виду:
над горами, волнами...
он над нею парил и любил,
и сплывались они и сливались,
солнце снизу смотрело на них
и чуть задержалось с уходом,
но январское небо
смутилось уже прозреньем смотрящих...
а дельфинам все нипочем,
и парили они в любви
над землей и камнями –
два явственных знака любви
над усталой планетой...
Один и Одна, и Двое...
все, кто видел это событие-соитие,
будут братьями-сестрами
в смерти и радости жить.
Знак любви над Землей –
дельфины, парящие в небе.

* * *

Что тут сказать?..
Она – живой фарфор,
живая статуэтка...
Тот случай,
когда сирени
белой ветка
легко рифмуется
с предчувствием:
«Amore!»

* * *

Вчера видел женщину
с Такими Глазами!!!
И молчал потрясенно.
Знаю уже, обречено знаю,
что украдет она сон мой.
А пока смотрю растерянно
на цветы среди осени,
на засыпающие растения,
на облака, застывшие в очереди
за алым маком заката,
гаснущим покойно и длинно...
И солнца теплый окатыш
высветил тонкую линию
меж сегодня и завтра,
где, может быть, встреч
Ту женщину с Такими Глазами!
За Такими Глазами
я б, пожалуй, пошел безоглядно,
или в них улетел квантом света,
но ресниц золотая ограда
не пускает к домику сердца...
Между тем потемнела округа,
клен стоит погасшим костром.
Я иду и идти мне нетрудно,
размышляя неспешно о том,
что за дом – сердце женщины этой?
Может, там поле белых ромашек
или полощутся тихо, по ветру
паруса чистых детских рубашек?
Но темнеет, темнеет уже
и сумерки стайкой гладких ужей
оплетают стволы тополей.

Я шепчу сам себе:
— Ну что ж, полелей
надежду с Такими Глазами.
И нагадай сон себе **вещий...**

* * *

В стародавних пещерах
огнедышаще дремлет дракон...
Дивен оком и ликом он,
и почти забыт людьми...
Где-то сейчас
за каким —то окном
ожесточается женщина — terrible,
искаженная недостатком любви
и, по сути, ставшая рыбой,
чья речь — неслышимый стон...
Она мыслит древнюю месть
и жертвой станет мужчина,
который любить ее не посмел...
Мы забыли о хищной природе любви,
если не дать ей утolenия...
Настроение у меня желчное,
я вижу, как по стене растет вьюн,
цепляясь за выступы и трещины,
не зная того, что за ним крадется зной
чтобы выпить его пока он тонок и юн.
А нутро у зноя злое и желтое...
Между тем, я думаю о женщине
из нежной плоти растения
и охлаждаю в себе зной
желчного настроения,
наполняя сердце водой
бессмертной мечты,

дабы не допустить к душе
дракона растления
и женщину вызволить за окном
из стенания и вырождения...
Не искушайтесь мыслью,
что месть далеко –
она порой идет впереди преступления,
которое еще не совершил дракон...
Спасайте любовью женщину...

* * *

На закате все случилось, на закате,
узелки любви нам было не связать...
И скатилась на твое запястье
на моих глазах пурпурная слеза.

На рассвете все исчезло, на рассвете,
лава света лезла в окна и росла...
На листву деревьев, на растенья
выпала пурпурная роса.

В полдень ясно стало мне, но только **в полдень**,
никому судьбы не ведома стезя...
Медленно, сквозь сердце, солью **полнясь**,
вытекла пурпурная слеза.

Это вспомнилось мне ночью, поздней **ночью**,
словно вспышка озарения со сна,
что любовь лишь миг бывает новью,
как на розе пурпур и роса...

Только сердце... разве остановишь сердце,
если в нем горит пурпурная роса?..
И живет теперь своим вчерашним светом
вся любовь моя – пурпурная слеза.

* * *

И оказалось так,
что ощутил я только контур ~~и~~
той женщины которую искал ~~я~~ -
ведь для нее сошел я даже с ~~контурн~~
мужского эго...
Напрасно из себя я высекал
мой тайный абрис,
равно, что выжимать росу из скал,
иль письма отправлять
на безвестный адрес,
и на равнине травной
ожидать, что отзовется эхо
или из кричного железа
родиться сталь...
Где женщина, которую искал?
Неужто столь она неуловима,
что даже интуицией своей
на отмелях тончайшего песка
не нашел следа и мимо
пробежал, хотя кричал
себе: — Просей,
провей песок пустынь
и побережий,
уловишь, может быть,
хотя бы атом
запаха ее,
или увидишь нежность,
что должна бы сохраниться дымкой
над морем или поляной трав,
уже целованной
безумно-ранним мартом...

Так где же ты,
моя беглянка-невидимка,
и в чем, скажи, перед тобой
я был не прав?
Оставь хотя бы контур-дымку-абрис.
След-запах-образ-адрес...

* * *

Имя женщины,
Женщины имя...
Как же ты сладко,
как ты таинственно-
неповторимое, неизъяснимое.
Женщины имя,
Имя женщины...
Как же ты пряно,
зернышко тминное -
неискусимое, неизъяснимое.

Имя женщины,
Женщины имя...
Как же светло
и негасимо:
свечечка тихая, пламя любимое.
Женщины имя,
Имя женщины...
Песня о радости
самой единственной,
неповторимой, невозвратимой.

Имя женщины,
Женщины имя...
Солнце светланное
С ночью рубинною...
Сон неизбывный мой,
неизгладимый.

* * *

Царице Нимруд

Изумись, современник...

Изумленье для сердца то же, что труд,
а восторгом кипящая кровь
 подобна расплавленным рудам...
О, венец сокровенной Ассирии –
 царица Нимруд,
кто ты была, если даже имя твое
 в веках бесценным горит изумрудом?!

Верно, из первозданного яхонта
 древний бог ваял твою грудь
и глаза сотворил из живого агата,
 обрамляя их перламутром,
а фигуру ветром обвеял,
 чтоб ты совершенной стала, Нимруд,
сокровищем истины,
 для которой солнце всходит наутро.

Сколько ж песка в пустынях
 ветра перетрут,
дабы сияла пустыня морем жемчужным?
Расскажи мне о любви высокой,
 подружка Нимруд,
чтоб сердце алым самумом
 всю землю облетело окружно.

Ты затмила алмазов чистейших
 на свете игру -
это нимб красоты и даже теперь
представить такое ослепительно трудно.

Что перед этим богатства царей?
Бессмертна только легенда – Нимруд,
перед которой бессильны века
и ничтожна гора изумрудов!

Вот и я хотел бы,
пока во мне не умрут
все восторги-порывы,
что плавятся в сердце, как руды,
встретить женщину,
подобную царице Нимруд,
и сгореть от любви
ослепительно-изумрудно-нимрудно!!!

* * *

Полистай, подружка, книгу,
вдруг найдешь в ней алгоритмы
неминуемых прощаний;
суп пустой не скрасит щавель..
Знай, любил я аква-рифмы,
где плывут в молчанье рыбы,
что глотали, как и мы,
вместо ветра запах тьмы.
Смерть любви – утеря тайны:
кем мы были, чем мы стали?
А стихи читай во дни,
где одна ты, я один...
Щавель, рыбы, тьма и запах...
Пустяки, забудь про страхи,
вспоминай, как чудно пахнет
в черном хлебе белый тмин.
И закрой, пожалуй, книгу.

2004 г

ЛИЛОВЫЙ КРАБ

поэма отточий

Амантаю Дандыгулову

Лиловый краб заката
лукав и тих...
осторожно пятится
в мой стих...

* * *

Случается...
из веков выпадают мгновения,
из тысячи снов – озарения.
Вот одно из них:
высокий тополь Истин,
каждую осень теряет листья...
Что обретает он весной?
Вдохновение цвести вновь

* * *

Дождь уходил от меня **вчера**
и шел он медленно
по кромке берега...

И говорил мне **исповедно**:
– Все сокровенно.
Мысль в наших черепах,
плоть под панцирем черепах,
былое и свое время...

* * *

Слепец, в миру – зрячий,
ударил меня в глаз, в око.
Ослепил на мгновение...
Очнувшись, я понял:
видимо, был я очень
добрым
матерью зачат,
и не дал сдачи.
Старею, значит...

* * *

На что иным Кафка?
Чтоб снова сделать кальку
с чужих идей?
Иль мыслью нищий
цитирует Ницше,
не понимая природы степей...
Прочтите лучше Фета,
тончайшего поэта,
ромашковых полей...

Иль просто, без затей,
откройте том Абая —
поэзию морей...
И ветра в паруса вам.
А «умникам» — саван...

* * *

Любовь, разлука, ссоры...
Слова прощания,
слова прощения...
Лишь это слышат звезды
и некий не утирая слезы,
запишет в книге
своего ученья:
— Жить по любви
всегда **не поздно...**

* * *

...Объедки. Натюрморт разоренной еды.
Сытого старца клонит в сон от объедения...
(мотаем ленту к началу).
...Юноша ест очами
еще девственный стол.
Он голоден и гол.
И далеко до беды старения...

* * *

Когда зима и город белый
снежинкой хрупкой на земле,
хочу забыть стихи и бедность
и целовать уста змее.

Когда весна и сердце в неге,
и жизнь вся в одном зерне,
хочу я видеть звезды в небе
и целовать глаза заре...

* * *

Что на земле прекрасней лошадей?
Их жизнь короче нашей,
но путь длинней...
До нас их род был начат
от травяных корней...
Но вместе мы прошли огонь...
Неразделимы... Всадник... Конь...
Нам родина – единство вечных трав...
Конь... Всадник...
В реинкарнациях – Кентавр...

* * *

Небесный круг...
Земное лоно...
Кочевья от любви к любви...
И это будет непреклонно...
И смерти скажем – не убий,
пока мы пыль клубим
под небосклоном...

* * *

* * *

Воскрешение тополиного пуха зимой...
 Снег...
 В корнях вывороченной яблони спаслось яблоко...
 Сель...
 Письма заката весенним дням...
 Сирень...
 Кукушка кукует на перьях выброшенного птенца...
 Смерть...
 Прозрение тьмы...
 Свет...

* * *

На исходе дня
 саксофон саксаула
 сначала поет песни ветра,
 а затем — гимн огня...
 Жизнь прекрасна, как джаз.
 Мне бы так...

* * *

Как лучше умереть?
 Со стенаниями, с мудрым словом,
 с веселой шуткой, молча?
 Важно, чтобы хороший человек
 стоял у изголовья...
 И грустил долго...

* * *

Сократы стократны,
Поэты поэрны...
А что подонки?
Живут подённо...

* * *

Неужто, стала уже,
уже ужа душа,
и мозг мыслям собственным чужд?
Или пора восторгов ушла
и стал собственным чучелом уж?..
Возможно, но верь: неизменен устав
незабвения старых дружб.
Но отчего уже ужа душа?
Верно, от предательств устал...
И не разучился прощать...

* * *

Зрачки у кошки, как ножи,
когда она увидит мышь,
но такова у кошек жизнь,
как и у мышки серой мысль —
уйти от лап кошачьих...

У каждой собственное счастье
иль злосчастье...
А жизнь чертовски хороша,
как яблоко на лезвии ножа!..

* * *

Изувечено, исплакано
поле ромашек с утра
и лепестками утрат
за любовь заплачено...

* * *

Из печали моей
 отолью два меча:
один – для защиты грусти,
 другой – чтобы убить печаль...

* * *

У всех и у всего просил я сына;
у неба, у земли, у камня и полыни...
А теперь мне стыдно:
– Прости меня земля и неба стынь,
прости и камень и полынь;
мне хорошо, что есть у дочки сын...
На том спасибо, жизнь...

* * *

Молчанье комнаты, в которой
чуть шелестит дыханье книг,
их корешки загадочны, как корни,
и каждое заглавие, как кит,
чуть всплывший на спокойной глади...
– О, Моби Дик! О, Моби Дик!
Душа несатым взором гладит
Мадонны-Книги Лик!..

* * *

Земли и неба багровый стык...
Покой и благость...
На арене тореро и бык...
Кровь и ярость...

* * *

Если сложить известные вещи -
день жизни и ночь смерти,
то образуется вечность...
И печаль...
Утром, встряхнув кровяную шаль,
с надеждой просыпается сердце...

* * *

Мне б Аполлона стать
и греческий канон фигуры
иметь и...
Но были в жизни феи-гурии,
во чьих глазах сумел я
Аполлоном стать...

* * *

Обычно:
в рукава – руки,
ноги – в брюки...
А я куда вдет?
До сих пор ищу ответ...

* * *

В степях нет аллигаторов, улит
и тигры извелись...
Что делать нам?
Учиться языку травы...

* * *

О Дездемоне и Лауре
хотелось сказать, но...
У Шекспира и у Петрарки
музой могла быть и прачка –
искусница в стирке простыней и рубах,
говорившая грубым языком улиц,
отличного от диалекта салонов...
Здесь ставлю ремарку:
ныне на литературных пирах
истинные гурманы Слова
одинаково хвалят и вино, и устриц,
и печеную картошку...
На том поставим очень соленую точку. .

* * *

Степь не горы –
здесь не услышать троекратное эхо,
т.е. глас народа...
На дворе иная эра:
политики и воры
возгласили
триумф суверенного «Эго»...
И тихо...

* * *

Уплыть бы рыбой из своих сетей,
и никого ничем не надоумив,
легко остаться средь других смертей
своею личной, точной суммой.

В исходе не скажу ни «да», ни «нет»,
и не решив простой дилеммы,
войду двойною датой в скромный неф,
что скроет все мои труды и лени.

* * *

В море, в гнев...
Плыву, гребу,
смотрю на дно и в небо.
В небо и на дно.
Достанется ли птицам-рыбам
человек-зерно?
А может выплыву
и стану хлебом,
и голубь постучит
в мое окно...

* * *

Ресницы-камышы
вокруг бездонных глаз?
Хранилище души
или оптический обман?
Цветной красивый студень?

Не знаю, но вижу третьи сутки
ошеломительные сны...
Любовь, восторг, туман...

* * *

В покинутой комнате
солнце закатное тлеет...
Зеленая масть гардин и обоев
медленно тускнеет...
Когда-то нас было двое.
Теперь мы порознь.
По разлому разлук
разошлись поэзия и проза,
как линии рук...

* * *

Заснуть в страхе,
проснуться радостно
и думать среди дня:
в снах темных истин
ангел воссиял...
С ним спасся я...

* * *

Друг мой, обескураженно-жемчужный,
легко ли быть средь ближних чуждым?
Еще труднее быть алмазным:
алмаз, известно, камень сглаза.
Себе давно я выбрал камень.
Неискупимый – это память...

* * *

Велик ишак...
Вдвойне — осел и мул.
Бредет неспешно.
И шаг, и шаг...
Его трудов и мук
не вместит горизонтное безбрежье.
Да, он упрям и глуп,
но тверд его ишачий шаг.
Ишак, ишак...
Идет кругами.
Пришел...
А там осел
между двумя стогами.
Нараскоряк...
Не выберет никак.
А что же мул?
Решил задачу:
пошел искать в стогу
иглу...
Он сделал выбор.
И поел.
За то ему
высокий титул дан.
Теперь он *Буридан*...

* * *

Все реже снюсь себе,
как прежде, капитаном
на корабле, плывущем в океане танца...
Там, за горизонтом, все мои открытья
машут мне приветно
белых чаек крылья...

* * *

* * *

- 167 -

* * *

Как-то окликнул меня
один живописец, не по гению прост:
– Вот тебе полотно горизонта –
нарисуй что-нибудь.
Я ответил ему просто:
– Зачем портить такой
изумительный холст?..

* * *

Куда уезжает историк?
Он отправляется к началу веков,
и здесь неуместны
 фигуры восторга,
и не нужны велеречия слов.
Он ищет там
 себя и меня, и всех нас...
В который?..
В двунатысячепервый раз...

* * *

Туман над водой,
и берега нет...
Мы в лодке одной –
печаль и поэт.
Плещет волна,
и лодка вольна
плыть без руля и весла...
Сквозь туман...

* * *

Века согнули сабельный клинок
в кровавый иероглиф,
но без него скучны страницы хроник...
Ну, что ж? Счет истории жесток –
теперь он в ножнах...

* * *

Встану на колени
и склонюсь к полыни,
а потом в порыве,
как на гальку рыба,
брошусь в небеса.
И звезде полярной
и пылице полынной
прошепчу я клятву
о последнем братстве:
Ты – моя сестра...

* * *

К большим и мудрым деревьям
имею тайную ревность...
Мне бы их стройную ствольность,
лиственную и корневую вольность
и верность.
Земле и Небу...

* * *

По пути на голгофы,
в поисках мекк,
в восхожденьях к венчикам лотоса,
успеть бы закончить строфы,
пока свет не померк,
и душу не выгрыз зверь логоса...
Или женщина...

* * *

Лужень!.. Горячее слово...
Кастрюля запаяна...
Можно опять наливать воду...
Кипенье загадочно...
Выходит вода на свободу...
Паром...
Свободный от вещей
именуется парием...
Тетраэдры замыслов...
Тетради степей...
Первых много, вторые пусты...
Ушли селения слов...
Они в пути...
К оазису поэта,
свободного от суеты...

* * *

Если все еще любишь,
значит — в жилах есть сок.
Если нет — значит уже иссох.

* * *

Увидел как-то...
 картинку на грани бденья...
(в то время жил я в Самарканде)...

Рассвет, прохлада,
хауз, кисти винограда...
Чайханщик читает на фарси Саади...
Второй такой хотел бы день я!

Проснулся, вздохнул сакраментально:
— Чудак, кто же считает
 старые деньги?
Лучше самому перечесть Саади.
В прохладе сада.
Заново...

* * *

Книги — грубые копии рукописей.
Проще рубить деревья и камни.
Обожаю рунописи
в лунном храме...

* * *

Медленно тает снег...
Медведи досматривают сны...
Кончается зимний век...
Будет ли век весны?
Уплыл по течению рек
мой нерожденный сын.
Где ты, утешение?..

* * *

Крик матери при родах,
смех отца по рождении...
Необъяснима природа
в день «Х»...
Ночно и денно
мои Отец и Мать
глядят на меня
из далекого дня
моего рожденья...

* * *

Я – океан в печали,
ветер в горе,
но свое отчаянье
растворяю в городе...
Чувствуете вкус?
Теперь это – грусть...

* * *

Рисунки – ритуалы,
начинающие речь...
Петроглифы на скалах...
Автор – имярек...

* * *

Мысль – муха
влетает в кайф паутин...
Ежедневная мука
поиска истин у тин...

* * *

На диком дереве любви
поют божественные птицы...
В траве рычат львы
и улыбаются львицы...
Убегают пугливые зебры,
втаптывая любовь в землю...
О, саванна! Африканская степь...

* * *

У ручья застыл олень...
В кустах красавец-волк...
В воздухе – синяя лень...
Над всем плавится воск
Солнца.
О, прерия! Казахская сельва...

* * *

Все перепутал и зашептался...
Послышалось:
 ...рукопись...
 ...рудная песнь...
Свистнула ременная плетть...
Есть такая наука...
Никто не найдет руны на енисеях,
пока не сотрясет нас ртутная весть
и не очистится сердце для сеяния
Слова...
Пока не упадешь в лучеписи,
и – на крике почти –
не отмоешься в Книге...
Пиши... Или – прочти...
Наутро...

* * *

Бывает, попадаешь со свадьбы
прямо на поминки
и стоишь там:
внешне — двуного,
а внутри — двояко...
Сердце ополоснется полыню,
стерилизуясь для яда.
Вот и ждешь, может орех
сам по себе треснет?
Думать так грех...
Прячусь в себе от постороннего...
Неожиданно понимаю:
и в любви и во гробе — тесно...
И только стихи — просторны...

* * *

В год собачий
легко ли человеку родиться,
как и собаке в год человеческий?
Все знают, что спину
шерсть песья лечит.
А душу? Видно, чушь собачья...
Между тем,
я о сердце собачьем...
У Булгакова были на то разъяснения,
что после революции Ленина
человека мы не переиначим...
Лают собаки, сбитые с толку.
Идут по X-времени сталкеры.
Кем станем мы?

* * *

Если, в целом, жизнь чего-то и стоит,
то это цена последних твоих именин
и умения петь на гребне крутого склона,
не слушая криков снизу:
- Берегитесь лавин.

* * *

Дверь на радости закрыта,
чтоб могли мы постучаться:
в поле полое корыто,
не заполненное счастьем...
Есть еще надежда - Дождь.

Потухание голоса
в разговорах о кладбищах,
означает то же, что прикрывать окно
или воображать звучание клавишей
не играющих давно пианол...

Подвиг – это лишь жизни подвиг,
хоть на йоту...
И даже если ты этим ничего не достиг,
и не разрешил идиому,
то и это уже маленький сдвиг:
возможность противостоять идиоту.

Троглодит
на нас тупо глядит
из пещерной своей **безнадеги**...

У него уже есть
человечьи руки-ноги,
но ум спит...
Но не обольщайтесь -
он бдит
и ждет, когда прогресс
зайдет в тупик...
И тогда он поменяет пещеру
на вашу квартиру...

* * *

У двух вещей и сутей нет границ:
у неба нет и у улыбки женской,
но смысл у них один – вселенский...
И перед этим надо падать ниц.
Поэтам, деревьям и земле.
С небесной женщиной
земной мужчина
имеет честь
проснуться на заре.

* * *

Хочу удачи – но не всякой...
Жду любви – а не «якобы»...
Верю жизни – но не всей...
люблю глагол коротенький: - Сей!
Живу, между тем, в междометьях...
Умру среди всех – в средиземьях...

* * *

Мадам Поэзия
 в сей час молчит – немеет,
 и ждет покуда отрезвеет
 поэт
 и перетрет
 дешевой жизни суррогат
 в стихи...
 Возможно, он умрет
 в сиюминутях – суетвореньях сих...
 Потом откроют институт
 по теме и проблеме
 отрезвления поэта.
 Затем появится ученый,
 поэзопьянством удрученный,
 и составит в прозе
 «веник сонетов»,
 дабы училось,
 (хоть чему и как-то)
 дистиллированное племя
 жеребят и одров...
 Вотще, живите бодро...
 Ха, ха...

* * *

Я обижен, я обужен,
 и не той сегодня сужен,
 но опять иду воить,
 из гвоздей сонеты вить...
 Из поветрий, из поверий
 соберу Венец Поэзий
 и поставлю точку – гвоздь,
 что стихам своим я – вождь.

* * *

Из ниоткуда
в никуда
течет Любовь – Река,
оставляя по берегам века...
И над ней
и на дне –
Свет!

2001-2003 гг.

ПО ХОДУ СОЛНЦА

Норито- песнопение для Такеши Китана

Привет, Такеши Китана...
Наши игры на разных полях
и пасемся мы на пастбищах разных,
хоть и сходны по генам,
словно стреноженный конь
и дикий мустанг,
а было, видно, и время иное —
наоборот...
Между тем, я учусь
(по закону 25-го кадра)
неуклюжей походке твоей...
Поверь, нелегко это всаднику крови,
даже если он в реинкарнациях
недавно еще танцовщиком был...
Потом научусь и твоей неулыбке
(кому, скажи, зубы скалить сегодня,
если мальва бессильна
спасти нас от бед?...)
и лицо превращу в панцирь недвижимый,
непроницаемый для праздного глаза,
или в маску «бугаку»
одного на все дни выраженья,
куда б ни смотрел
и что бы не видел
в этом мире искажений добра...

И море было, видно,
изгоем - скитальцем
нетерпимым к природе земли,
пока из него не всплыли в свой срок черепахи:
Хонсю, Сикоку, Кюсю и Хоккайдо,
объявив молчаливый протест
в форме горы Фудзияма,
представ перед солнцем
плывущей грядой островов...
Ты не знаешь, Такеши, меня...
зато я тебя понимаю:
с 25-ым загадочным кадром
слишком много иероглифов
с атомным грибом
проникло в меня,
начерталось на лбу и в кожу впиталось,
и я ныне умею читать
«Гэндзи- моногатори» без перевода,
и будто прибрежный песок
просеял сквозь себя «Манъесю»,
я ночи проплакал с Сей-Сенагон
у ее «Изголовья»,
а утром пошел
печалиться к Темэю, взяв домбру, как «бива»,
и рисовый свиток — «ками»
с начертанием имени Будды,
за что был впоследствии принят
в сословие — «дза» поэтов-актеров
у храма Тодайдзи...
Да, порой не люблю я, Китана, тебя
и сразиться готов по закону «бусидо»,
умножив сущности наши,
стать на поле, как «дома» Минамото и Тайра,
иль монахи — воители непримиримые
сект Дзэн и Нитирэн,
сотворив карнавал — побоище духа,

как это делаешь ты
в мистических фильмах своих,
среди криптомерий легендарных времен...
Знаешь, брат мой Такеши, прости:
у тебя лицо не из лучших
(тут мы, впрочем, сходны с тобой),
и глаза, кстати, тоже,
что длинно и вдумчиво смотрят
в пространство древних и сегодняшних дней...
Я за то тебя уважаю,
что ты, Китана, лицо свое и мое защищаешь,
как унесенное ветром знамя,
и крепости хрупких вещей в этом мире,
но если это письмо дойдет до тебя,
ответь мне, Такеши:
где сердце сегодня твое?..
Может оно пустилось в скитанья,
словно Нидзе из сожженной столицы Хэйан,
утеряв любовь императоров прежних:
Го-Фукакуси и Камэямы,
или живет в теле карпа
в прудах Золотого Дворца,
а, может, сердце твое –
15-й невидимый камень
в песчаном саду Реандзи,
что ищет напрасно
сокровенного друга в печалях **своих**?
Как бы то ни было:
я лишь поэт полынной
пространной земли Казахстан,
ищущий смысл простоты
в джунглях цифровых технологий,
среди катастроф и карикатур
на божественность Человека,
а твоя островная страна
лишь малая часть поиска истин...

Приезжай, Такеши, к травам моим
и сам изумишься сходности нашей...
Потерпи и бумагу не рви, не гневись –
нет ворот Расемона сегодня,
и Акутагава сгинул в «Чаще» своей...
Как бы и мне с ума не сойти,
и досмотреть последние кадры фильма о нас.
Вот, так-то, Такеши Китана.
До встречи.

ПИСЬМА МОРЮ

Анатолию А.Киму

Ныне не знаю на что уповать –
даже в майской эрекции чувств,
утерял вдохновение,
не учуял запаха- крови сиреньей.
Слишком распутна весна
в лонопрямых соцветьях,
и подол лопуха задирает ей
ветренник-ветер,
что пошел, и утек на восток,
на восход красной багряной травы
отдавать свою древнюю дань.
Повстречалась мне там
жрица-«мудань»
у побережья пологого-длинного
и назвалась Невестой Моря...
– Что, так стара? –невежливо я спросил,
а она мне ответила тихо и тминно.
И дымно:
– Ох, молодец. Жених у меня вековечен.
Не торопится-нахлынет-уйдет.

Таким образом, по принципу *инорацио*,
мысль, рожденная во мгле,
все-таки, всплывет на поверхность тухлых вод.
Некто подумает: - Стоит ли начало конца?
Но, по-моему, формула:
 «Нить в игле», т.е. «*жип* в *ине*»,
уже не соразмерна мифу начала *янь*
 в драме иллюзий *инь*,
и посему: в хаосе тотальной девальвации истин
надо учиться искусству иначе жить.
Стало быть, развернув земную ось на 180°,
следует поместить *инь* в *янь*, а *ине* в *жип*,
что означает – наоборот... т.е. иголку в нить.
По жизни сие – нонсенс,
однако мне ведом скульптор,
 обнаруживший полости в нашем теле,
и тем самым, еще более запутав,
линейную логику понятий-вещей-аксиом,
и, в конечном счете,
 целостность самого человека.
Теперь, может статься, полости могут стать культом,
т.е. дырчатым знаком нашего неединотелого века,
как если бы за ликом ваятеля
 скрывался некий анатом.
Значит, мы не помрем со скуки,
 но вернувшись к сфинксам «полоединства»,
еще раз попробуем расчленив первоатом.
А ведь это, друг мой,
 святотатство по форме и сути,
или бездумное скольжение
 по ленте Мёбиуса.
Итак, суммируем по правилам борцов сумо,
 т.е. выталкивая новое из старого круга:
наша теория *ине* в *игле* (подобное в подобном)
 не способна сшить разделившуюся амебу.

Но как же нам достичь единства духа и плоти,
при невероятном количестве нормальных бинарных
пар:

«янь в инь», «нить в игле», «жип в ине»?

Не правда ли это слишком умно
или по оппозиции – глупо?

Что же, пора выпускать пар,
и если вы «за», то я «против»
того, чтобы уродству противопоставлять красоту,
особенно в высоком искусстве
созидания полых скульптур,
в полостях которых – дух.

Лучше из ничего что-то лепить,
т.е. жить по закону «*тигу*» (шить).

Вот только никак не вдену
«иглу» в «иглу».

Кто-то опять вопрошает:
Это что? Бул не?

Отвечаю:

янь – нить,

игла – инь,

жип – ине,

т.е. жизнь,

как дух в огне.

ВЕТРЫ КАЛМЫКИИ

Слово спасенья в дождь

Памяти Давида Кугультинова

Давид-ага...
Огромен ты и капельно красив,
И лишь уйдя к корням,
теперь, ты – брат мой запредельный:
ты-Небо-Тенгри,
оболока мне и всем,
защитник нам,
ибо по жизни был упрям и прям.
По этой осени
(пишу в курсив)
приехал я к тебе бездумно и бездельно
на родину твою,
по правилу поэтов - по степям...
И понял, вдруг,
что ты отныне – Миф!
И никогда из жизни не уйдешь,
чтобы остаться рыцарем Степей-
венчальной родины твоей...
Всю ночь томился мир,
чего-то будто ждал
или понять хотел
Великий смысл загадочной Игры...
и...Дождь пошел, как шквал,
огромный, капельно- красивый,
как и Ты.
Но грыз и грыз
меня печальный червь сомненья:
зачем Поэт в миру
и в мире том?

И тут открылось мне простое
откровенье:
твои стихи – просторный вечный Дом,
в который нам всегда открыты двери,
и лишь теперь,
по праву моей всегда полынной крови,
я обращаюсь, брат Давид, к тебе,
сложив в единый слог слова:
Калмык-Казах!
-Всех позабуду по дождю я кроме
тебя, Поэт, мой вечный аруах,
в Земле и в Синеве.

По тропе потерь

Вячеславу Илюмжинову

Бывает так... друг позовет... и враз сорвешься с якоря... и поплывешь... меж заботами...городами... по ясному компасу осени... отрешись от слез...от уюта привычного быта...из дома...из рамок...чтоб оказаться в середине огромной планеты...уловить особенный ритм...простор обрести...вскачь сердце пустить...в полный мах...вновь погнаться за счастьем,...но случилось так...путь к другу пролег у предгорий Кавказа...верно, здесь Пушкин проезжал в века иные... из рук «любезной калмычки» вкушал молоко...белое от запаха трав...возносился духом Калмыкии...сердце отворяя вдохновению и состраданию...но!...но!...я еду сегодня от Вод Минеральных... вдруг высох от жажды внезапной-нутряной...и не хватает всей здешней воды запить соль в горле...ибо еду близ больницы в Будденовске...падаю на дно отчаянья...в тысячу децибел немотный вой... нестерпима боль...неотвратима...выключил на время зре-

ние-слух-память... ныряю в иное пространство... там тихо плавают рыбы...не ведают горя людского...нам бы так...скользить беспечно в травах водных-донных...к устьям рек, где родились некогда лососи...до террора...до безумия нашего...но!...но лососей ожидают медведи-гризли на перекате...они выгрызут лососей из потока...из жизни...лососи обречены... но!... но, икринки останутся на камнях...на отмели...и,значит, снова будут лососи... и в море выплывут, пока гризли в берлогах...в спячке...да!...да!...но!...но, мы-то не рыбы... не уплыть с земли... некуда людям плыть, если они не лососи... а я куда плыву?...ах, да!... к другу...становится легче, хоть и вступаю в ночь...но!...небо мне открывается, вдруг, как истина... звезды там...отарой белых овец на черном лугу...табуном коней серебряных-чистых пасутся над Калмыкией...беспечно, над землей, над суетой нашей...шепчут мне длинные-степные сказы-легенды: - живите! - говорят, человеки... дышите простором ночным ...синь неба вдыхайте...и просветляется душа... и я отвечаю им: -спасибо, звездный народ...за тепло, за надежду, за свет...вам сверху виднее, что с нами будет сейчас и потом...а у нас сердце человежье...у вас оно вечное...и встречаются они только ночью...для бесед...долгих...и думаешь...длинно...хорошо, что мысли не слезы...и жажда у них другая...на истину!...ничего, звездный народ...мы осилим боль нашу...земную беду превозможем...раны залечим... в больнице Будденовска...будем учиться в школе Беслана...науке жить в мире, а потом взойдем к вам...и станем звездами...а пока надо здесь пересеять сорное поле...да...да...отлегло от сердца...впереди заблестала огнями... Элиста... к другу еду...обниму его и улынусь... любезный калмык...друг...

Элиста

Видно, затем человеку даны душа и уста,
чтоб имя твое прошептать, Элиста.

И мысль эта так бездонно-проста,
что забыл я печали свои, Элиста.

И музыку времени здесь читаешь с листа
и песня поется легко, Элиста.

Дом Будды, кругом обойдя и обиды простя,
я обрел утешенье в тебе, Элиста.

И можно теперь прожить лет до ста,
чтобы мудрым стать, как ты Элиста.

А синева над тобой так глубока и густа,
что хочется птицей там быть, Элиста.

И буду в алом облаке сердца хранить как кри-
сталл,
образ небесный твой, Элиста.

Я счастлив сегодня, хоть завтра уеду грустя,
в свою степь от тебя, моя Элиста.

Николаю Санджиеву

Мы живем упоенно. Сейчас и до смерти. А смерть?
Она мертва, как и должно быть смерти.

Нам поэтам выпало творить вещество иное. Веч-
ное Слово. Коль рождены вещать при луне. При солнце
и без него. Конечно, не превзойдем бога и не пойдем
всей его сущности. Ничего. Зато себя превзойдем. Не

отвергнем и пищи простой. Мы ищем Человека. Присутствие вечности в нем. А прочее? Об этом позже. Т.е. сейчас...

Поэты самим себе рефренны
и ветрам степным современны.
Если имя человека повторяется кем-то,
значит: оно многотворно.
Если поэтом тебя именуют,
значит и смерть после смерти
нас счастливо минует,
ибо Слово – Имя бессмертно.
Наше имя издревле начато,
вместе с нами
отцом и матерью зачато.
Это ими произнесено впервые
наше сокровенное имя.
Твое и Мое, в частности.
И получили мы печать-причастье.
Причаствие к небу-земле-траве
и обрели добрую силу ветвей,
из которых вырастет
 чистый лист
и поднимется ввысь Древо Лиц!
Человечество!

Пушта-Степь

Аттиле Йозефу

Какая же это темная сила
Тебя от нас забрала, дивный
Аттила?..

Но знаю: есть и другая мятежная сила,
что поэтом тебя сотворила,
Аттила!

Да так, что у венгров расправились крылья
для воли и счастья, ветрородный
Аттила.

И хоть нечисть тебя молодым погубила,
вечно пребудешь ты юным,
Аттила.

Знак судьбы твоей мне небо открыло —
перед вождями бессильна могила,
Аттила.

Знай, жизнь твоя зло от земли отвратила
древнюю пушту чистой водою омыла,
Аттила.

Степь моя, как и пушта страдала, но ее воскресила,
сила слова, надежды вещая сила,
Аттила.

Века над землей, как ветры проплыли,
но степь до сих пор имя твое не забыла,
Аттила.

Чтоб над пуштой и степью солнце всходило,
как заря, небесами ты послан, брат мой,
Аттила.

Слово твое мне веру в добро возвратила —
и за это спасибо тебе, небосводный
Аттила!

Венгрия

«Венгрия, тогда мы не погибнем...»

Ш.Петефи

У Шандора Петефи

мне бы взять вдохновения,
чтобы слово сказать о тебе, моя Венгрия.

В наших дедов кочевников,
в аруахство их веруя,
мне бы в древность твою доскакать,
пушта – Венгрия.

С Арпадом встретиться, как и он,
о крови и битвах сведую,
и конь-о-конь стоять с тобою
во времени, Венгрия.

И не зло, а добро, обращаю я в гения,
чтобы солнце твое не померкло,
свет мой, Венгрия.

Никому, как и ты,
до конца, сегодня не верю я,
слишком много погибло детей,
твоих и моих – мать Венгрия.

Но кровь нашу древнюю
волью себе в вены я,
всю историю трав и реки,
брат мой, Венгрия.

И призову в свидетели
небесного Тенгрия,
чтоб навек породнится с тобою
о, Венгрия.

И Буду и Пешт,
впишу в новые веды я,
и Будапешт с Астаной станут
книгой единства,
аруах мой, Венгрия

Но для истин историй иногда
 ври, как и я,
ибо мы праведны только в седле,
 всадник — Венгрия.
Мы свободны теперь, хоть характером
 вреден я,
в этой скачке, как и ты,
 добр я, Венгрия.
Отец мой и мать,
 все Ваши исполню веления,
Только б любовь витала
 над домами и храмами Венгрии.
И по знаку судьбы,
 степь моя вечная,
дана тебе в сестры,
 багряная Венгрия.
По сердцу ты мне,
 молодая и древняя,
дунайно текущая
 в мир человечества, Венгрия.
Новый век, твой и мой,
 это время я,
назову нашим именем, Венгрия,
ибо по братству кочевий,
 по сердцу я верую
в мой Казахстан и в мою Венгрию.
Бог всевышний,
 в синем доме Всетенгрия
не забудь и о нас,
 о казахах и венграх,
И в мадьярстве — казахстве, как и ты
 светел и ветер я,
и такими любите
 Казахстан мой и Венгрию.

Люку Бессону

... С котом в мешке...
... Без кота в мешке...
... Зеленого, синего, пестрого, черного.
... Кто есть кто сегодня
без кинематографа
Люка Бессона?
Умереть в жизни или жить в мечте?
Но небываемому быть.
Смерть наяву – немая бессонница,
миллионно кадровое безумие
творить сюжеты,
не могущие быть в быту...
Монстры невожделения – жестокие,
но беззубые,
Кинотавр, подобный критскому быку,
чей остров – миф...
Или смонтированная суета...
Люка лукав.
Он утешает меня, что жить можно уютно,
если кошмары дня
вынесены на экран подсознания,
а ледники красоты
не тают даже на юге...
И я не кот для закланья
в мешке забвения...
Кровь закипает в венах,
сотворяя красное вино жизни,
а рядом – параллельно – живет сон
жуткий и парадоксальный...
И смеется волшебник –
Люк Бессон.

Июнь, 2004 г.

ТАНЦЫ СЕРДЦА

*«Дочь. В дни моего отцеотсутствия
прошу тебя внять сердцу растений,
а прочее будет внятно без слов...»*

Как трогательно утро,
где еще не смеется солнце...
Вчера я почувствовал снег,
он целовал зеленые листья.
Что значит все это?
Просто есть дни,
где дочь моя заполняет
все пустоты и тайны,
все пространства и вещи во вне и внутри,
где я полон – как небо – памятью
тысячелетних земных совершенств
и лицезрением всевечных мгновений.
Магия мерцания моря
в безмолвии лунном,
медленный танец воспоминаний,
повороты, фигуры минут,
уплывших в объятия к звездам,

маленький домик в саду,
яблоко в дочерней ладони,
шелест благословляющей яблони
и смех ветра в траве,
дымная печь зимней ночью,
дочери спящей лицо...
Все похоже на сцену перед спектаклем
в святой тишине предсвершения...
Это больше, чем вечность.
Потом пойдут теории чисел и смысла,
анизатропные классы слов и метафор
вместо горячего счастья жить
в сердце дочернем...
Вчера я почувствовал снег.

* * *

И пошла, и поехала грусть
по рельсам знакомым...
Малиновый куст
в ягодах крови.
Весело пьет дочь
молоко с малиною.
Завтра начнет дождь
осень длинную.

Фламенко

Гремит гитара,
высоким голосом кричат танцоры.
Стук кастаньет и каблуков,
улыбок нет на лицах,
яростны глаза и ритм.
Фламенко! Не танец, нет.

Сражение... Коррида...
А бык еще живой. Не на песке.
И матадор живой.
Нет танца без конца.
Корриды без исхода.
Идет прелюдия.
Но вот выходят пикадоры.
И пустят кровь быку...
Пошла...
Арены вой.
Кружатся матадор и бык...
Танец смерти.
Люблю фламенко.
Не смотрю коррид.

* * *

Нет, Дина!
Ты не беспокойся. Я дома.
И это так немыслимо огромно:
ведь дом мой — твое пурпурное сердце,
в нем много птиц,
 нестертых слов и смеха,
и потому я здесь и днесь,
 и бесконечно весь
готов для новых гроз и грома.
Мне хорошо сейчас.
Ах, Дина!
Как имя у тебя не длинно!
Но все же есть оно.
 Лучисто, как алмаз.
Оно для внуков нам
 и для веков дано.
Как вера! Всё — едино!

* * *

Мы родные и разные.
 Как гроза и молния.
После нас будет радуга
 и три вещи модные —
родиться, любить
 и грустить вовремя.

* * *

Мучает голод
 экзистенциальный.
Мозг — сплошное эго.
Кто такой, гуманитарий?
Где мы?
 Это зоопарк или океанарий?
Слышат ли звери эхо
 собственного рыка?
Что делает одинокая рыба
в океане одиноких рыб?
Вокруг только акулый рык...
Выплываю. Мне улыбается дочь.
Значит ли это,
 что мир людей все еще добр?
Не знаю,
 но хочется верить.
Просто ни к черту нервы

Нож так легко рассекает лук.
Слезы в глазах. Предчувствие разлук.
Чистые мысли. Чистые слезы.
Скоро уснут виноградные лозы.

Пора собираться
 в долгую осень.
Дочка, пока. Не провожай.
Тебе надо собрать
 свой урожай.

* * *

Медленно-лунно
 ночь меня просветляет,
на кромке дремоты стоят
 золотые пейзажи и лица,
в этот миг ничто сердце мое не сокрушает,
и глагольные истины опадают, как листья...
Никому, кроме ночи, не сделать такого подарка,
мягко, безконтурно пересечь злое поле,
и не знать, что где-то есть сладкая подлость,
украсть у тебя последнюю крошку подгарка.
На реке, по закату, уплываю
 в сегодня и завтра,
чтобы встретиться вдруг – в полусне –
 на званом ужине старости,
где так много
 своих и придуманных родин,
за которые не жаль вновь поднять паруса...
Парадокс сей, во мне и во вне, занебесный.
В этом сне водят свадьбу жестокость и нежность,
как мужчина и женщина,
 разведенные на полюса...
Все вопросы и ответы мои
 сошлись в этой ночи,
словно мать и жена, мне
 дарящие сны,
что однажды проснусь я
 с именем дочери,

и она, в свою очередь, станет
мне снить
золотые пейзажи, где
счастливые бродят сыны.

* * *

Что поделать, если так случилось,
коль душа, по-крепкому, устала
объяснять, что знала и не знала,
обходя обыденные числа.

На вопрос плодятся два вопроса
и ряды неисчислимые ответов...
Это - то же, что искать начала веток,
или корень в землю не проросший.

Нет равнин, ни гор, ни океана,
чтоб принять дожди моих поэзий,
вышла жизнь полосатой зеброй,
вся она – сплошное окаянство.

Разве что поет во мне свирелью
голос внука – золотая песня.
Значит, как всегда, в конце апреля
я утешусь запахом сирени.

* * *

Дивное кратко.
Почти сновиденье.
Кошмары карминны.
Это - как расставанье с Мединой,
ради Мекки - длинно.
Почти зарево от пожара
раздутого ветром поэзий.

Я назвал дочь мою
 Диной —
именем медоносным,
не горячим,
будто пчелу,
помнящей нескончаемый труд —
нектар собирать,
да мед сотворять,
и дарить медоносные сны
на рассвете.
И снить их другим,
жужжа и дрожа,
крылышками на ветре...
А где-то вдали
грядет печаль золотая.
Пчела!!!

* * *

Дочь!
Отец твой снова занят делом совершенства,
вернее поиском его и верит,
что совершенство, как и ты — божественно.
Давно, еще тебя рождая,
я занимался совершенством,
и мать твоя тебя рожая,
была тебе и мне тождественна.
Но то была любовь созвездий...
Я рад — ты ныне тоже женщина,
мать внука моего...
Все, совершенное любовью, — совершенно.
Сегодня и всегда.

Я вновь пишу стихи:
они тогда завершены,
когда в них будет сокровенность
моей в тебе крови...
А совершенство – завершенность
пусть даже маленькой мечты.
Была бы воля и любовь созвездий...

1967г. Все дни.

ГОД ОВНА

поэма Зодиака

Что это происходит со мной?

Стал о кукушке думать:

по ночам у виска кружится моль,
а слова-то как выстроились?!

...дура...дупло...дуло...

Сильно, внезапно, качнуло вниз,
хотя третий день совершенно трезвый,
слышу дикий беззвучный визг:

...тернии...трефы...третья...

В глаз мне вкатилась луна,
была поначалу серой, вышла красной:
стали постройки мои ломать -

камни, крабы, карлик...

Кролики скачут в траве,
полная квартира кроликов,
кончился хороший порошок "Ариэль":

нолики едят ноликов...

Целый год убегаю от волн,
смурью замучен, как хворью,
смотрит на меня уставший вол:

...строго...скромно...**скорбно...**

Очень давно не звонила дочь,
видимо, заговорила с внуком.
Надо мной не то нож, не то долг?
...смутно...сутки...скучно...

* * *

Хочу большого распыленья,
побыть растеньевой пыльцой,
уйти от раздвоений - распиленья
на внешнее и тайное лицо.

Взлететь ветронесомой взвесью,
и, возрождаясь наугад,
обрадоваться однажды вести,
что жизнь – вечный «*ноу-хау*».

Ей наплевать на то, кто автор,
и безымянность - суть ее,
а семя с лоном адекватны,
им случай - умный сутенер.

Никто в конце, никто в начале –
деревья ль, рыбы, тьма ли, свет:
о смертной бы забыть печали
и жить легко во всем, как взвесь.

Возможно, удалось бы это,
когда бы не шаманство рифм,
беда любить условный вектор
и сюрреальной правды миф...
С тем и живу.

* * *

Уходит старый Ра
за горизонт...
Он, кажется, слинял с работы на закат,
а я, влюбленный в вечера,
по грань пирамидального ребра,
попал в экваториальный шторм,
полуденный мой зонт
снесло...
Короче: со мною женщина была
до сизого утра,
презрев все презервации на СПИД
и тайны вечных пирамид...
У Нила есть способность течь,
творя свой желтый ил...
Мой древний Ра,
прошу тебя не противуречь:
ты видишь, я тоже кровью истекаю,
чтоб дать потомкам титул «пра...»
Не знаю – счастлив или каюсь,
но, кажется, вчера
я женщину любил?..
На том спасибо, гостя,
ребрышко мое, катись на запад,
я буду помнить твой летучий запах
как сыт был сладкой костью...
Уходит молчаливо старый Ра
с любовью в вечера
и во вчера...
На завтра звезды мне сулят
хорошую погоду.
Ну что ж, засну,
как старый пес, скуля,
приветствуя луну.

* * *

Спит уставший человек...
Ночь глуха и набрякла дождем и бедой...
Человек сей одинок...
Он лежит разметавшись...
Комната пуста и тревожна... Шумит унитаз...
Трещит мерцающий экран телевизора...
Человек потеет во сне...
Бормочет о недосказанном вчера.
Кто его успокоит, утешит?..
Окна занавешены тьмой...
Над ним, на стене, сакский кинжал...
Он угрожающе повис на тонком срезе
орехового корня...
Напротив – пейзаж на картоне...
(закат, камни, безлюдно)...
На потолке трещина... Длинная...
Человек не укрыт... Поджался... Вскрикивает...
Вновь тишина...
Над кинжалом икона...
Мадонна с младенцем...
Ореховый корень... Кинжал... Икона... Нонсенс...
Он не верит в Сына, зачатого Отцом...
Верит в невинность
Мадонны-Матери...
Верит, что родила она
Сына своего в муках...
Как всех обычных детей...
Как рожден был и спящий...
Сын, рожденный для мук?..
Для спасенья?.. Для любви?..
Вопросы повисают в духоте этой комнаты..
Но тихо!..
Что бормочет спящий человек?..
Неясно... Бред?..

Снова тихо... Кажется, теперь спит глубоко...
Улыбается...
Человек, как человек...
Что пожелать ему?..
За окном пошел дождь...
Долгий, тихий... Сеющий...
Вдали отблеск далеких молний...
Ночь, как мир, непроглядна...
Огромна... Опасна...
Спят уставшие люди...
Что они видят в снах?..
Неважно... Важно, чтобы все проснулись...
И был Некто, недремлющий,
охраняющий их сны и пробуждения...

* * *

Сон
выпит мой,
сновидцем выпит он,
не мной...
Сновидец пьян
и объясняет мне,
что я упрям,
особенно во сне...
Затем,
от сонного похмелья,
где озаренье —
 тлен и бред,
благодарит за зелье
нетрезвого прозренья.
Но то, не дверь во свет,
лишь брешь.

* * *

Мой соземелец!
Старший или младший?
Когда-нибудь, настигну я **тебя**
по качеству души...
Мой лук
всегда упруг, пластична тетива,
и так же пашет плуг.
И, неукоснительно, трава
дает пшенице
в свой черед
заколоситься.
И возродится веткой вербы,
упавшая у камешка стрела...
Потом мы посчитаем зерна:
по-доброму, не злобно,
и перемелем всю эту суету –
на берегу, на мельнице. На совесть.
На муку... На хлеб...
Горячий – отдадим голодным,
а свой – съедим холодным,
губами тихо шевеля,
запивая водой и водкой,
почувствуем, как кружится **Земля**,
и не спеша составим сводку
о том, о сем...
Сквозь ноздри попоем...
Без слов.
Пусть маленький улов,
но наш.
Увидим все бесстыдство **Чаш**
бездонных - Земли и Неба.
И отдадим живущим
запах хлеба.

* * *

Теперь я только
 сожженное кем-то письмо...
В конверте. Нечитанное.
Но кто-то ж все же
 писал и послал?
Одно хорошо:
 в те времена работала почта
и было желание
 посылать людям письма...

* * *

Вот сижу, думаю,
от прострации к мысли шагаю,
в общем, маюсь,
что называется дурью...
Мне привычно дышать гарью
тлеющих размышлений,
прикрываю глазные щели,
щурясь в дыму
 бытовых пропозиций.
Хочется, конечно, взорваться
 сочным слогом
о невыносимо-печальном, прежнем
или о чем-то точном и строгом,
но ничего не улавливаю
раковиной уха.
Нет, наверное, сегодня клева,
многовато стало браконьеров-лавочников
и мало в сердце поющей крови,
а без этой наживки
 не будет прухи,

не поймашь рыбки,
сверкающей живой искры
из самых темных глубин,
где слова рождаются
из наитий – икрин.
Вот и маюсь.
Зачем хорошую рыбу губить?

* * *

Меня однажды как-то занесло...
Нет, не по пьяни, - но в Париж,
и я оттуда вынес ремесло –
над крышей собственной парить.

Да, да! Той самой, которая плывет
при самом маленьком дожде:
порой она умом моим слывет
или ослом, бредущим без вожжей.

И вот - шутя, всерьез и невпопад –
я проходя подземным Лувром,
взорвался сердцем, как пропан,
в одно осеннейшее утро.

Там осиянный красотой,
и враз влюбясь в добро и зло,
я вровень встал с моей душой
и там мне крышу понесло

от совершенства совершенств...
Всерьез, надолго, навсегда,
а этот стих – прощальный жест
и взгляд из Лувра на себя.

* * *

Нет времени дышать на старину,
на новый день нет тоже лоций,
особенно, когда живешь в плену
неявственных эмоций.

Нельзя! Закрыты кем-то ворота
на солнце, облака и снйги,
и в час глухой, с луною ворожа,
открою втайне сердце.

Скрипит?.. Ах, заржавел засов,
скупец забыл – неумолимо рвенье
травы расти из мертвенных забот:
на то и есть растение.

Расти?.. Как долго до небес,
но многим нас притягивают **земли**
нас породнившие, но без
сей тяготы – мы звери.

Кто зверь?.. Ни тигр, ни овца
не знают ничего о преступлениях,
и человек не помнит про отца
за час до тленья.

Тленье?.. Бывало в старину,
об этом говорилось очень строго,
но я сейчас живу в плену
капризов Слова-Бога.

Я агнец. Жертва.

Два шага к казану.

* * *

Вот однажды, что случилось...
Только, други, вы поверьте:
Пиросмани с Рафаэлем
вместе мне вдвоем приснились.

Как бы в шутку, между прочим,
пишет-чертит Пиросмани
на клеенке лица-очи
двух пирующих со вкусом.

А затем, совсем недолго
Рафаэль мелькнул усталый,
за плечом его сияла
ликом солнечным мадонна...

Если б мог я, в самом деле,
обладать секретом магий,
то позвал бы Рафаэля
на пирушку с Пиросмани.

Чтоб один сказал другому:
“Pronto, слушай, генацвали!”
Чтобы пели, танцевали
и беседовали с богом.

Я б бочком сидел наобок,
пил кумыс, Калжаном бредя,
и смешав любовь и ревность
в пьянь стихов рванул, как в омут.

«Чао, гении, и маги...» –
прошептал я им под утро...
Сон исчез, на сердце смутно.
Только буквы на бумаге.

* * *

Нет отца?!

Безотцовщина?!

Ах ты, бандит, без отчества.

Бесовщина.

Как тебя там?

В каком обществе?!

В общем таких,

как ты... песок... без конца...

Матери нет?!

Ах... матершина...

приблудок... припадок...

Будет тебе милиция... матерью...

папой... клянусь...

Твоей?! Да ты что!!

Да она – проститутка...

Так ты еще и поэт?

Ясно... без отца, без матери...

На пятнадцать суток...

Сука... бандит... Не имею права?..

Это ты ничего не имеешь...

Ни... ни... сирота казахская... нищий поэт...

Как там?!

Гол пропустили?!

Судью на мыло...

А с этим как?!

Тоже на мыло?..

Бнедь... опять проиграли...

Бдеть!..

Ни отца, ни матери...

Надо же, поэт...

Убрать... и в рыло...

А с судьей как быть?!

...Арестуем после...

Всех бы... Туда... свинцовой почтой...

Умун

Особенной была этой весной
Верба...
Сияющей...
Невероятно тихо звучала и песня
Ветра...
Страдающе...
Ночью звезды падали в созвездие
Веги...
Стаями...
Утром, после грозы, забрезжила радугой
Вера...
Не явно.
Сказочно...

* * *

Во времена
когда даже небо было незряче
и с землей не сошлось
в таинстве брачном
виталя уже по-над миром
Надежда.

Веретена
вселенной едва начинали вращенье
мужчины еще не ведали женщин
но и тогда в безымянной
до-жизни витала
Надежда.

Вервие зла
уже петли свои заплетало
и добро не сложилось
в ясность кристалла
где-то во тьме словно песнь нарождалась
Надежда.

Вереск любви
еще прорастал в сонме звездном
и свет начинал сеять вечные зерна
даже в те дни к нашим веснам летела
Надежда.

Ветер веков
давно облетает землю и небо
уже совершилось Великое Нечто
но не уходит из сердца людского
Надежда.

* * *

Копейщик тополь
мечет в меня мысли **свои** листвою...
Пронзая облако,
полдень в небе висит, как меч литой...
Кочевник печали!
В степь сомнений не слезы лью – боль...
Может, как прежде,
зпять во мне травой прорастет
Любовь?

* * *

Назымбеку Бокаеву

Кто б ни был я, меня не надо трогать –
нет, не рукой, невежеством души...
Кремень я в каменной породе,
и как полынь раним
и горестно душист.

Но как-то, сам поранив
бабочки крыло
и сократив полет ее недлинный,
подумал, что и мне не повезло,
что жить приходится
бескрылою личинкой.
Кто б ни был я,
меня не надо трогать,
ударит скоро дождь
осенний, вековой,
и я в дорогу медленную тронусь,
чтобы проснуться бабочкой весной.

* * *

В ожидании друга в апреле,
на день девятнадцатый,
пока за окнами шествует дождь
по новой привычке – с утра,
я подключил часть ума,
где мысли еще от сна не взопрели,
и стал совершать левитации
под желто-красным небом
собственных кож.
И увидел – а душа-то светла,
только плачет в ожидании друга
на день девятнадцатый, в прелесть
апреля уверовав в дождь...
Я коней по масти инстинкта
провожаю наружу,
слушая, слушая струйные трели,
водные вожжи на глади
лошадиных кож.
Моцарт приснился мне плачущий,
ему уже – 19!

За окнами сонатный кончается дождь.
По венским календарям – утро,
и, будто, бес музыки алчущий
перестал бесноваться
над черно-белой костью
 клавишных кож...

Монахи Бутана бормочут сутры,
что и в день девятнадцатый –
забота обычная отрешенным с утра.
Что за погоды пошли
 в степном-то апреле?
За окном опять начинается дождь.

* * *

Есть у этой весны
 три особенных качества,
как у осени
 тысячи листьев.
Падал я на дно
 сотен кратеров,
пока не увидел
 краешек истины.
Твой современник,
 если он добр и строг,
и есть для нас
 на земле этой – Бог.

* * *

Если жить не можешь иначе,
то и дальше живи, как живешь:
облетит на ветру одуванчик,
со свечки стечет оплавленный воск,

Никто не решит золотую задачу,
где капли посеет солнечный дождь:
но хочется жить мне как-то иначе,
пока не пойму – где правда, где ложь.
Не вокруг, не в других,
а во мне и не смей
думать, что скроет истину смерть.

Марату Исенову

Вот что, Исенов,
никого не прощай,
кроме тех, кто не в силах
носить проклятья...
Бродяга, поднимающий слова –
у обочин забытые камни...
Слово кратко,
тяжко его произнесение...
Скажи родителю: - Прощай.
Это в нем последнее твоё
радение...
Изгой, никуда не ходи,
всегда учись у растения быть у корня...
Глаз не имеющий не знает,
как много в этом пространстве зрения.
Дуряга, забудь про вселенную,
она не стоит твоего вопроса,
почему ты любишь печаль осеннюю?..
Исенов, ты перчатки забыл,
стало быть, ладони голы.
В твоей книге, как в доме,
я отогреваю голову...

Прости, бейсбольный имидж мой
еще не совершенен...
шенен... не мож-же-велен... не мо...
опять икота...

Перед поэзией с утра всегда я краток,
хотя чуть перебрал вчерашнего «женьшеня».
Так вот, с трудом от буквы «Ж»
переходя на «Т» и «Е»,
недавно был тобой до мозга укорочен,
и можжевельника читая житие,
я жвань житейскую изверг до корчи,
до спазмы, до гримас, до астмы:
но принял жизнь твою,
как слог словес небесных
и упрощал богов в лице далекой «астры»,
чтобы поэту вдохновенья подали на бедность,
на слог, на слово, на поэму...
И пусть мой стих к тебе не совершенен,
я просто жить хочу, как можжевельник,
в иных изданиях своих, т.е. воплощеньях,
и будет мне свидетель,
бесстрастный страус эму,
что в честь тебя я подниму
бокал женьшеня...
И прошиплю: ммо... жже... шш... ь...
«Житие можжевельника в дождь...»

* * *

Остались дела, только в этот
последний вагон,
еле успел, и поезд уходит в разгон,
среди зимы, среди снега и дум.
И, как судьба,
откровенны молчания дул,

стрелков не видать,
но забита картечь
в охотничьи ружья,
она громче, чем речь
ждущих ответа курка...
а потом – над норкой сурка
проплывут облака.
Выстрел...
И больше не надо мне ехать,
осталось утечь
к большим берегам,
к окраине дней.
Непостижны причины убийственных действ.

* * *

Галине Г.

Хранителя себе сейчас найти непросто,
когда земля становится пучиной
или вздымается, как Анды:
придя в сей мир блаженным гостем,
уйдешь, увы, не гостем,
невольно выдохнешь, крушась:
- Ты где, мой ангел?
Хранитель-ангел мой,
приди ко мне не вестью,
и не желанным утешением
во времени неверья,
а просто будь! И пусть судьба
всплакнет обманутой невестой,
что чистоты ее жених убитый
не изведаль;
мне станет легче, хоть плачу я
и радуюсь так бrenно.

Хранитель-ангел, души моей недревней,
не беда, что беден я,
 лишь ей бы быть не бедной.
Я жажду не печали, нет,
 хочу покрова...
О неизвестница моя,
 мой ангел – дерево,
укрой меня своей поющей кроной.

* * *

Привет тебе, моя темнейшая страница,
опять пишу по правилу слепцов –
наощупь: слетит, быть может, стих-синица
мне на ладонь, как легкая снежинка –
 знак снегов.

Страничка, ты всегда с бессоницей моей
в ладах, тебя я пачкаю чернилом ночи,
но терпишь ты, пока моя мигрень
со мною, в свой черед творит, что хочет.

Подружка темная, прими мое корявое письмо,
открой мне смысл, который от меня сокрыт.
Дай лодку мне и дай одно весло:
я поплыву, как некогда степной Сократ – Коркыт.

Куда? Об этом завтра поведем мы речь...

* * *

В иные дни
ущельна и ущербна
мысль моя,
она опасна и дика,
ее окутывает мрак,
уносит донная река.
Она – ребенок,
слабый и слепой,
или дитя, проспавшее
столетия в колыбели...
Вот и сейчас,
извилисто измыслясь,
отторгнут я прямой
дорогой дней.
Не сила мысли, нет,
а слабость откровенья
понятна мне сегодня,
в канун рожденья.

* * *

Улетать пора, улетать...
Синий Тенгри скучает по сыну,
и пора пустыню менять на пустыню,
и последний цветок подержать у лица...

И уйдя, растворясь
в сонме любви,
на себя опрокинуть колодезный ковш,
а коль не сумел гнездо
себе свить,
отправляйся бездомным
в последний свой «кош».

Послушай, мой спутник,
 колокольчивый звон;
верблюжью усталость
 горбами пойми,
деда вспомни...
 Он снова восходит на трон
лошадиной спины...
 И уймись, растворишь
в кочевьях любви.

* * *

Июнь в этот год
получился дождливый
и зверский,
я был селом снесен
и готов к погребенью,
но снова чудесно спасен,
и, значит, будет прозренье,
и, возможно, еще стихи
написать я успею.

* * *

Оторвалось, выпало стремя,
конь оступился, сбросил меня,
и теперь я с теми,
кто докатился до дна.
Донное тонкое ложе
не хуже любого из лож,
укроюсь собственной кожей,
отвергнув последнюю ложь
о рае — внетелом счастье,
и буду, безмолвно учась,

делиться, как атом, на части
и превращаться в часть
неделимой древней Земли...
«Не дели меня, не дели...»

* * *

Нередко вспоминаю
мое хождение по краю,
иль, как говорила мама:
- По дну, по саю.
А сай,
по-нашему, овраг,
он плоскости равнинной враг,
змее и волку – рай...
Теперь,
я сам во маминой реке,
как прежде,
 как репей,
неотделим
от всех ее поверий – вер...
Потом,
в овраге крутобоком,
я вновь ее увижу черноокой
и вспомню стон...
Когда она меня
из рая извергала,
из себя и стала
опять спокойной, как луна.
И вот, я сам,
прошедши много лун,
вновь прихожу на мамин луг
и кланяюсь ее цветам...
Я вспоминаю...

* * *

И хорошо...
при мысли, что жизнь прошла **напрасно**,
пусть боль в тебе не гаснет,
но утешайся...

Был ты для ветра перемен
 лишь шарик одуванчика,
что все еще летит к истокам мальчика,
к горячей пыли летнего пригорка,
а там трава уже по августу пригоркла,
но как-то, по-особому, призывны
небесные приманчивые зыби,
где затерялся жаворонка посвист,
и явствен паука на ветке

 паутинный почерк,
в воронке медленной ворчливой струи,
а листья жухлые по ним плывут,
 как струги...

И вспомнится Иртыш, высокий берег,
и пацанов пузатых веселый говор беглый,
за островом – двойной теченья выгиб,
а дальше, за рекой, большой зеленый выгон:
там лошади с коровами на пару
неспешно выцеловывают травы,
покругно обходя шалаш пастуший...

И в этой тишине, послушай,
невероятной грусти песнь
о невозвратном...

А если это есть,
то хорошо,
что боль в тебе не **гаснет**.

* * *

Тамаре

Ты видишь, медленный поэт,
что проиграл игру без ставок?
Нет дома у тебя и лавок,
и ты один на полустанке эр.

На лакмусовой бумаге сцен
твой давний танец не проступит,
ты растерял алмазы своей сути
и свой особый почерк – ген.

И вот коллапс, раздавлен ты
лавиной темных раздвоений,
чтоб вскоре, в аксиоме тлений,
лечь в изначала синих тин.

На полустанках глохнут поезда
ночные в час остановочных удуший,
когда вокзальный омут учит
колодец горла жить без дна.

Ему б глоточек водки на помин
двух одиночеств, чья сумма – старость,
и спросить ее: - Что случилось
с любовью юных женщин и мужчин?

Молчание. Ответа нет. Тупик.
Поэзия пути уткнулась в прозу
полустанка. Здесь умер старый поэт,
колесный потеряв язык.

Все! И... рельсы в воду.

* * *

Иду я как-то мимо дома...
Извилистой тропе моей не длиться долго,
и скоро я уйду, не думствуя, в тень,
к обочинам, к траве, к корням деревьев.

Я называю это – мистерией потемков
(шел в лес, а вышел к небосклону)...
Мне бы по рельсам, по трамвайным
пойти и обрести жилплощадь маленькую в рае...
Успеть бы к вечеру.

Неумолима ночь.

Она бездомна.

Хотя, возможно, дом ей – вечность.

А мне куда?

Бреду бездумно.

* * *

Жизнь!

Нельзя же быть

такую черной,

как боль моя,

как суть моя,

хочу я перебрать

в молитве четки,

и умереть, тебе,

молясь.

* * *

Я ныне загрустил до тихого отчаянья
и ностальгия белых строгих сцен
меня оплавил металлом боли,
и здесь бессильны знания авиценны
или целителей лекарством божьим...

Я заболел двойной печалью:

сакрально отстояли знаки слов и поз,
и то, что в танце было пасторалью
кипело лавой метафор и метаморфоз
живого слова в кратере стихов,

чтоб вновь немислимой спиралью
скрутить меня в воздушный пируэт
и бросить на пол жесткой сцены,
чтоб вновь застывший в позе силуэт
стал знаком к новому движенью...
Устав грустить, напьюсь сегодня чаю,
и сочиню еще один сонет – балет,
и посвящу его маэстро Авиценне –
целителю двойных болезней – бед.

* * *

❁ ❁ ❁

Устал от плоскости:
степь плоская, шутки тоже,
морозом дерут по коже
дела наши скотские.
Найти бы маленький холмик
и зарыться от времени в склон,
и сочинять там новый канон
старых вер и каменных хроник.
Расскажи мне, Ахмет Яссави,
о законах великой любви,
подпирающей небо...

* * *

Всяк ударяется о свою стену...
Больно, но больше - обидно,
хотя всем очевидно:
кем ушиблен гений?
Богом...
Хорошо тем, у кого медный лоб.

Легко сквозь стены
проходят счастливы,
хам и жлоб,
оставляя три буквы –
автограф хамства
или шедевр графоманства:

«...»

Что мне остается?
Биться головой
о камень бумаги,
высекая искру слова
своими мозгами,
пока мысль не остыла
и не притупилось *стило*...
Рукотворенье Письма
для другого ума,
чтобы в нем билась мысль...
Так же упорно, как и во мне.
Зачем?
Чтобы пробить брешь в стене
нашего с ним одиночества.

* * *

Что говорить?
Все кончилось вчера,
и не коснуться недотроги,
но ничего судить не надо строго,
особенно с утра...
О чем молчать,
коли ушло вчера,
на картах нет моей дороги,
зато душа во мне... Ах, недотрога!
Особенно, с утра...
Что делать?

Но началась вчера
простая дума о погодах,
о крыше дома, крышке гроба...
Но ни о чем не надо
думать строго...
Особенно... с утра...

* * *

Из всех моих занятий и профессий –
танцеванья, пьянства, думанья, скитаний,
самопредательств, сочиненья песен –
осталась лишь одна и та мне тайна.
И незачем себя обманывать, крутить
винт без нарезки, вхолостую...
Осталась мне профессия грустить,
сентябрьских дождей считая струи.

* * *

Кричаво
стала струиться речка...
Речаво
зашелестела ива...
Корняво
заплелись облака...
Ручьяво
мечтательны камни...
Кручально
пламенеет уголь в печи...
Ручаво
прильнул ко мне ветер...

Кричаво, речаво,
корняво, ручьяво,
кручально, ручаво –
речи, руки, лики
жизни...

* * *

Слушая новую домбру...
Резонирую вместе
с березой, кленом и тополем,
отдавшим свою древесную плоть
обычной домбре...
Ничто мое сердце
еще так не трогало,
чтобы прошиб меня **пот**
на бессонной заре.
И живет во мне
заново песня клена,
березы белая кровь
и тополя пух улетающий...
И теперь я смерть
приму от меча без уклона,
или исчезну легко,
словно тающий
снег на весенней траве...
Резок твой резонанс,
молодая домбра:
только ты сегодня добра
и звучишь со мной в унисон...
То ли радость, то ли стон
твоя музыка?
Но звучи ковылям в резонанс:
кто потом, скажи, вспомнит о нас,
если б не ты, моя умница?

* * *

Что ж, сегодня опять
нальюсь до бровей,
и себя растворю среди моря людей,
из квадрата постылой квартиры
убегу, разойдусь в полушариях мира,
ибо, видно, капризом беспечной вселенной *
сотворен я таким осколочно - цельным.
Так, однажды, на одном из полюсов мозга,
вспыхну цветком в середине мороза,
среди ночи, на мгновенье,
там зацвету,
и приму обе жизни –
и Эту, и Ту.

* * *

Я на все опоздал по лучшей весне,
не носил «шузы – мокасы»,
ни «болоньи», ни джинсов –
опоздал я везде...
Видать, совершенно модально,
перекрыли мне тропочку джины...
Ни одна не влюблялась в меня, по себе,
даже в ситуациях изменения вкусов
или бурь гормональных,
а теперь, в серебре,
мне видней молодое искусство
быть в мечте гениальным.
Далее долгие позиции ног,
мерные ноты старых роялей,
пуанты спящей принцессы...
А потом полюбил меня бог,
и так хорошо, ирреально,
просто так – и без цели...

Давний поезд промчался во мне,
и вернул мне свет полустанков,
и особую верность полетам...
Но зато: деревья, одетые в медь,
от меня стихи получали
в такт хорошим погодам...
И я сам научился любить
не больно и горько.

* * *

Летя по фабуле рожденья,
в сакральном полубдении
я вспомнил Рафаэля...
Есть у меня вопрос:
- Полезна ли поэзия,
когда вокруг коррозия,
и жизнь пошла в разнос?
Хоть боль мне душу сушит,
хочу проникнуть в сущность,
понять наверняка:
- Зачем рожден был я?
Для быта? Бытия?
Вот и сейчас...
По древнему инстинкту
никак я не привыкну,
что личный РНН
важнее ДНК...
Сикстинская Мадонна!
Твоя душа бездонна
и прав был Рафаэль,
что есть у нас, как солнце,
божественная цель –
родиться для Любви.
И все. Как просто!

Е – Ё

поэма упражнений

С недавних пор на моих глазах
стали испаряться вещи
ботинки перчатки зонт и плащ
вещи для жизни надобные
но не возникло во мне былой досады
вопреки тому что дело клонится к осени
поначалу подумалось в доме завелся вор
однако где взяться ему в квартире 5 на 4 + кухня
ибо в ней только я и воздух на 90 кубов
свет дневной и рассеянный свет луны по ночам
и еще разве что тени утрат по углам
немного исписанной по этому случаю бумаги
имеющей способность удерживать буквы
пока рассыпается время
которое лень собирать поминутно
в общем все это терпимо...
(некто орет: ...а любовь-то зла, полюбишь и козла...
а во мне эхом: ...она золушка, ее уже не сжечь).
но вот когда испарились и стены моей комнатухи
т.е. мансарда т.е. выпренье ибо тут не Париж
я вспугнулся вроде тетерева от лая гончей
и подумал: вот совсем уж раздет и рот разеваю
на осень зиму и никто не хранит тепло во мне и

во вне...

Полагаю подумавши: бог с вещами, хотя я слит с ними.
Но в сей миг не ощущаю размеры вечности. Не по плечам мне она. Уж я лучше поплачусь - попечалюсь над плащом - ботинком - зонтом и перчатками, которые расставаясь со мной хотели оградить оберечь меня от моего же дождя-ненастья... Ничего. Потерпим.

Знаете ли друзья?
Если над буквой «е»
не поставить «¨» –
(или, что ещё хуже)
убрать знак двоеточия,
то не появится – исчезнет
ея близняшка «ё»...
и тогда невозможным станет
ни «едрёна» вошь,
ни «евина» плоть –
немыслимые, неразличаемые,
неосязаемые аки ничто:
ни ёж, ни ель
не будут ощутимы
во всей своей сущестительности,
в разной сущности и родстве –
е-е, ё-ё...
не узнанные по знакам
плоти и пола
в силу отсутствия
своих двоеточий и двоесутий,
т.е. имени сущестительного:
ибо и ёрш – лещ,
и хвост – хвоц,
и еже «с ними»
как-нибудь да выживут,
а вы
выживете-живёте ли?..
в ожогах снега-времени,
без «¨» – «е» – «ё»,
и вообще без
этих простых грамматических бездн?..
А?
Е – Ё? Ё – Е?

* * *

А ещё (е - щ - ё)

знаете ли?..

Очень трудно поймать мысль до письма,
т.е. её – мысли буквенно-графическое обозначение.

Вот рисуешь (к примеру) рисунок-абрис

т.е. «гнилой абрикос» той мысли,

внешне вкусной-оранжевой-орально желанной,
а внутри... «брр-её»...

и ужасаешься, сколь трудно проникнуть сквозь
плёнку-плевру в нутро «Е – Ё».

А сколько потеряно смысла до написания
букво-знака графически точной мысли,
пока не достанешь из черепа «ёё»?

На лунной дорожке

тонко-стонно слышался голос:

- Лунь я,

белый полуночный лунь...

Одиноко летать мне над снегом

морозно и мерзко, непевно... (т.е. не поется)

Луна – невеста моя далеко.

Ох, далеко-высоко, не достать...

Разлучили нас – луния и луну,

и летаю, и ухаю я от тоски,

среди ночи,

белый лунь, безутешный, влюбленный...

...От снега до звезд

на сиреновом льду,

во вселенской зиме

от земли и до неба

голос – жалоба снова и снова

виделся-слышался мне:

- Лунь я, лунный жених.

Тошно мне одному,

темно и тоскливо в белых лесах,
без невесты – луны.

Стелет она в полнолуние
дорожку к себе,
а не подняться мне, не взлететь...

Проклял меня брат серебристый,
линь речной, донный завистник,
и над тинами плывя-пролетая,
проклиная немотно:

- Это я, а не ты ей жених:
видишь, серебрист, как луна,
и дорожку она стелет свою по **воде**,
и свет изливает мне, не тебе,
брат мой разбойный,
несыть крылатая.

Ишь, хотел отобрать у меня
луну тихосветную,
любовь мою неборечную,
безмолвницу, свет-луну-любушку...

...А луна, что катилась высоко-далеко,
до снегопада и падения звезд,
на дорожку свою, по свету-лучу,
голос свой незвучный пустила:

- Ах, луна я, луна лунопрямая,
и невеста луня, лономудрая-чистая.
Лунь-лунатик, возлюбленный мой!

Отчего-почему мы не вместе?

Я в сиреневых льдах,
ты во мрачном лесу,
а слезы мои станут снегом к зиме,
и дорожку мою зарядил линь речной,
братец твой донный, завистник **немотный**...

- Да, други. Видел и я ту дорожку
от звезд до земли, слушал-видел
голос, уханье, плеск...

Луна, лунь и невидимый линь.

И мне одиноко, и звезда никак не слетит на ладонь.

А тихо-то как... И будто будет день – ведро.

Что? Продолжим беседу? Итак, знаете ли, в периоды эрозии сердца надо смело браться за прозу и оставить эпiku души (т.е. поэзию) в стороне. Если душа не живет среди зноя, то и в сухостойное лето не дождешься дождя, так что лучше скрести простые слова об обычном и потеть согласно законам жары. Но все же, знаете ли? Лучше я повторяюсь, т.е. вновь теряюсь в рае моих чувств, хотя ныне я в круге несчастном блуждаю и рычу от избытка жара в крови. Надеюсь, поймете нелинейную логику самоодерниста и психа. В общем, просто: если живешь «еле-еле», то и «ё» не поможет. Хотите, признаюсь? Под мои еле-еле «чуть-чуть» «Е-60», а может и «Ё-60» я влюбился «под дых». Хорошо, что «под», а сие над буквой в виде «¨» горизонтального двоеточия не поставишь, как то водится в грамотно-пространственных странствиях пера по бумаге, и без «Е – Ё» исчезнет Таинство Письма по наитию. Зачем писать, если даже себе не ответишь, как ветка без ветра не передаст послание-письмо корней вольным листьям? Как иносказать дуновение мысли словам и абрису букв? На то и есть Таинство, то бишь отсутствие или надлежание «¨» над «Е». «Е» и «Ё»... Обожаю «Её»! Скучаю «под», скучаю «над», скучаю без сих неграмматических бездн...

Если с луны холодный исходит свет,
значит: где-то не вовремя начался снег...

Не позёмный. Небесный.

И на нас, стало быть, сойдут не бесы –
ангелы во снеге и звездах к нам снизойдут,
и мы сможем спокойно уснуть,
помня наутро все свои сны наизусть.

А всех ли спасут, ко всем ли сойдут?
То дело для нас обочное и обычное.
Так ли? Им виднее, крылатым...
А крылья их?..
Мягкие белые латы,
оковы души.
Бедный рыцарь...

...Опоздал родиться всего на секунду. На чужую карту дорог ступил. Придется ехать медленно... Вторые пути, тупики, полустанки... Зато видишь больше, чем если бы ехал быстро и без остановок. Потом, обязательно, ошибется стрелочник и, наконец, выйдешь на свой путь... А пока тишина, солнце сбоку и корова на лугу смотрит ласково. Полустанок...

Ай-вай, Лучистая!
Зачем во мне танцуешь ты,
коль создана для бренности поэзий?
Ведь ныне даже всем
известные цветы
в самих себя извергнуты,
как мысли чистые,
а тленность слов воистину
подобна тленности соцветий.
Но только ветиветрия –
особая трава,
такая пряная-упругая-прямая
могла бы выдержать
поток ветров и послеветрий,
которым лишь она сама,
такая дикая и гибкая приманка.
Давно я разлучился с полынной
моей родной неверною травой
и вновь закрылся от порывов
простого чувства полыньей.

Ты знаешь, бывает так в апреле
у нас в степях – ударит снег,
потом река, что половодием взопрела,
покроется вновь коркой льда.
И вот туда,
в прорань воды
наступит и утонет человек...
Увы...
А человек другой, с пригорка,
с улыбкой полугорькой
скажет: - Какой дурак, сей Дюсенбек...
Был создан для поэзии, но танцевал,
затем влюбился в Деву,
которая не с ним пошла на бал.
Как жаль, что жил-любил
в такие веки-ветиветрия
и сам себя себе же объяснял
своей поэзией.
Как жаль. Оттанцевал...

Вот. Опять чуть не забыл. Для чего Кто или Некто ищет в другом Нечто ущербное: косоглазие, косоумие и всякое такое косое-косное? Попробуйте искать или видеть прямо противоположное, но в найденном, уверяю, не увидите даже косвенного сходства со своим «идеалом», кроме признаков прямохождения, и значит узнаете себя, как человека обычного со своими отклонениями от заявленной нормы. Смотрите прямо, не отводя взгляда, ищите не изъян, а изящество «особенного» и «приязненного», пока объект порицания или постижения не дал «косяка», т.е. умер. Не нравится «Ё», поставьте «Е», не хочется «под», поднимитесь «над». А? Хорошо... (Х-х-а-р-р-а-ш-щ-о-о).

Город мой перестали любить
в нем живущие:
стало быть, и меня любить перестали...
Ныне здесь модно деньги удить,
а не по-старому, честно рыбалить,
терпеливо приваживая прибавку к **добр**у.
Так в чем же ты, сущее?
Город-то наш зачем обрекать
на нелюбовь городами другими?
Помните, откуда и как начиналась река
со своими берегами и струями...
Представьте меня и себя рыбой,
бьющейся на берегу?... А-а?
Град мой – молчаливый умница,
на заре нам сердцем алеет...
Граждане – горожане добрые!
Осыпайте град свой рубинами:
крыши домов, тротуары и улицы,
парки, переулки и аллеи
в тенистых и тихих скверах,
и тогда... верю!..
Не судьба ему «вавилонья»,
а иная – полная чаша.
Утоляйте жажду скорых итогов
самоиронией
и повторяйте чаще
молитвы свои, как обереги:
поквартальные, подомные,
чтобы из сердца текли, как реки,
истечением сакрального
по каждому из населяющих...
Почувствуйте вкус меж «Ш» и «Щ»
прямо – «щас».
И живите, не тщась...
Вот откуда, видимо, счастье?

Мой город – огромный собор!
Все в нем живущие
и пребывающие,
ищите свою общность и разность,
ищите Сущее –
и Радость
быть горожанином Града
возлюбленного Рекой
и Горами.
Аминь!

...Кажется, други, и меня полюбили в ветку-ответку от корня-ствола. Знаете ли, как трудно поверить в «Сие», а паче того рассказать о не-Сие-минутном?.. Кого били в нос и «в кровь из носа», тот поймет. Хотя сия сентенция «се-ля-ви» тривиальна. Особенно, когда до тебя о том поминали великие, писавшие о трагическом Сие-бытии в их судьбе. Не о том речь... Что-бы о любви моей последней – обветренной (кажись, ответной) – шалой и ветреной (как если бы на моем месте был Вертер) помнилось, желательно оберечь ее, как «последний лист» моей осени.

Ах, мама! Зачем родила ты меня и отчего не задущен я был своей и твоей пуповиной? Видишь, я почти ровесник тебе и все же ребенок перед любовью. Все! Оторвался... Прощай тяготенье. Я в космосе любви. И отсюда... Возлюбленная... прекрасна, как земля для глаз астронавта любви.... Про сценарий возвращенья забыл. Невесом и счастлив.

Не меня. Хоть кого-нибудь жди:
это все, по-трезвому, просто.
Напрягайся тысячью жил...
Ожидание – промысел кротких.

Если рушится что, вновь возведем
и простим земле сотрясения:
дом на сваях, улиточный дом –
это только иные растения.

Все опять прорастет из беды
и станет спокойным лесом надежды:
ты только отчаянья, друг, избеги
и обопрись в дни крушений на нежность.

Любовь – голубое межзвездное чудо.
Дом, как дом. И другого – не будет.

Знаете, иногда просто злишься, если глубинную ширь океана заполняет аммиачный выброс донного вулкана, или сияющую ширь меж водой и небом пятнает сине-черная туча, которая сумела просочиться сквозь некую щель в такие безупречные и совершенные сферы... поневоле подумаешь о семантической и знаковой разнице меж «ш» и «щ», хотя их обеих смягчает буква «ь», но вместе с тем принимаешь во внимание и непростое наличие, т.е. вмешательство «ъ», когда хочешь сесть и отдохнуть, али подумать (сами знаете, на чем и где?), то тебя намерены съесть злые сомнения о смысле высокого... и витийствуя таковым образом между «сесть», а потом опять что-нибудь «съесть», поневоле переберешься на поля борений «и» с «й», и остается только ставить кавычки там, где их быть не должно... И как тут быть?.. Вот всегда так: хочется краткое «й», а получается длинное «и»...

Между тем: самого себя не убий,
себя и других не ешь,
без причин, не поднимайся из глубин,
если ты не ёрш и не ёж...

По силам не ширься,
не щерься,
не щурься,
а попросту будь, как есть,
а не то некто, шутя,
тебя съест!..
Неясно, почему здесь знак восклицания?
Отвечают:
- Потому, как нет вопрошания...
И-й-й-и-ш-щ-ъ-ь...

Опять потерял перчатку и зонт. Такое обычно случается в конце весны. Досаду молнией перечеркнула следующая ассоциация... Золушка теряет туфельку. Принц ищет туфельку и Золушку. Наконец, находит. Подходящую ножку, т.е. Золушку. Что случилось с теми туфельками? Наверно, купили новые... А вот инфузория-туфелька хороша тем, что делится надвое. Она влюбилась и поделилась, и снова стало две туфельки... Инфузории... Здесь нет Золушки, но кроется другая история. Например: кто найдет мою перчатку, а затем и меня? Некорректно. Ибо подразумевается женщина, что ищет меня – ротозея. Мужчина должен не терять, а бросать перчатку. К тому же я еще потерял и зонт. А его кто вернет, чтобы я больше не мок под дождем? История, т.е. сказка не клеится. Здесь нужен другой талант. Талант сказочника. Попробуйте сочинить для меня... Сказку о Той, кто ищет меня – потерянного...

По-над степью, в зените-зное,
висел-пел жаворонок:
и так, знаете ли, жалобно,
что стало жаль его
до злости
(вот, что пел):

- Где ты, жаба моя,
изумрудница-умница,
любовь моя жаворонковая?..
Что ж ты мокнешь-мыкаешься
во болоте своем тинном, хлюпающем,
а не выйдешь-вылетишь
к твоему суженому,
любви твоей, жаждущему,
одинокому жаворонку?
...Из-под кочки тяжкой-грязной
выплывала-квакала жаба,
красавица глазастая-пупыристая,
щечки-горлышко надувала-рыдала
бедная кваква
(вот, что рыдала):
- Ах, жаворонок-летёнок,
жених мой желанный-песенный,
люблю тебя до печени,
до защечных плёнок.
Да охоч на меня уж-глотун,
зовет меня в морок-мокроту тин,
и пугает меня цыганкой-цаплей,
дескать, окаянная цапнет меня,
если к тебе полечу...
...А жаворонок-жених вновь повивался,
падал вниз, пел-убивался
по невестушке-квакке,
что в тинах болотных, среди осоки
слыла редкостной, изумрудной особой
(пел такое):
- Жаба, жар-птица моя,
ненаглядная кваква,
я спою тебе клятву:
люблю тебя до смерти,
но летает тут несыть-лунь,
укогтить меня хочет он,

а мне лишь допеть бы
песню-клятву мою...
(вот о чем):
- Не верь никому!
Ты совсем не рептилия,
а редкая лилия,
изумрудная-изумительная
на болоте чужом!
Клянусь тебе в том.
Да и пусть настигнет лунь,
но пою-вьюсь над тобой,
твой несчастный птичь – вьюн!..
...А жабу-невесту уж
тащил в себя глотун-уж,
и слышалось долго-жалобно
(вот так):
- Прощай, милый жаворонок,
ухожу в перегной,
а ты улетай в перец-зной,
и знай-знай:
стану тенью вечной твоей,
синий мой соловей...
...И тихо стало...
Свет мерк-измеркал,
и на жаворонка
уж лунь-смерть налетал.
Уж-глотун, да смерть-лунь...
Эх, рептилии окаянные...
Е-ё-и-й-ш-щ-ь-ъ...

30.08.05

СКАЗЫ ВЕЧНОГО СУРКА

поэма корней

*Внуку моему
Ване ~~Фадееву~~ посвящаю*

Мой предок – прелесть.
Он – аруах.
Т.е. дух.
Его топрак – т.е. прах –
моя святыня.
Ему земля теперь
и небеса,
как пух...
Все дело это – на костях.
Священных. Черно-белых.
У нас все так
(я о казахах)...
О том пропел - сказал
Сурок:
– Кара-суек и Ак-суек.
Я роюсь там.
(Он так сказал.)
Все ваши кости там целы.
И одинаково желто-белы.
Я возопил:
– Что черных нет?
– Желто-белы.

А ты, что черт?
Не знаешь разве?
– Все говорят...
(то я).
– Отстань.
Опять Сурок
ведет земной урок:
– Я б так сказал.
Пошел в Казань.
Иль к небесам.
А может дальше...
Сук, сук.
Все это – кости...
А я – Сурок.
И был всех аруахов раньше.
Я знаю, как сладок прах.
И дело не в костях...
В корнях...

* * *

– Привет, Тамыр!
воскликнул хан Кончак.
– А, Корень. Брат!
ответствовал князь Игорь...
И обнялись два кореша.
Подняли пыль...
Топрак и прах.
Устроили там пир...
– Я сам там был.
сказал – пропел Сурок.
Тогда то было – былъ.
Теперь – былина...

Давно истлела пуповина,
а братья –
Кончак и Игорь, живы.
О них поют.
И говорят.
Все это в «Слове...»
– Что скажешь тут?
свистит Сурок:
– Ты правнук их.
Т.е. пра-пра-пра...
Сейчас чихну.
И чти их прах – топрак.
А кости ни к чему.
Чхи-чхи!..
И эхом чих во мне:
Чти, чти...
Т.е. почитай.
Затем читай.
Потом пиши.
А написавши – перечитай.
Затем отдай
читать и чтить другому.
А сам возьми котомку,
и снова в путь.
В века.
Таков закон Сурка...

* * *

Один из предков –
тоже прелесть.
Стал деревом.
Его прозвали – Байтерек!
Отец дерев.

И он, единожды, изрек:
— Деревья все мне дети.
Из меня. Моих корней.
Когда весна — я ель.
Тяньшанская айель.
Когда зима — береза.
Белая.
Пусть деревянная, но роза.
Вся в снегах
Или слезах...
Пусть плачет.
Зато не тает снег...
Он помнит
большого сына моего
с трезвучным именем.
А имя — дуб.
Секут его, секут,
но корень извести не могут..
Я про разъезд,
который Дубосеково,
что под Москвой...
Три тысячи секвой
там вырастут
и до небес поднимут прах
героев — панфиловцев моих
Что плачешь?
Смотри, как зелена береза.
Вся росная
Не дерево, а роза...
Умолк, печалась,
Байтерек

* * *

Зато поет Сурок: .
– Мы понесли урон,
т.е. сами уронили
былое время...
Но вновь, поставив в **стремя**,
не сапог, а волю,
скачем в новый век...
Побережем, почтим,
не на скаку,
а в сердце –
Траву!..
Начало наших вер!
О, страсть укорененья!
Как ни топчи траву,
она опять растет
и тянет нас в весну.
А всей Травы не сосчитать,
она умеет сочетать
и кровь, и корни...
Вот потому она – огнеупорна,
упрямо зелена,
и ею красится земля
пред синим женихом.
За холмом – холм,
за полем – степь...
И всюду – свет
святой Травы
Иду на Вы,
и на Любовь,
иду к корням –
так пел Сурок,
и светел был
его подтравный **храм**.

* * *

Сурок допел и проворчал:
– Ах, да! Про реки я забыл.
Едиль – Жаик.
Урал и Волга...
Вспомнил и плакал долго,
впал с горя в ик...оту.
Понятно и коту
его волнение...
Упал с высот былины
в быль.
Поникло знамя – ту...
Есть сила у Сурка:
он может вспять
заставить течь
Века
и Речь...
Он перенес меня в тот День,
когда усталый Пушкин
забрел в степную пушу,
вгляделся в даль...
Навстречу - Даль.
Окликнул он его,
верней, орал,
перекричал
и Волгу и Урал:
– Казахи где?
– Да тут.
(то Даль).
– А казаки?
(то Пушкин.)
И Даль ему
ответствовал, крича:
– Они себя никак не разберут.
Переходи, переплыви... -

Сплылись, сошлись.
Грудь в грудь.
Поэт черняв,
Слов Собиратель бел,
а третий, в малахае,
просто пел:
– Ахау, тамыры!
Корневые!
Спасибо, что пришли – приплыли.
Пойдем, тут рядом дом.
Присядем и споем...
И сели тамыры.
И пели...
Как боги.
Несуэто...
Тот день продолжался
так долго,
как – будто стоял, как **Трава**.
Сурок говорит, не молва:
– Тогда я вышел.
Из спячки на свет.
– Кто был в малахае?
(То я).
– Махамбет! –
пропел Сурок мне в ответ.
И еще рассказал...
Даль Пушкину речет:
– Милостивый государь.
Чуден язык казахов...
Телега, арба.
Теньге да деньга...
А рыба – балык.
– Понятный язык.
(то Пушкин)
А у меня? Царь – **Салтан**,
да сын – Гвидон.

Мать – Лебедь.
Эк, удивил.
Вишь, степь бела,
как два крыла.
И Махамбет - казах.
Крылат и бел.
А домбра – поющий лебедь...
Накрыли новый дастархан.
И снова пели:
– Достар-кан...
Т.е. кровь одна.
Она дружна,
а сердце – храм.
Единожды едины.
Кумыс – напиток белый.
И белокрылый лебедь.
Белым бело.
Одно гнездо...
Затем разъехались.
Один в телегу,
а другой в седло.
– Да, повезло с гостями:
подумал Махамбет и,
взяв перо
лебяжье,
присел писать
арабской вязью
казахское письмо...
И далеко еще до Черной речки...

* * *

«Ребенка нельзя обижать..
... Одной слезы ребенка...»
То Чоканов друг и
дос по-евский,
то-бишь Достоевский.
Т.е. брат по матери –
Единой Евы.
Так писал тамыру
и адаму - человеку:
«...Я пишу загадки...
Не... разгадывать ...»
Табу.
Что было дальше?..
Не разгадать
на горошках - кумалаках,¹
но слеза ребенка
и ныне сквозь планету
течет-проходит,
как река – нейтрино,
а мы еще нейтральны
к таким посланиям вселенной...
– Про то я знаю. –
прошептал Сурок,
потом затих – умолк,
печалась.
О ребенках – сурочатах...
О сиротах...
О скотстве
взрослых думал...
Проворчал:
– Над всеми божий нимб...
Ему видней,
и пусть заботится о них...

* * *

Ахау, Сурок.
Вчера у нас сгорел орман.
Т.е. лес...
В Баян-ауле. Почти-что весь...
У-у-у!
Такая вот дурная весть.
Проплакал ночь...
Что может тут помочь?
Сурок в ответ мне молвил:
— Остынь.
У нас Баян-аул.
В Москве «Норд-ост».
Природа, люди...
Беда всегда
найдет свою мишень,
а человек в печали прост
и чист, как пепел...
Но чем больней и больше **совесть**,
тем меньше зло и месть.
Пусть плачет сердце;
из этих слез растет добро
и множится на свете...
Я много видел за века,
но, все-таки, не знаю,
как от огня и пуль
спасти Земной Аул...
Не знаю...
Беззвучен плач Сурка:
Баян-аул. Норд-ост...
И без ответа, неутешный,
сиротой поник вопрос.

* * *

«Кучеряво живешь,
курчавый Дудар. -
(то некие).
— Красивый, влюбленный
в девчонку — казачку.
Такому бы сразу,
да в рай».
И убили.
Гниды.
За любовь!
А Мария Жагор-кызы
ушла за бугор,
т.е. в степь,
и долго седея,
все пела любимому;
единородимому:
... За что? Дударай?
Кудрявый мой.
*«Дударайым — дудым.
Бір сен ушын тудым. .»*
поет Сурок,
весь в думах.

* * *

И вспомнился **Мади...**
Как он поет.
Как Саади.
А может лучше:
...Эй, что смотришь?
Гвоздем порежь
два глаза мне,

или стрелу
воткни мне в уши,
но только без души
не трогай девочки-домбры.¹
И о любви не пой,
пока два океана слез
не выплакал, влюбясь...
И ваш компьютер нотный
врет, а вы играете
на клавиатуре фальши.
Там сердца нет,
как у моей домбры.
Я расскажу, как пел
твой пращур...
Он мамонта убив,
сам плачет,
глаза себе скребет,
потом берет свой лук,
и по тетиве
стрелой кровавой водит
и поет...
Не трогай глаз моих,
а лучше вырви сердце,
и в эту рану помести домбру.
И вновь я оживу.
Смотри! В крови, слезах,
ломая лук, сминая тетиву,
о смерти и любви пою...
Бери домбру
и пробуй...»

* * *

Сурок сегодня не поет.
Озвучивает песню.

Нет, не Сурок,
а микрофон
у мордочки Сурка.
Но это фон –
малюсенький и «микро»,
а наша жизнь – «макро».
На века.
Как Альма – Матер.
По божьим правилам – правам,
однажды, станет
песней радости
веков протяжный стон...
Чините микрофон.

* * *

Я отлучен, мой внук, Иван,
Не от тебя...
Напомню присказку – вопрос:
«Куда?»- «На гору кудыкину...»
Верю теперь,
что был я с тобою всегда,
но сокрушаюсь что...
Княже Игорь
не вошел во славе во Киев,
«ко святой Богородице Пирогощей.»
Помешал, видно,
поганный Кошей.
Как знать, где кровь
прорастает отцова?
Нам зачатий своих
не внять темный смысл.
О братие,
*«... не веселое время настало
для внуков Дажьбога...»*

И пророчеств своих
не оставил
нам князь Осмомысл...
Я дедую,
бреду по дороге,
и стихи мои - мне оковы.
А вещий Боян все поет
свое «Слово...»
Не разлучиться бы,
братие,
под красной *Каялою* –
рекой *окаянною*,
и без славы уйти
в тьму тараканью.

* * *

Ах, эта жизнь?
Как «А»
и «Б»,
и снова «А»,
«Й» - краткое
так неожиданно,
в конце...
А мой АБАЙ –
в двойном кольце
веков –
все тянет нас
натужно:
на Любовь,
Согласие
и Дружбу,
чтобы судьбы своей
венчальное кольцо
мы берегли,

как берегут
зеницу Ока.
И держат Слово Чести
и Отечеств!
Вместе!

* * *

Сурок сегодня весел.
Он спросил:
– Ты все еще танцуешь?
– Да! – отвечаю. – Сердцем.
Вот послушай...

Уланова. Уланова!
Танцующий ангел света.
Света ангел танцующий,
соединяющий век с веком.
Прошрое наше и будущее.
Уланова. Уланова!!
Ангел мира и света.
Света чистого ангел.
Ваша сцена – сердце,
от любви и печали – алое.
Уланова. Уланова!!!
Ангел мира и света.
Светлый ангел мира.
Мира иного и этого
земного живого мига.
Уланова. Уланова!!!!
Ангел божьего света.
Света божьего ангел.
Вам полюбились степи!
Степь запомнила Танец!
Навеки.
От света до света.
Уланова! Уланова!! Уланова!!!

* * *

Тишайший мой Сурок
сейчас суров.
И роет землю.
Хоть не Суворов,
но под землей
проходит Альпы.
Как любовь и мысль.
Он, словно Алпамыс.
Герой. Батыр. Тамыр.
Он роет и опять поет...

* * *

На рассвете,
омытые росами,
шепчут травы степные с березами.
Здесь от века
друг другу распахнуты
земли русские, степи казахские.
Поле русское,
поле ковыльное:
поле нашей души неделимое.
От единой земли,
колос к колосу,
поднялись мы до звездного космоса.
Наши зори
на небе сливаются.
Наши травы
корнями сплетаются.
И одними ветрами овеяны –
И Россия!
И мой Казахстан!

* * *

А все-таки тревожно,
да так, что кости мозжит,
все слышу, как стучат:
– Кло, кло, кло, кло...
Те кости.
Кара-суек и ак-суек...
Опять ворчит Сурок,
врываясь в землю:
– Забыли все.
Вот, кстати, цифру «7».
Семь раз отмерь.
И говори, но семь-речь.
Умножь на семь.
Осеменись хоть раз.
Стань лебедем-Ак Каз.
Потом уйди к корням,
стань родственен костям.
Ну, я пошел.
Дел много там. В земле.
А вы? Не ссорьтесь. На земле.
Затейте моду.
На траву. На поле. На росу.
А я сурчат, пожалуй, нарожу.
Я Сурка обнимаю,
шепчу-провожаю:
– Прощай, до Дня,
Сурок.
И землю рой.
А я запомню твой урок.

01.12.2003

ПЕНИЕ СИРЕНИ

поэма апреля

Растворенье...
Сокращенье расстоянья
от сирени до меня...
Растроенье...
На сирень, на цвет, на запах...
Настроенье...
С ноты «до»
на большую гамму жизни,
помнить, кем ты был
безмолвно зачат.
Не замыслить укоризны.
Никому...
Пусть сирени корень крив,
ветвист и темен,
пусть в земле,
но он летает...
Земь его — другое небо,
а сирень — ладони корня:
обнимают, гладят, моют...

Запах — око,
цвет — слова...
Я не сетую до ночи,
но воочью,
вдруг проснулся для беседы
вот такой, простой, безмолвной...
Горе где мое теперь?
Все в сирени,
в синем пеньи
о простом секрете жить...
Расставанье — сокращенье,
возвращение к себе.
Не печальтесь, расставайтесь,
растворяясь, как по небу
цвет сирени...
О-о-о!!

* * *

Кажется, в сердце моем
опять поселилась
веселая чистая птица — **любовь**.
Но сегодня ей грустно:
видит она,
как алая клетка сердца
сжимается,
а хозяин смотрит в окно.
Там зима,
и песням любви
сейчас неуютно.
Вот и молчим —
веселая птица и я,
а сердце сжимается.

* * *

Хотел бы, хотел
твоего ко мне соучастья,
но знаю:
ты из вселенной другой,
звезда моя милая.
Иного огня твое детство
и орбиты далекой
не достанешь рукой,
но если
есть планет притяжение
и сердце звезд
моему родственно сердцу,
то теперь –
твоего круговращения
вовлеченная часть я,
и душа звучит по-иному,
«мугамно»,
и странно мне, странно,
что и мысль моя,
как звезды твоей свет –
моногамна...
Знай и ты:
моё «я»
полным не будет отныне,
без твоего имени,
звезда моя милая.

* * *

Маргарита,
где твой Мастер,
абсолютно волчьей масти,
если ты ему Мадонна
Рафаэлевой легкой кисти?

В миллионности соитий
разных женщин и мужчин,
сотворите, повторите
все спирали развития,
изначалие причин.
Есть же дева - Ева,
и Адам — мужчина
для задумчивого сына
или дочки,
без абстракций -
инкарнаций,
в средоточиях любви.
Или все же —
без банальных объяснений,
в сонме множества творений,
в простоте мужчин и женщин,
разных тварей многополых,
инфузорий и бактерий
обреченно мечет жизнь
в хаос — лоно - времена
семена,
которым имя - Нежность!

* * *

В блиц-кадре картины. Синие...
Женщина мнет
мягкие глины Ассирии
для кувшинов
и для таблиц.
Сердце ее орет,
а горлом она выывает
круглую песню тоски...
Вспышка-блиц...

Тихо гудит саксофон
 плеску желтой реки в унисон
 а глиняный человек
 ей сотворяет медный фон
 из любви и заката.
 Звуки плывут,
 как лады.
 С веками прощается фараон.
 И с людьми...
 Сфинкс молчит,
 храня тайны добра и зла,
 как осколки разбитых таблиц.
 Еще одна вспышка-блиц...
 Я снова в своей квартире
 продолжаю тревожиться с миром
 о нашем истечении по реке "X",
 пока молчит сфинкс.

* * *

Все еще бьется сердце – форель
 в реберно- затхлом своем закутке,
 а не в полноводной кипящей реке,
 давно обмелевшей в своем далеке.
 Пурпурная эта форель
 из великой древней стремнины,
 над которой горит в серебре
 голубая тяньшаньская ель
 в небесно земной своей середине.
 О, как же любило
 мое сердце – форель,
 однажды, в сирень одетый апрель
 и слушало дикую-длинную трель
 соловья на рассвете
 под малиновый треск
 обалдевшего дятла,
 на высокой тональной вершине.

И как же бездонно
было влюбленно
то форельное сердце мое!
И спасибо за то тебе,
сердце – форель.
Но отчего никто
не хочет поймать
эту форель на стремнине
и прервать мое быстрое плаванье
в алых потоках любви?
Не плыви, не лови.
О- е!..

* * *

Я только что из сна...
а там печаль и бедство,
туман и сырость, болота - миражи ...
Так вот: я там бреду
с попутчиком престранным
и брежу вместе с ним
о севере без снега,
о пляжах без цунами,
о водке с закускою и без...
Средь нас твориться песнь
под ритм домбры - виолы,
верней, она сочится,
как кровь из мездры - кожи
забитой на поминки овечки молодой...
все спуталось - слилось ...
мои – его слова и «сэз».
катились из гортани,
крупней и горше слез,
густея, становились
пахучим «жыром» - сыром...

Его мы ели ушами и душой
и наслаждались вкусом,
в котором ощущалась
такая жаль и сирость,
что истончались годы
на дни и на мгновенья,
из жил сплетались руны
и прожигали камень
и оставляли смыслы -
полярное сиянье
для будущих «сере»-
поэтов – пилигримов,
идуших средь беды,
в печалях и тумане,
в еще грядущих снах
о снах уже прожитых,
коль выпала им участь
до яви пробужденья,
как женщине при родах,
в агониях любви,
произнести иль крикнуть
из немоты бессониц
субстанцию из слез,
ребенка миражей -
Поэзию Надежд...

Бредно-хмельный апрель,
возвышенно-синий,
вишневый и снежный!
Троекратно выведу трель,
покачусь по веткам осинным
и в стволе смолой янтарно застыну...

В трёх главах –
 рожденья, жизни и смерти,
 униженно-чёрный,
 избегу окончания – серый,
но допишу апрельскую книгу,
 на три строчки и в одно троеточие,
 и в конце – безголосо, но **крикну**:
– Я люблю этот день средоточий,
где травы прели,
 пьяные пели,
 а я сирий и **пегий**
стал зелёным конём
и вписался в акварельный апрель.
Как в картину...

Веришь,
я часто кого-то **молча** прошу:
– Помоги.
Если у руки, у ноги,
в локте, колене есть сгиб,
то это тоже движение-жест:
– Помоги.
Как-то в аквариуме
увидел карлика-сомика
и в глазах его угадал:
– Помоги.
И в алом атриуме
сердца комика,
смеясь, принял радар,
рыданье – сигнал.
– Помоги.
От скуки, в музее,
зевно - зевая,
т.е. ротозея,

в муляж динозавра
воззрившись, услышал:
– Брат, помоги.
Березовы почки,
соком пропустив через почки.
сам себе прошептал:
– Помоги.
Но вот ведь беда:
в себе не вижу ни зги,
но слышу, лепечет
травя-лебедя:
– Помоги.
Да, помогу, как смогу,
хоть и сам антилопа я. Гну.
И от тигра бегу,
но все же мычу, как дышу:
– И тебе, коль спасусь,
брат тигр, я помогу
Г-г-у-у!
А это, брат – ветер

* * *

Видать,
по непогоде лет
мое хождение в любовь
уже, как детство, невозможно
и янтарной каплей воска
ничья слеза мою ладонь
не обожжет, наверно, больше...
Наверно, нет...
Как и прогулки давние в мечту
не повторятся среди ночи,
и с кем делить теперь мне маету
исканья троп средь многоточий,

и в чаще слов искать просвет
никто со мною не захочет.
Как видно, нет...
Все уже мой просвет,
в моем корвете мало места
(корабль мой всего в ладонь),
а в океане стало много мелей
и все виднее окоем,
что в просторечье —
смертный берег...

Но я плыву упрямо,
и в непогоде лет
ищу последний остров мой —
любовь в ладонь
в тумане-океане...
И кто посмеет мне сказать,
что острова такого нет.

* * *

Хорошо ни о чем не знать...
если бабочка узнает
как ей легко крыломашется
а тем более о природе узоров на **крыльях**
то упадет бедняжка
и ударится в землю некрасиво..
видать и слону станет неважно
знание о тоннах своего веса
да и жираф удавится
на тонкой шее своей
прознав что его лучшая часть
похожа на простого удава
коему невозможно постичь
вкус ажурных листьев зонтичной **акации**
как и акации не дано понять

мысли дикаря созерцающего закат
 под ее невесомо- летящей кроной
 и уже совсем кощунственно
 дать знание дождю
 о природе его благого падения
 и возможно даже горы испарятся
 при мысли об их тяжком гнете
 на сердце земли
 и расступятся воды и вспять потекут
 прознав об участии русла
 хранящего их теченье
 будто игривую тайну
 смотрящей в струение девы...
 а все потому –
 что гравитация грациозна,
 как танец в середине вселенной!
 Ооу-ва!
 Грация гравитации.
 Невесомость души.

...ою-ю-ю... гималайка моя...высоко... на снегу...в
 синеве... у дома ветра и неба...ю-ю...гималайка!...а я
 здесь... внизу... не докричусь... не дойду не взлечу...ую-
 у-уу...пущу змея воздушного к тебе... не из бумаги...из
 выдоха легких... не конструкцию нет... полетит а нити
 нет... удержать и вернуть... змей- состояние выдоха...
 во... ю-ю... не огляжу что внутри... глаза закатил на
 вершины... ты высоко гималайка... там иное...там
 ты...легкая чистая... облака и снега... а мне тут - лишь
 шагать-ползти... помечтать снизу- вверх...йи-ю-чью...
 ноги мои походили-потанцевали... стареют... крылья
 не выросли... до сих пор они в мечте как в ножнах
 мечи...уу-и-е... нет высокого смысла...так себе... серо-
 та... туда –сюда еще осталось походить по инерции...
 угу... пусть себе шаркают- дорабатывают поземную
 жизнь... а-а их делали долго...миллионолетия проб

чтоб не висела так низко а стояла-высилась гордо и в зад себе не могла заглянуть голова... эй-яя-оу...гималайка моя отзовись...видишь, мысли поземно летают – стелются-ползут... к непогоде поди али к смерти...а-ани...да не крачка же я на камнях?... по рождению я Птичь твой высокий занебесный суженый твой... а вот как случилось... не долететь... яйца в камнях высиживать надо... не то в гнездах останутся окаменеют не станут птенцами умрут до рожденья...снег мне мешает лететь... я пингвин седой и бескрылый...гг-аа-гуу... мир вокруг – большая зима... карикатура ледяная на дождь... и на бога птичьего моего синего...оу-юю... вон от кромки льда поплыли-полетели киты и дельфины к водным вершинам своим... вглубь Марианской впадины...хорошо им...иии...а мне в Гималаи мои нельзя где судьба гималайка моя...о-ю-ю...круглые-пустые-полые звуки...ветер обмяк молчит... пространство...оо-ю-оо...домечтаю тебя гималайка моя...

У темного омута есть тайная сущность,
назначение темное от природы-праматери,
чтоб понимали мы светлые кущи
белой ивы над омутом
и листьев ее тягучую матовость.
Длинные-донные воды уверения,
однажды сравнятся с пребыванием **нашим**
кратким на берегу,
где свежи еще слезы и откровения,
и мысль о том, что жить надо бережно.
О, дивная-давняя дева,
утопшая в омуте
ради чистой любви,
не желавшая жить с нелюбым.
Разве ты знала, бедняжка,
как плачут ивы по белому облаку,

не ставшим дождем и не пролившем
влагу небесную травам земным...
Ивы над омутом плачут
слезами листвы
над утопленницей-невестою омута.

* * *

Обычный мой кошмар
 прервался без отмычки,
незапертая дверь
 похожа на привычку:
душа – открытый дом,
 а дверь лоскут - кошма,
и мысли- молоко
 для «цезаря из римов».
Испейте на пиру
 кобыльное вино,
возможно, опьянитесь
 печалью пилигримов,
что в мудрость удалились
 уже давным давно...
А ты, моя печаль,
 степная Афродита,
постой, не уходи
 в ковыль, туман и даль,
не оставляй меня
 под грузом слов и литер,
не ставь меж глаз моих
 свинцовую печать,
мне стал невыносим
 рассвет из слез и ветра,
прогулки в никуда,
 сиротство в стиле «ретро»...

В обычный мой кошмар
 пришел Сергей Есенин.
Поэт навеселе
 и осененно-нежен,
а с ним его подруга –
 застенчивая осень.
Над нею невесом
 небесно-синий шар...

* * *

Свет в полночи,
будто молния в глаз,
враз,
и в районах вокруг
на земле
вдруг погас.
Ослепительно...
Я ослеп
и мрак стал иным воплощением
света
(то случилось в начале века
и свет был лампочный
веерное, как говорится ныне, отключение)
Но я то, будто попал
в склеп,
в странный такой,
где стоят мумии
предков моих,
в одеждах своих эпох
и смотрят просто,
как если бы я смотрел
на себя в зеркало
перед обрядом бритья.
А сейчас темнота...

Руку правую освобождаю
от бритвы для дела письмописания
вслепую, наощупь и наизусть,
вижу абрисы букв и смысла.
Глаз осязателен
для внутреннего зрения-прозрения.
Я рею во тьме и пишу.

* * *

...наши судьбы темны...и в тумане,
иль где-то в бренном океане,
голоса ветров на звуки распадаются и глоссы,
но каково, скажите, остатней древней игуане
жить в одиночестве на островах галапагосских?
А в городе?
В его бензинно-диком пьянстве
все больше и мрачней сиротство женщины,
и некому доверить печали – мысли игуанства,
коль игуанодон давно уже не жертвенен
в своем чешуйчатом эгоистичном чванстве,
и не заботится о чести динозавророда,
и панцирь свой, тамгу игуано – окаянства
готов сменить на кожу жабьего народа,
на участь жалкую иного пресмыканья
Что скажешь тут, и что здесь петь,
когда вокруг своя полынь да степь?
Ах, милая святая игуана!
Мадонна прашурных времен нечеловечьих!
Приснилось черт – те что ...
Через пустыню океана
плывет игуано – принц и воет песню...
Что ж, может эволюция произойдет иначе,
и будет там любовь взаимовечной?

Хоть призрачна мечта,
но сердце-океан прозрачно,
и в полнолуние ты мой услышишь голос
на островах своих, на Галапогоссах...

* * *

О том, что было с утра,
я не помню,
ибо к вечеру — вдрызг.
И до вчера,
которое — вниз,
мне падать не хочется
по причине —
я ныне влюблен,
а иное — не в счет.
Есть этот миг,
просто маленький шаг.
Вверх. На ступеньку,
к поселениям звезд.
Мне объявили «шах»,
но не «мат»,
посему обо всем я забыл,
о себе, о вчера,
на сей час...
Разве думал о звездах
лишь месяц назад?
Но Соломонову «Песнь песней»
я теперь понимаю,
и музыкантом не будучи,
в горло себе втыкаю сакс
и пою звездный джаз
о любви...

О, выдох в пространство,
в то, где живешь ты,
музыка милая,
моих мегастанций,
нежный миф-
моя Суламифь.
И теперь – никогда
во вчера.
Вечно сегодня.
Любя и вдыхая всем **сердцем:**
– Сулу! Моя! Миф!
Суламифь...

* * *

Не меня, хоть кого-нибудь жди:
это все, по-трезвому просто,
напрягаться тысячью жил...
Ожиданье – промысел кротких.

Если рушится что – вновь возведем
и простим земле сотрясения:
дом на сваях, улиточный дом –
это только иные растения.

Все опять прорастет из беды
и станет спокойным лесом надежды,
ты только отчаяния, друг, избеги
и обопрись в дни крушений на нежность.

Земля – голубое межзвездное чудо.
Дом, как дом, и другого не будет.

2004-2007 гг.

МАРАФОН ВЕСНЫ

эссе

Бекету Махмудову

Вот и заканчивается один из самых прекрасных марафонов на земле. Марафон Весны. Наурыз. Он прошел сияющим и исполненным благотворения праздником по длинной дуге от прародины тюрков по древним степям Дешт -и - Кипчак до иранского плато, и растекается ныне по предгорьям Алтая и Ала-Тау, оставляя добрые знаки зеленеющих трав и необратимо цветущей природы. Верно, он - Наурыз, начался еще в языческие времена, возрос из священнодействий солярных культов, вобрал в себя первозданные синие тенгрианские истины -прозрения человеческого духа, ставя хранительные заслоны разочарованиям и испытаниям зимы, каждый год и век научая людей науке Надежды-Умыт.

Об этой спасительной эстафете пробуждения природы и души человеческой, начавшейся со дня весеннего равноденствия, думаешь всегда с благодарностью и верой, особенно в наши сокрушительные времена, ко-

торые словно бы ополчились на всех нас - носителей ранних прозрений предшественников на земле (будь то сторонники-упователи вечной нирваны и бесчисленных реинкарнаций, христианского воскрешения и мусульманской идеи о единой умме - семье правоверной до сегодняшних ревнителей технопрогресса и всеобщего демократизма). Но куда им всем, вместе взятым, до силы и простоты самой Весны и Природы. И разве сравниться нам с нескончаемым терпением и добротворением истинного и молчаливого проповедника Весны - Наурыза - Природы? А?..

Ведь для чего же еще, если не для научения нашего вскрывают накануне Наурыза старики-аксакалы родники-акбулак, зажигаются священные костры очищения - Аластау в ночь весеннего равноденствия и в белое варево Наурыз-Коже бросают семена семи злаков земных и запеваются песни? Видимо, чтобы помнили мы, что и земля уже носит в своем неутомимом чреве те же семена злаков для произрастания, солнце неустанно и все более щедро изливает лучи свои, а небо льет дожди благословенные для радости нашей земной (пусть и краткой) для пропитания и вразумления. И нет этой Весне окончания, и обойдет она всю землю, всем даруя Праздник Надежд в разных ликах-образах-обрядов, будь то католическая Пасха, вербное Воскресенье православного люда или Наурыз тенгрианский - мусульманский - тюркский. И получим мы силу на все Лето созревания плодов, на всю Осень собирания урожая и вкушения первой тонкой грусти, и неотразимую Зиму новых тревог и разочарований, постигая в то белое хладное время мудрость терпения и ожидания другой весны. Не прерваться бы этому неизменному круговороту в такт земному кружению...

Иногда, в своих повседневиях, нет, да, и подумаешь о равенстве людей вкушать плоды земные и прелести техностижений нашей цивилизации. И то вер-

но. Ведь ныне человечество наше исчисляется более чем шестью миллиардами людей и все вроде бы имеют право на справедливое распределение благ. Но вот что удивляет. Святые права наши человеческие из своей естественной природной сущности и настоятельной необходимости их реального воплощения переведены в чисто политическую плоскость, и никак пока не заземляются из тех необъяснимых «высот» всемирного ханжества «политэлит и госинструментов управления» ходом неостановимого прогресса. Прогресса куда? Для кого? Если есть еще на планете миллиард голодающих, то видимо надо в первую очередь думать об их насыщении, то бишь пропитании? Коли глобальный парниковый эффект и расширяющаяся озоновая дыра грозят всей нашей возлюбленной Ноосфере, то вероятно, надо усилить программы предотвращения? Кому же об этом заботиться, как не большим полит-лидерам? Не в одном же Саддаме Хусейне, Бен Ладене или Буше дело? И мне, просто пишущему, к чему весь этот технoproгресс и совсем уж «всеобщие права человека», если я элементарно опасаюсь за будущее моего конкретного внука? Если Зима тревог наших и леденящий страх перед социальными и экологическими катаклизмами не кончится, то будут множиться не люди нормальные, а террористы-самоубийцы по всей планете, не найдя другого способа противодействия «хаосу политик» и защиты своих неосуществимых прав. Проще осуществить кровавое дело самоубийства, прихватывая с собой невинных людей в мир иной. Неземной. Ведь это дикое действие террора порождает не менее дикое противодействие политтеррора. И как же выбраться из этого заколдованного злого круга на путь волшебной Весны Преображения нашего человеческого и всего земного облика?

Не знаю, но надеюсь. Верю, что сила Весны войдет в меня и в других мне подобных, ибо иного оружия

у нас нет, а другого, кроме Добра, хорошие граждане всех стран не приемлют.

И вот что! На этом самом месте подумалось-вспомнилось из истории. Чуть более восьми веков тому назад, благородный и сильный Рыцарь Веры своей - Ричард Львиное Сердце пошел в крестовый поход на Иерусалим защищать гроб Господень, а священный град Иерусалим защищал не менее благородный и сильный Рыцарь Веры своей - Саладин. Повоевали, погубили много воинов веры и просто людей с обеих сторон. А потом, по Весне, договорились о том, что град Иерусалим равно священен для всех вер. И разошлись мирно. И Иерусалим не был разрушен тогда, как до того разрушен был Карфаген Римом. Вот бы и ныне так. Такие мысли приходят по Весне - Наурызу, творящему благоухающий и добрый труд Надежд и Посевов. Что ж, будем пить «вино из одуванчиков» и ожидать плодов собственных деяний.

* * *

На днях один из моих хороших друзей спросил меня, совершенно неожиданно будто: «А где ты был 12 апреля 1961 года?» Через секунду-другую замешательства отвечаю: «В Москве. На Красной площади...» Возможно, вопрос этот у друга моего возник под настроением поминок-сороковин по восходящей в небеса душе незабвенной Галины Леонидовны Кузембаевой - Женщины Всех Совершенств когда мы стояли, молча куря сигареты. Но вопрос был задан и... вспоминалось и вспомнилось...

В тот день, 12 апреля, я с товарищами моими - Еремом и Кайратом, рванули от серого, трещащего экрана телевизора, где стояла-дрожала фотография Юрия Гагарина, еще лейтенанта, но уже Первого Кос-

монавта. Рванули из нашей балетной школы, вверх по Пушечной, мимо «Детского мира», через площадь (тогда еще) Дзержинского на Красную. Там уже бушевало море людское счастливых, просветленных лиц. Говорят, такое было только 9 мая 1945 г., когда тысячи и тысячи людей сошлись на этой же Красной площади, чтобы разделить великую радость Одной Победы на всех. На все человечество. В 1945 году - Победы над фашизмом, а в 1961 году - Победы над земным притяжением. Человек в Космосе!!! В те же апрельские дни над Алма-Атой кружили розовые листовки со строками поэмы Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись Человеку». Иначе и быть не могло. Все должно было, по предопределению свыше, случиться одновременно.

... Человек в Космосе!!! И первая от земного Поэта Космическая поэма!!!

И мы, 15-летние пацаны, тоже кричали в Победном Хоре: «Мы из Казахстана!..», а чьи-то руки поднимали-обнимали нас, а над головами неслось из динамиков:... с космодрома Байконур... Вот такой это был День всеобщего возвышения Духа человеческого. Земля! Человек! Космос!.. Вот бы и сегодня так безгранично подняться-возвыситься душой над «земными тяготами». Но нет уже на земле величественных статуй Будд в Бамиане, рухнули здания-близнецы ВТЦ в Нью-Йорке, несется - без границ и смысла ураган терроризма по земле, разлетается птичий грипп и разрушительный цунами глобальной политики превосходства одних над другими. И Космос становится все более дальним, а Земля-все более хрупкой...

...тяжелы дороги мыслей и мечтаний человеческих, ... оглядеться бы на путь, нами пройденный, и подумать еще... посмотрите: на обочинах лежат мириады «сколов» из камней-окатышей речных вдоль берегов, в пещерах по-над ними рисунки-знамена из

охры и крови пращуров наших, а под землей, в отложениях - миллионнократные кости их и знаки другие: грубые камни «стоун-хеджей», ясные для вечных ливней света грани пирамид египетских и инкских, плоские и возвышенные петроглифы тамгалинские с солнцеглавыми человеками вкупе с силуэтами зверей дивных - исчезнувших навсегда братьев их меньших и перво-рыб сумасшедших, вышедших зачем-то на сушу, как и мы в космос. И мысли человеческие, излученные мозгом из-под склепов черепа, вписанные в пергаментную плоть священных книг для чтения и вразумления нашего в каждом новом поколении-издании людей, чтобы вновь и вновь воссияли те мысли о солнцевечном, и вышли из забвения - из глубин сознания, подобно «атлантидам» былых цивилизаций, дабы вдохновенно лететь потом по ветру дерзаний, словно травопряные всадники, вдохновленные номады всегда открытых - для космоса и кочевий духа - земных степей, чтобы научились мы так же отважно смотреть в даль наших свершений очами своими, умноженными на «очи земных и донных телескопов», для дел высокого прозрения себя самих, как творителей доброго мира Земли, родственной гармоническим мирам Вселенной, чтобы эгоистичные и суверенные организмы- тела-энергии наши людские собрались, будто кони-красавцы, в один супертабун высоких и благотворящих энергий, в единую энергию человечества для равного диалога с космосом и вечностью, где созидательная фонтанная энергетика мужчин, будто прямая и сияющая «вертикаль любви» не обманула «лепестковые ожидания» женщин наших, живущих ради той же любви, лономудрой и вечной, для того чтобы зачинать и рожать детей новой «васильковой небесной» породы, детей, которые не смогут по знаку своего рождения обмануть ожидания трав-лесов- зверей-облаков, им доверен-

ных для хранения перед оком Космоса, и будут они - «васильковые дети» космической эпохи, преисполнены неистребимой силой Апреля, того самого, что не только питает корни трав и лепестки цветов, но и весь живой и неисчислимый мир Природы поднимает из Земли к небу Весны, силой того самого Апреля, что сделал возможным выход Человека в Космос в том далеком 1961 году. . той охранительной-благой силой Апреля, что укротит навсегда «темные энергии» злобного сознания отщепенцев рода человеческого, которые больны идеями «пустот и смерти», доктринами глобальных эгоизмов, вооруженных атомно-ядерными сверхточными и якобы «точечными» орудиями уничтожения всего доброго и святого, что есть для нас на этой Земле, и да будем мы сильны Апрелем нашего плазменно-нежного выбора Любви и Надежды, чтобы прекрасная кобылица -Земля летела по вселенским степям и несла Человечество к Травам и Звездам Космоса и слушала Песни Галактик Добра...

Да, и пусть я захохочу словами восторга или вымру навсегда, как ненависть, но восхваляю высокую судьбу Юрия Гагарина - первокосмонавта и песнь Олжаса - космопоэта, и День 12 апреля, совместивший в себе священные понятия - Человек, Земля, Космос!!!

Не каждый день случается устыдиться самого себя, вернее того, как мы порой привыкаем к бытовой реальности и не видим за ней второй - реальности чудесного. А ведь жизнь дает нам ежедневный шанс увидеть параллельно текущий, одновременно с нашими привычными заботами о насущном, вдохновенный поток красоты, творимый другими, временно отсто-

ящими от суеты, для облегчения нашей общей прозы жизни.

На днях, совершенно будто бы случайно, под грузом заботных мыслей я забрел в галерею «Тенгри-Умай», что, как известно, находится в замечательном «Лермонтовском» театре. На улице шел мелкий (недостойныйвозрастающеговсейзеленьюдереьевииароматом сирени Победного Мая) - дождь, а здесь в галерее наш город был представлен великолепной выставкой пейзажей, свежих не только по меркам живописного искусства, но и тем, что они были созданы в рамках большого Пленэра «Алма-Ата - с любовью», организованного и блестяще проведенного группой уже известных и еще молодых художников. И все эти пейзажи, замечательные по разнообразию художественных стилей, авторских манер, яркости красок, словно только что сошли с мольбертов и пришли, как бы собственной волей на этот фантастический вернисаж.

...город вновь и вновь удивлялся своей столетней весне и стыдливо, жених будто еще, смотрел в лица и глаза ровесников своих - неувядных елей и серебряно-стройных тополей, приветливо оглядывал неуступчиво-синие горы и неизменно-терпеливую сестру свою- степь... знал и знал сей город, что дано ему быть иным, чем эти совершенные природные творения, тайную связь с которыми быть может и желал бы он потерять, но граду сему, так удачно придуманному и водруженному здесь своим перевозимжителем и основателем, виделось, что во всех строениях своих, домах, улицах, садах и, конечно, да! в главном своем - сокровенном - в жителях своих он, Град, должен быть достоин всех их совершенств и знаком быть их бесстрашного предстояния перед стихиями природы и времени, находить в себе силы хранить свой младенческий образ и вместе расти и обретать черты

новых времен и ветров, вбирать в себя все новые законы гармонии и, начиная с этой своей столетней весны, спокойно и твердо настаивать на своем праве быть таковым, неповторимым, и входить в великую семью малых и больших городов, что стоят на этой земле и гордо несут имя свое, как он...

Пленэр! Прелесть! Алма-Ата!!!

... долгий дождь. Я ухожу в безумье, как на работу. Такое дело у меня - слова вязать без спиц, а дождь огромен, наверно, больше мира, однако мысль любая о большом и прочем немногим меньше... Но всякий человек сегодня встревожен тектоникой событий и, верно, предпочел бы фрагмент обычного, под грифом - «Ничего не происходит», но подают ему большие вести. К примеру: карикатуру на Пророка Мухамеда, и с этим неизбежно пойдут протесты, пожары, бунты, заявления держав, министров обороны, а страна с перчатку — Дания, между тем, смешала всмятку согласие церквей, и теперь, как прежде, поздно. Уже людей несут на кладбища, других, еще живых, в больницы, а родственников - жертв в лагеря врагов всего и вся... И все из-за «свободы» одного художника писать карикатуру на Пророка Пайгамбара. Как жаль, что нам испортили Олимпиаду, пусть белую, в Турине.

Хотелось праздника и счастья, но у нас сегодня дождь вселенский...

* * *

Однако, отчего-то... именно в эти дни поющего-прущего отовсюду апреля поднималось втуне... В степях наших, в самой ее середине, центрально-ази-

атских и, вместе, евразийских пространствах, трудно быть-оставаться художником в этокое-то время, кипенно-монетарное.

Здесь, по-моему, надо так: либо глубоко вниз - вглубь - в почву и ниже, либо вертикально - вверх, в просторы неба-зенита-космоса.. О!..

Вот контрасты - масштабы какие-то! Движение же спокойное - ритмически выверенное, целеустремленное, замедленное и спокойное, как сотворение доброго дела, невозможно, а главное: непродуктивно. Несовременно как-то и не отвечает доктринам «ускорения-обновления», где цель ясна, как афоризм из трех фраз-слоганов.

Художество, в том числе и социальное, по этим «доктринам» должно быть обязательно выпуклым - вычурным, как если бы нужду справлять вниз головой или вертяться в центрифуге центральноазиатской конструкции...

А творить несуетно, блюдя традицию «не навреди», все равно, что стакан воды налить на поверхность очень большого, широкого, аки Степь наша, стекла. Растечется она - вода, как окаянная доброта - порыв - посев, а далее просто испарится, так что и мурашам-воробушкам жажду не утолить, да и травиночке на полив не достанется. Стекло, оно и есть стекло, на всю степь или фасады цветущих офисов-оффшоров одно. Конечно, аккуратно, красиво, чисто, легко отмывать, но... а траве как быть- расти - зеленеть? Не доллар ведь?..

В степях такого разлива, как наши, даже горы имеют чисто символическое декоративное значение. Горы здесь для контраста, для понимания степей. То ли естественно возвышены, то ли искусственно вознесены для широты обзора нашего плоского бытия. В контрасте они, по-моему, даже некоторым планетарным делам, как особый гео-духовный ландшафт вся-

ким там небоскребущим городам-мегаполисам-цивилизациям, а также квадратам зданий, компьютерных ящиков, а более и паче того: таинственным электронным «платам» и памяти их цифровой. А мы, то бишь я, более привычен к простой человеческой памяти, где больше откладывается нечто доброе - простое, пользунесущее, а не все, что ни попадя (авось, типа, сгодится), Да и «цифр» я боюсь, даже числом в мою пенсию... (15 000 (!!!) тенге). Мне бы что попроще. Маленькую такую, плоскую лепешку, дымящееся уютное поле чая с молоком в чашке, но на каждый день, помаленьку так, без вертикалей - обвалов курсов-планов на век вперед. И телевизор включить для сопричастия и понимания дел мира большого, там, за горизонтом степей. А в эти дни смотрю по ТВ новейший сериал демократического хаоса в режиме «реалити». Это я о Франции моей благословенной, где жили-гарцевали некогда мушкетеры. Вольтер, знаете ли, вольнодумствовал-писал, а легкомысленный театр «Мулен-Руж» давно соседствует с тяжеловесным «Гранд-опера». Монтень, одним словом. «Природа вещей».

Так вот, там студенты-молодь бунтует. Нечто вроде карнавала - протеста - праздника - выражения своих свобод. И все из-за закона, «первого контракта». Лично я целиком за молодежь, но громко выразить свою солидарность не могу, боясь нарушить правила невмешательства в дела чужие. Не Буш, все же. Однако если б был «ихним» законодателем, то французскому «закону первого контракта» добавил бы свой, знаете ли «казахский закон последнего контракта». Например: за два года до вожденной нашей пенсии работодатель, скажем, может расторгнуть твой трудовой контракт без объяснения причин, т.е. хотя бы потому, что человек немолод, медленно бегаёт, туповат стал, и вообще, у него с импотенцией проблемы. Да, если б такой казахский (мой конечно «ноу-хау») закон «последнего

контракта» добавить в пару-двуконь к их французскому «первого контракта», то вот карнавал бы получился, а!!! Такая международная протест-акция, типа: «Молодые французы, объединяйтесь со старыми казахами!» И еще один плюс. Глядишь, попадешь аж в Париж! Но то мечты- искусства наши степные. Не выплеснешь на площадь. Да и толку нет... Стекло. Плоское. На всю степь. Но хоть есть мысль эта маленькая у меня, но как широко растекается...

...Верю. Степь моя - великое Плато Предстояния. Здесь человек еще возможен, как Человек, и ему есть что предложить Вселенной. Горе разделить с ближним за чашкой чая, Надежду в помощь позвать, как соседа, и вместе похлебать сорпу - щи - заботы наши общие. И закон контрастов тоже неплох, как кажется. А по нему, думаю, есть где-то и у моих степей брат дальний - Гималаи, и брат другой- Тихий океан, и брат третий - Синее Небо, а посреди них одна на всех -Земля. И пусть ей будет судьба - спокойно кружиться среди звезд по законам Вселенной.

* * *

И вновь грядет Великий День. День Победы!.. Этому нет объяснения, но отчего-то перед моими глазами внезапно является огромное, без границ, на всю планету – Алое Поле Тюльпанов! И над ним тишина. Особая. И тишина эта, будто сияющий прозрачный колокол. Кажется, только тронь его и мир заполнит такой тонкий-стонный звон невероятного неизъяснимого тембра, в котором слышатся и борются вместе, печаль и торжество. Одновременно. И еще в нем слышится небывалый доселе хорал, будто это тюльпаны запели беззвучно и их алые голоса ни что иное, как миллионы голосов погибших в той войне людей, как если б они

восстали из праха, из горьких своих пороховых огненных дней, чтобы спеть для нас свою нескончаемую Песнь Погибания. Безмолвно поющее поле тюльпановлюдей, сотворивших для нас День Победы и Мира, но... но видя и слыша такое внутренне, все же не находишь утешения для себя и удивляешься тому, что мы - люди нынешних дней - так и не поняли великого завета людей той войны, и тех, кто навсегда остался на поле боя, и тех немногих, кто жив еще в эти дни. Почему?..

Я принадлежу к тому поколению, что появилось на свет в первый мирный послевоенный год, в год 46-й, и не мыслю себя вне высокой ноты Победы и лишь теперь запоздало понимаю, что вся моя жизнь выстроена этой нотой. Чистой. Безупречной. Горькой. Нескончаемой. И я благодарен тому, что она продолжает звучать во мне и ограждает от фальши.

С неослабевающим волнением жду я наступления 9 мая, когда со всеми моими родственниками приду в дом моего нагаши Толеутая Акчулакова, которому уже 92 года и он носит почетный титул Учителя Учителей, а потом пойду в дом дяди моего Музафара Алимбаева, имеющего звание Народного Поэта. Они оба прошли искупительный ад Той Войны (один от Сталинграда до Берлина, в качестве артиллериста, а затем фронтового журналиста; другой - будучи танкистом через легендарное Прохоровское танковое сражение) и оба милостью Всевышнего вернулись домой живыми. И нагаши - Учитель, и дядя - Поэт никогда не говорили о войне при нас, детях, но их орденские планки на груди были красноречивы и наполняли нас чувством гордости и сопричастности к истории.

9 мая они будут сокровенно молчать, глядеть в ту необъемную даль войны, которая невидимой для нас девятой волной воспоминаний и сокрушений всякий раз накатывает на них в День Победы. И с годами их молчание становится все строже и таинственней, и со

стороны кажется, будто они поднимаются на гору, чтобы с ее вершины вновь оглядеть дымные поля былых боев и мысленно поклониться праху и памяти своих погибших друзей и соратников. А возвратясь из этого ежегодного похода в прошлое, они чисто и просветленно улыбнутся, глядя на нас - своих детей, внуков и правнуков, и поднимут тост за мир и за то, чтобы никогда не было войны. Ах, если бы их святые пожелания исполнились во всей их сокровенной полноте!..

И конечно, они - бывшие воины поневоле, а ныне мудрецы по призванию - знают, что тостами войн не отвратить, что после Той Войны были и малые по масштабам, но не менее кровавые и бессмысленные войны и все они вместе слились в непроизносимое для них слово - Поражение, и оттого их печаль неизбывна, а сердце полно горечи. И настраиваясь на тон их чистого и беспощадного размышления, я тоже с горечью и отчаянием думаю, что мы все живем теперь во времени, где неотвратимо зачинается и зреет новая невиданная война цивилизаций, питаемая дикими амбициями современных политиков, их «мирной» риторикой и фатальными действиями, ибо не утихает треск стрельбы и грохот жизнеуносящих «точечных» взрывов бомб и фугасов, а фронт этой нарождающейся войны не имеет границ, в ней не будет праведности Той Войны против фашизма, но будут жертвы и ненависть, и месть, и некое ожесточение всех против всех. Конечно, у меня нет священного права на чувство Победы, которое есть у ветеранов Той Войны, одолевших явного и зримого Врага, но у меня есть человеческое право требовать от лидеров сверхдержав и нефтяных «ястребов» избавить человечество от Поражения.

И вот что вспомнилось мне в связи с ходом таких мыслей. Думаю, это потрясло не только мое воображение. Я говорю о грандиозном археологическом открытии в Китае, о «глиняном» войске одного из самых

жестоких правителей - воителей древности, императоре Ши Хуаньди... И сейчас стоят перед глазами шеренги суровых воинов, с портретной лепкой лиц в полном вооружении, и взнузданные глиняные боевые кони. Ряд за рядом, тысячи и тысячи солдат. Целая армия... Тогда говорили, что Ши Хуаньди создал эту глиняную армию, дабы навеки утратить всех врагов своей империи, будто хотел обессмертить свои победы и с этой армией собрался воевать в ином нечеловеческом мире Смерти. А себя схоронил рядом, под морем ртути, чтобы смертные не смогли надругаться над его гробницей.

А мне, вдруг, подумалось нечто невероятное. Может быть, он - император Ши Хуаньди - перед смертью все же раскаялся в своих деяниях и похоронил свою армию вместе с собой, чтобы больше никогда не воевать, и сделал то для назидания всем временам, народам и воителям?.. А?

Возможно, ястребам-политикам нынешних дней именно так и надо понимать это великое захоронение - памятник мертвому воинству? И, может быть, в День 9 Мая они возьмут на себя обязательство каждый год в этот день «хоронить», т.е. упразднять хотя бы по одной дивизии, по одной атомной подлодке, по ракетной батарее и авиаполку? А?..

А пока перед глазами стоит Алое Поле Тюльпанов, звучит великий хорал-реквием солдат и жертв Той Войны, и Победа незаметно превращается в Поражение всего современного человечества, а Мира все еще нет в этом мире.

2006 г.

УПЛЫВШИМ ДО МЕНЯ...

ДОЖДЕВОЕ НАШЕ

*Памяти
Миртая Акчулакова*

Я в дороге с братом твоим Тайкеном ... Он печален. Я молчу. Поезд грохочет вестью о твоём, Миртай, отчуждении. От земли и воды. От хлеба и смеха земного. Мы едем из города. Степью. К горю нашему безбрежному. Да, вот и не верь после этого о втором плане первой жизни: - Слушай, братишка наш младший Миртай! Я накануне брату Тайкёну звонил. По предмету и поводу вздорному, а он меня предварил о твоём последнем от нас Удалении. В мир иной... И вот едем в одном поезде, по высокой заботе ведения дел погребения. Брат и я.

Теперь мы двое.
Остались. Осиротели.
После тебя.
Мы больше не будем кратны.

Мы горем утроены ^{т.е.}
на развалинах нашей «Трои»,
и вспоминаем своего «Одиссея»
из селенья Иссык,
искавшего свой небесный язык,
чтоб понимать форель ...
Форсно, заупокойно в сто децибел,
зачинается песня Тризны:
Ты был среди нас аборигенно – бел.
А среди северных – южный...
Смотри, какая бывает в августе
жаркая белая вьюга.

* * *

Грустя стоит, в степи сосна –
подружка древняя моя...
Она на холмике одна,
и плачет в ней смола.

Я к ней несу свою печаль
с утра, по ветру, по душе:
– Привет, моя зеленая свеча!
Повей мне в сердце и пошей

рубашечку из чистых трав,
омой рассветною росой
и подтверди, что я был прав
и жил заботною душой.

Смотри, еще просторны небеса
и степь приветлива, как встарь,
и есть на свете чудеса.
Надежда есть и эта хмарь...

Да, одиноки все же мы,
моя душа, твоя смола ...
Терпи, развеются дымы
и мир пробудится от сна.

К печали новой. Ну так что ж?
Найдется повод, как-нибудь,
я ранней осенью, на дождь,
грустя, опять к тебе приду.

Твоя сосна - моя душа...

Вот, разве что отец твой и мать?.. В конце долгой дороги своей потерять тебя, младшего сына, свое лучшее событие в жизни, оправдание быта и неотвратимого ухода из Бытия в мудрую добрую ночь ... Это, брат, не рифмуется. На земле не услышать звон колец Сатурна, если случайно затронет их ветер космоса ... Что за фантазии и удаления к звездам? Ведь едем мы по неотвязному делу - тебя заземлить. Навсегда. И выпустить на волю, на скитание вечное твою душу, братишка ... Знай одно: мы сходим на станции горя. Здесь тихо и в ситуации длительной паузы нам кажется, будто сон это, а не действие земное, реальное вокруг твоей неподвижности. Хорошо, что уже никто не вмешается в процесс последнего Твоего возвращения к нам. И к себе... Осыпается земля в землю.

... Через год вновь к тебе возвращаемся...

Миртай ...
Вспоминаем...
Ту последнюю
в августе встречу с тобой.
Пьем раннюю рюмку
по братству августа ...

Помнишь?
Беседу об итогах лета
четвертого года
еще молодого века,
что следит за нами
глазами императора Августа.
Взгляд его добр.
На тысячу множь.
И получишь мега-прищур.
Что ж, это понятно.
Он – наш прашур,
Он – Дождь,
а мы его капли.
В тот день было сухо.
И ветер, листву теребя,
нес нам мятную
влагу дождя.

* * *

Ты говоришь:
– Дочка влюбилась.
Та, у которой сопрано высокое.
Мне повезло - ты повторяешь:
– Не каждый день
рождается поющая ива,
чтобы ветру было
не так одиноко ...
Вновь начался дождь.
Долгожданный – нежданный.
Для тебя и для нас,
а ты ушел по высшим заботам,
и следом грянула
гроза во всю мощь,

обвальню и мириадами гранул
хлестнул, ударил с потягом,
косым бичом струй,
и в конце, по-цыгански,
щелкнул без жалости
по самой тонкой
из наших струн.

И ... порвал.
Да, Дождь был еще тот!
И поныне эхом бьёт
в раковины ушей.
Что ж, будем привыкать
к тебе, навсегда уходящему
в поисках сущего.
И думать, что ты просто ушёл
осматривать дальние углы
Вселенского дома.
Будем учиться смелости,
как ты ходить
в обнимку с дождем,
что не каждому смертному
по плечу.
Если что, возвращайся
к нам в сердце.
Ждём ...

* * *

Не просто так,
а карбидно-обидно,
что дождь задержался.
Как видно
он еще до зарниц обожрался
синей водкой небес
и сохнет теперь
на облачных простынях,
сволочь.

А мне невоготу,
толстеет червь тоски,
на губах, наконец, высохло молоко
и «куртом» кислым стало к утру.
Вогнал меня в икоту
старый мой ворог -
червь - сомненье,
превращающий мой день
в суету.
Под соломенной крышей дождь...
На кленовых листьях дрожь...
Наливается злостью ложь...
Колосом горьким рожь...
Не стань зерном. Заклюют.
Где мой мокрый уют
под дождем?
Мой плачущий дом...

* * *

Только теперь,
сердце твое – все сразу-
я увидел, братец Миртай,
и понял, куда упадет в свой час
пирамида Хеопса.
Не волнуйся:
и я, и Сайран, Куралай и Тайкен
знаем в сей час, что не будет хаоса.
Ничего,
уноси с собою печали свои,
уноси и встречай
Шокен, Майдана, Сапара, Баткен,
и признайся им
в своей грешной любви
и Любви той,
о которой
мы, живые не знаем.

Что же, прости:
это сложно давно, равно и теперь,
просто смыслы братства
застилают мне слезы,
но ты знаешь отныне,
куда открывается тайная дверь.
Утешайся,
в мае у нас идут обильные грозы,
значит – травы будут
цвести и в пустыне.
Всегда и теперь.
Ах, сердце!
Эх, братство-сестринство
окаянное – дождевое наше...

НЕВЕСТА СТЕПЕЙ

*Памяти
Галины Кузембаевой*

Показалось будто мне в эти дни...небо синело чуть печальней и выше, вопрошая о тайном обласканную первыми ветрами весны степь... стройнее и строже стали карельские березы, стряхивая с себя последнюю изморозь зимних снов... серебристо и грустно вытянулись и тяньшанские ели, словно услышав тихую вечную песнь исхода еще одной души человеческой...

Высокий и мудрый Тенгри встречает в эти дни в своих чистых владениях душу незабвенной Галины Леонидовны, исполнившей все земные свои назначения. Он встретит ее с особенной нежностью и даст возможность последний раз обозреть оставленное ею на земле. Красивый и добрый труд женщины Всех Совершенств...

Когда-то тонкой застенчивой березкой карельской покинула Она родину своего рождения, чтобы стать белой Ак-кайын-невестой наших степей. Молчаливый и верный жених- джигит Газиз привез ее к Алатауским вершинам и справили здесь они, одну и на всю жизнь, великую Свадьбу Любви и Судьбы. Всем своим красивым сердцем приняла Она родину своей новой жизни и всегда с честью носила звание Ак-кайын-Келин казахского народа. Всей душой приняла она простые обычаи и нравы степные и стала трудиться и жить здесь терпеливо и усердно...

Вспоминается и вспоминается ныне тысячами людей Ее светлая - для всех и всего –Улыбка, исполненная высокого смысла. Она обладала чудесным секретом сближать и связывать в работе самых разных и всегда талантливых людей: журналистов и художников, поэтов и кинематографистов, которые тянулись к ней со своими творческими идеями и житейскими огорчениями, и всегда неизменно получали от Нее понимание, деятельное участие, совет, словно Галина Леонидовна была воплощением Вдохновения, высокой и радостной необходимостью трудиться во имя сохранения Красоты и Гармонии в нашем несовершенном и все же прекрасном мире. Сотни телепрограмм, первые фильмы режиссеров «новой казахстанской волны», дерзкий и благородный порыв антиядерного и все-народного движения «Невада-Семей» - за всем этим и многими другими, общественно значимыми и духовно наполненными делами-творениями, была ощутима добрая энергия и нравственная сила нашей нежной и прекрасной Невесты степей, Галины Леонидовны Кузембаевой! Она была продвиженцем-продюсером от бога, что особенно ярко проявилось в ее последнем и блестящем предприятии, в студии «Гала-ТВ», где вновь собрались дерзкие и одаренные люди, сделавшие замечательные программы и фильмы уже нового време-

ни-века и получившие международное признание.

Что ж, недаром в эти дни проливается небо обильными-грустными-чистыми дождями, напитывает корни степных трав новой и творящей силой для неусыпного дела прорастания жизни. И то верно. Ведь и сама Галина Леонидовна была неутомима и добра, как сама Природа.

Так ведется...

В эти дни мы последуем правилу древнему:
не нарушим рыданьем Причастье Последнее...

Разве что, тихо пошепчутся береза и ель,
листьям и иглам весть неся заповедную:

– Ныне к Тенгри восходит наша сестра
Ак-кайын-Невеста-Айель...

Так повелось...

По весне в степях дожди проливаются длинно,
и в карельских озерах луна отражается тинно,
а по земле несется пряно-зеленый апрель...

Но жизнь высока и, вместе, тайно-глубинна,
И вздыхает:

– Ах, Галина, подруга, Золотая Айель...

Вот и сегодня...

Ветром легким и сильным несомая,
поднимаешься Ты в дом Неба и Солнца,
и следом вьется, летит жаворонка чистая трель,
а мы остаемся, но память наша бессонна,
и отныне Ты назовешься:

– Акканат, белокрылая птица – Айель...

По весне, как и прежде,
нерасторжимо сплетаются

корни деревьев и трав,

а мы на земле роднимся печалью
и вечной спиралью

Любви и Добра.

Апрель 2006

СЕНТЯБРИНОЕ

*Памяти
Жоржа Хайдарова*

Вот и снова сентябрь. В нашем городе он всегда особенный. Светлый. И он умеет утешать. А мы нуждаемся в утешении, когда уходит хороший человек. Сегодня увидел первый желтый лист клена. Он был один на все еще зеленом дереве и сиял, словно хотел рассказать о солнце, с которым прожил целое лето. И хотя лист весь был пронизан печалью, я понимал его. Такое молчание первого осеннего желтого листа бывает красноречивее слов, когда и ты печален и думаешь о друге, которого нет уже в этом сентябре.

И еще мне показалось, что этот кленовый лист и есть отлетающая в вечность душа моего друга Жаркына Хайдарова. Жоржа, как мы его все звали. Его Друзья. И вся Алма-Ата, которую он любил всем сердцем. Во все погоды. Во все годы, что были им прожиты в этом городе. Великий Горожанин. Алматинец Жорж Хайдаров.

Только он умел относиться к нашему городу, как к хорошему большому другу. И писать ему длинные письма, которые незаметно сложились в роман. А такое случается не всегда. И Алма-Ата этого не забудет. Вот почему этот сентябрь так светел, и так пронзительно печален и легок, будто желтый кленовый лист — душа Жаркына.

Душа его говорит с нами сегодня и утешает, как это может делать только настоящий мужчина. Истинный Друг. Муж. Писатель. Отец. Спасибо, Жорж. Мы попробуем сегодня забыть о скорби и перетечь в пространство твоей души. Доброй и стеснительной, как девушка на выданье. Поэтому порой, ты так парадоксально шутил и просто фонтанировал, превращая эту

сложную жизнь в шутку, и мы запоздало понимали, что это твой особый оптимизм и способ защитить себя и нас. И мы заражались им и смеялись, будто ничего с нами плохого не случилось.

И еще. Ты задал нам одну загадку, которую я только-только начинаю разгадывать. Вот эти твои двойные, как ты их называл, степные шахматы! Ну, что, казалось бы, можно найти в этой древней и мудрой игре. Но ты нашел и так увлеченно объяснял нам ее удивительные правила и возможности, забыв об обыденном и пресном. Я не все понял тогда, и лишь сейчас начинаю постигать. Твои шахматы были метафорой нашей жизни и нашего времени. Ты хотел нас научить пониманию всей сложности жизни и играть по ее непростым правилам. И теперь уже никому не удастся выиграть тебя в этой игре, а ты просто уходишь постигать науку вечности и будешь посылать нам свои легкие и, вместе, таинственные письма о том далеком непостижимом пространстве, куда в эти дни сентября улетает твоя душа, Жорж.

Друг мой! Помнишь, как-то ты признался мне, что твой любимый рассказ «Последний лист» О, Генри... И я перечитал вновь тот рассказ и полюбил его, как ты. Возможно поэтому, ты явился сегодня мне сияющим желтым листом клена. Явился в сквер, у оперного театра, где тебе нравилось сидеть, размышлять или поражать друзей своей неумемной фантазией и нестандартными мыслями. И я знаю теперь, что ты, как тот «последний лист» О, Генри будешь держаться до первых зимних ветров и снега, внушая нам надежду и давая мужество жить дальше. Думаю, мы все так и поступим, ибо душа твоя поднимается ввысь, чтобы видеть весь огромный мир людей и охранять нас.

Сентябрь хорошее время жизни,
он печален и светел, и он высок.
Мой друг, ты жил без укорины
и, как чистый родник, не истек,
а просто ушел в другие пространства
орошать другие поля.
Кому-то это покажется странным,
но думаю, ты ушел помогать,
и как всегда нести утоление
иным существам и иной земле.
Что ж мы примем твоё утешенье
в этом высоком и светлом,
как ты, сентябре.

01.09.2005. Ночь.

* * *

*Памяти
Мухтара Токпанова.*

Не надо, Майра,
 ох не надо
сердце кручиной томить,
да глаза свои карие мучить слезой,
а горе, что ночь, в свой приходит **черед**.

Что поделаешь тут, коли Мухтар,
братишка твой золотой,
сам соизволил выбрать дальний свой путь ...
А в пути и кочевьях потери,
 увы неизбежны...
Думаю, и отец твой хранит
 это тайное знание,

дабы при жизни не знали мы
ее простой и высокий итог.
Нет, не надо, Майра, мы воспрянем еще
над вечной иртышской волной,
будто жаворонки мы и соловьи,
и полетим над общей и нашей судьбой.
И поверь – вместе с жаворонками
и соловьиными песнями
поднимутся к небу
наши души к ушедшим до нас утешая,
что не будут на земле забыты они.
А тебе, моя птица высокая,
я желаю нести печали земные,
как колодезный ковш,
не теряя ни капли из пролитых слез.
Так веди – поведи нас в особенный «көш».
Что ж, кочевники мы,
но без женщины всех совершенств
нам и до колодца не будет пути.
Утешайся и всех нас утешь,
ибо одна ты знаешь смыслы
и тайну кочевий
земных и небесных.

*Памяти
Булата Джантаева*

1958 год. Пятеро казахских мальчиков: Кайрат Мажикеев, Ерем Аманкулов, Рамазан Балов, Булат Джантаев и я, ныне скорбящий, уехали поездом Алма-Ата – Москва учиться. В Московское Академическое хореографическое училище, что находилось на углу Пушкинской и Неглинной. Учились вместе балету в залах, жизни – в поездах и разлуках, дружбе – в интерна-

те вместе с будущими звездами балета. Но среди нас всегда был особенный друг.

Рыжий Казах. Весь сотканный из улыбки и доброты. Преданный себе, нам, балету и девчонкам-балеринам, присвоив себе рыцарство над ними. Потом оказалось, что и над всем казахским балетом. В звании танцовщика, учителя и реформатора хореографического образования в Казахстане, в должности директора Алматинского хореографического училища имени А. Селезнева. И ушел от нас, сгорев на этой святой службе. Мы пятеро были естественны, как пять пальцев одной руки. Нет теперь Булата среди нас, но единство наше выше смерти. Это судьба. Спасибо ей за Булата. Думаю, что он теперь будет давать уроки танца небесным детям.

Настрой мой, Булат, ныне минорен,
с двойным сакральным знаком «бекар»,
ровно настолько, как при жизни
был ты рыже-мажорен...
На сегодня вся наша «джазуха»
уходит в отказ, вопрошая без слов:
— Где ты прибудешь теперь,
наше доброе чудо?..
И я саксофоном рыдаю в себе,
вспоминая наш танец-джаз
в стиле детства,
где был длинный поход
в травяные леса,
а там сияли залы-поляны
для классических «раз»
в строгих канонах зодчества тела.
Мы в искусство и в дружбу
ходили, как в бредство,
в температурах святых скарлатин.

До сих пор, Булат,
я люблю интернат
и былой карантин,
где читать могли мы
Дюма и Толстого,
которых чтили легковесно и строго,
как то обусловлено законами жанра.
Мы учились и мир пожирали
душой и глазами, так жадно,
как если бы были рыбами,
танцующими на берегу
с открытыми жабрами
И все же мы дышали
полной грудью, дружище
Такое и птицам не снилось
в потоке верхнего ветра,
где случается бездонная тишина,
о которой знают только «вещие»,
хранящие ночь до утра
Таков, Булат, мой настрой на сегодня,
когда ты уходишь постигать Тишину.
Мажорно это или минорно?
Не знаю, но верь,
я долго теперь не засну

18 06 07

СНЫ ВЕЧЕРА

поэма-эссе

Гани Кистауову

*Он ушел спать И не вернулся Никто не знал,
что ему снилось Ему уже давно не приходилось рас-
сказывать свои сны Он был одинок и незачем было
просыпаться без забот и бесед*

Почему он думал, что находится не в той географической точке? Весь интерьер комнаты, вещи и их привычное расположение, внезапно, показались ему незнакомыми Вероятно, как и пейзаж вокруг дома, вид из единственного окна, а может быть и вся местность вокруг, город, страна, материк-континент и все окружение земное — запахи, звуки и даже время года стало другим — чужим — неузнаваемым, будто век другой настал, а он совсем не тот человек, каким его знала та женщина И он уже не тот, каким казался себе до сих пор А может, он уже не человек вовсе после всех этих внезапных изменений и отчужден от реальной жизни — момента Эта его текучесть, мгновенная изменяемость настроения, выражения лица и глаз, где-то там, в туманной прашурной глубине времени и сегодняшних повадок-походки — жеста — пластики, а хуже и пострашней того — изменчивость внутренняя, вернее нутряная (в кровенесущем потоке или в гипофизе, где первейшее вещество мозга антропоидно-зверского еще жило таилось, как архи-инстинкт-ум змеи) мог-

ла напугать кого угодно, если бы вырвалась вдруг, по бытовой какой причине (ссора ли, призыв женской плоти, когда подол задерется в заботном деле), скорее контр-истина, пугающая до икоты и изморози на коже, когда изменения шли изнутри, хоть и от причин внешних (небо потемнеет ли перед грозой, или луна слишком кругла и призывна). Вот тогда он и казался себе существом первобытным и диким, а вокруг него мерещились чащи и дебри девственного девонского леса, хотя лес находился прямо среди обычной улицы и стоял, и шумел, будто так и должно тому быть. И тогда от его женщины начинали исходить очень странные запахи и вялость появлялась в теле особая, вроде той что у барашка, который уже намечен на нож, на заклятие, обречен и из существа превратился в жертву. Странно откуда барану такое знать, а вот уже ходит еле-еле, блеет как-то жалобно и мочится, и катышки пускает чаще. И он и она знали- чужали эту перемену в себе и во всем древней интуицией жертвы.

Она дала разрешение на вторжение... вторгся... но она спала и он не был частью ее снов. Он был чужой и эта близость не стала «реальностью» для нее. Она спала уже давно и не с ним, и сны ее давно перешли обычные границы, в которых находилась эта комната, постель и он со своей «реальностью» в ней...

Дельфа, то есть, женщина-дельфин угорело плыла против правил и за другим погналась дельфом, который мужчина... В тот момент рвались бомбы под водой и у нее помутился разум по правилу эхолокации катастроф... Глубоко внизу проплывал гигантский металлический Дельф – подводная субмарина... Тонкий свист влюбления Дельфы в Дельфа превратился в дикий донный рефлекс обладания любым дельфом,

пусть даже он металлический... Дельфа была грациозна с рождения, вся текучая – гладкая- удобная для плавания, вся серебро луны, упавшей в океан в месяц своего прозрения к любви, когда кончаются слеполетия витания – кружения над землей и настало время уйти в океан...Дельфа, чей эхоразум и водоинстинкт девочки помутил – извратил тот взрыв из субмарины плыла не в ту сторону, в огромное белое облако – молоку (словно вся сперма китов прорвалась внезапно, как стресс от эхо – шока и помутила синие воды океана, ожидавшего естественный выброс китового семени – любви)... И вот на последнем остатке дыхания, на природном таланте плыть и взлетать над водой, по рефлексу естества своего дельфиньего, моя прекрасная Дельфа рванулась на дно и ударилась в камень подводного острова-рифа...И только растерянный Дельф, видел как она умирает и скрывается в красном облаке собственной крови.

В новом моем местожительстве горы отрезаны краем окна и видны лишь на треть своей панорамы. И все же прекрасны они в свежем погожем рассвете еще одного октября, обожающего подниматься и вверх утекать по их склонам. И октябрь всей своей пестрой желтой-багряной- густой кровью своих детей и пасынков: кленов- берез- тополей-сосен-карагачей и вместе со всей мудрой и вечной зеленью горных елей и можжевельных кустов- велик и благороден, расширяя кругозор и возвращая моему воображению все то, что отрезано краем окна. И подумается: сколь ни отрезай горы, они и в последнем пригорке своем остаются высоким эпитетом трудной судьбы быть горами, на изломе-столкновении глубинных континентальных плит, под которыми трудится сердце земное, огненная магма вдохновения и сотворения жизни.

Последний «вчерашний» сон был очень глубокий и темный. Он сам не мог понять, о чём это сновидение. Его нельзя было вспомнить. Будто сон чуждому – какому приснился, а не ему. Но просыпаться все же не хотелось. Привычка досматривать сны до конца укоренилась в нем настолько, что он так и не проснулся. Все равно этот вчерашний сон не вспомнишь, так он глубокий и темный. Пусть себе снится и останется неизвестным...

Вечный паучок – вестник все плетет и плетет свою нить от начала времен к нашим дням и ко времени грядущему. Его маленькая головка уяснила для себя главную (на всю жизнь паучью) мысль и этого крохотного ума было ему достаточно для жизни вместе с тонкими ножками и чуткими усиками. Ведь он был создан природой, чтобы плести нить времен тонкую, и должна эта нить быть легкой и невесомой, сотканной таким же легким и невесомым существом, таким как он, паучок-вестник, имеющий столь отважное и большое сердце, что даже слоны обходят паучка-вестника стороной и трубят в честь него на берегу реки, подняв хоботы к небу Песнь Тканья.

...Вотще, та женщина не собиралась плыть на корабле, тем более на таком большом и осязаемом вещественном, как мечта стотонная на ладони ее гибкой, будто лист глянцевой клена в первых апрельских днях, но случай такой вышел (лотерея, видимо) и села она на корабль-«terrible» прекрасно-ужасный. Вдруг волна-цунами поднялась- встала стеной... Уже утонув, она узнала всю прелесть чудесного слова «цунами», в котором корабль-апельсин перевернулся и стал тонуть вместе с ней и другими, хотя она еще не знала того, что тонет (в каюте было тихо и удобно, в окне-иллюминаторе был виден мирок водной жизни близкий и почти

осязаемый). Иллюзии прекрасного одинаковы, будь то небо или, как теперь, синяя глубокая вода ниже уровня волн на семь метров. И вот не зная, что тонет, она вспомнила всю свою любовь и радовалась тому, что она есть, и неизвестный берег блаженства еще впереди, и что как Пятницу встретил Крузо на острове своем одиноком, так и ЕЕ – великую женщину, плывущую на корабле, который еще не пошел ко дну, встретит тот мужчина-мечтатель. Прелестная рыбка заглянула в круг иллюминатора и улыбнулась ей – своей новой соседке по скитанию вечному в водах...

Она любила свои сны. Даже бодрствуя, она видела их так явственно, как если бы спала. Оттого она была загадочна и в нее влюблялись, не зная об этой ее особенности. Каково мужчинам приходилось при этом было ей безразлично. Она любила и хранила свои сны больше, чем женскую честь и, когда-то... невинность. Она уходила спать с радостью и страстью ожидания новых снов. Впрочем, кто хорошо спал с ней, никогда так и встретился ей во сне... Они- и Те – и Она – были обречены на такую разлуку – реальность. И на такую любовь?! Не будите ее и тех, кого она не пускает в свои сны...

После трех дней неостановимого дождя, когда в небе набрякла огромная глыба сырости и эта мозгло-мokra, вдруг к вечеру-закату схлынула и рассеялась, то открылась по горизонту такая сияющая красота, словно сразу с неба, прорвав плотину туч ринулась в мир река света, будто стекая с гор: и видны стали ясно-отчетливо, там у гор, где уже начинался вечер такие фантастические соцветия черно-синего, темно-фиолетового, оранжево-сиреневого, словно некто показал такое сокровенное зрелище, что таилось в этой весне за дождями, словно грандиозная сирень

начала зацветать на все небо в начале мая и заполнила все пространство под небом. О, не скажи потом никому, что не видел этого зрелища или что прожил жизнь зря и без смысла, скрытого тремя днями дождей. Ибо это и есть высшее откровение, явленное тебе потоком дождевого света. Просто так с невероятной щедростью к тебе, потерянному и растерянному человеку среди огромного мира, где все еще идут дожди зла и случается преждевременная смерть иных людей. Но вот если, этот краткий миг осиянности потоком света на заходе солнца кончится вдруг, и если глазосотрясший-зракодробящий-ослепительный-краткий праздник сиренного цветения неба пройдет, как если бы не был вовсе, словно сон о фиолетовой и глубокоцветной любви для долины сердца, для вершин твоих чувств, утекающих будто река в песок, то все же будь благодарен тому, что дано было тебе увидеть Это! Но пока долина светла от грянувшего на краткий миг солнца, а небо за тучами еще черно, словно в него впиталась вся грязь мира. О, смотри и думай: зачем жил, хоть и старость грядет и уходит скоро за край.

Сны без возвращения хороши тем, что ты в них бессмертен. И не важно, кошмарны эти сны или радостны. Жизнь в этих снах особенна и неинтересна другим, и большей частью, предстает в них искаженной. И ее трудно понять. В таком безвозвратном сне истинен только тот, кому он снится. Там он свободен и становится великим путешественником. В себе. И это и есть сон пророчества, но кому его рассказывать. Если все равно не поймут? Лучше смотреть свой сон до конца и не возвращаться из него. Нельзя упустить такой прекрасный шанс узнать о себе все. И остаться загадкой для других. Навсегда...

Все должно делать плавно и осторожно. Не то любовь расплескаешь, будто воду из блюдца в середине жары и пустыни. Даже в море следует действовать по такому правилу, ибо там ты в лодке-плоске-ложке, как вода в воде, и тебя может выплеснуть из пресного счастья в соленое горе-море. А если плавно, то любовь останется с тобой и в тебе, и по капле проникнет в того, кого любишь. Так вода говорит (хотя быть того не может, подумает кто-то), но вода такое говорит большому киту, чтобы он не выбросился на берег.

Он шел и шел по зыбкой дороге снов, как вспомнил вдруг, что потерял один свой любимый сон о серой мышке и мышке летучей. О беспамятной любви их. Древней. И раздоре — разлуке затем. Но возвращаясь вспять и тщательно прочесав обочины и повороты большой дороги снов, он так и не нашел ту дорогую потерю — сон, который хоть и мучал его и накатывал внезапно, без спроса, все же был лучше многих легких сновидений. Он пел в том сне, подобно Лучано Паваротти, или — вернее — рыдал о чем-то невыразимо прекрасном и печальном. О сожалении таком высоком, что самому — ему — было бы впору сострадать. Он вновь пошел по зыби снов, досадуя о потере...

Даже в последних молчаниях своих должен говорить человек, хотя бы напряженно-утухающим взглядом предсмертья, особо, если присужден он к каторге писания, пусть даже и к несчастью своему, против воли, а не то будет оскорблен он иными, что говорят в пустоту пустыми словами, которые мертвы еще до того, как вышли из их нечувственных уст. Ведь даже молчать надо уметь так совершенно и сильно, чтобы затем можно было потом взглядом-стилом начертать слова и знаки на прозрачной пелене дымки среди

знойного дня, запечатлеть всю панораму и смысл уходящего или исчезающего мгновения – совершенства, даже во время последнего взгляда на мир, пусть даже мертв человек, как организм, но может еще в эту пост-секунду жизни выразить ее неумолимую красоту, дабы другие вслед человеку, написавшему это, заглянули за край и затем стали еще крепче держаться за ветви полнокровного дерева и твердо стояли на острове жизни своей. Подумаешь порой: верно только мать прощает ребенку невнятность бормотания, дожидаясь терпеливо его ясной речи. И видимо, лишь отец бережет в себе тот неповторимый запах-сгусток младенца и запомнит первый звук его голоса перед тем, как младенец, уже самоходящий вступает в поле неостановимой битвы существования, ибо и мать и отец дали ему это тайное знание: оставлять Семя и Слово свое в жизни. И потому мы бессмертны, что прерываем молчание свое ради осмысленного слова для слушающих и внимающих.

Нашла она этот, кем-то потерянный, сон совершенно случайно. Запнулась даже об него. Стала разглядывать, подняла и чем-то отдаленно знакомым повеяло от этой вещицы. О почти забытом времени полетов – упований, о лесе и луне, и стало так грустно и высоко, что она подняла находку свою, укутала в край шали и прижала к груди. Будто это живое что-то было, а не бесформенный ком из мха, глины и высохших дождей...

Нечаямые ветром и им же любовно качаемые ветви дерева, чье имя большое-Древо, и он же, по сути, пасынок-бастард-ублюдок корявого корня в земле, ветренный в ветре, но всегда верный месту своего семярастения, патриот чистой подземной воды, не искореняемый и овейанный гимнами времени-ветра (разве

что ураган свирепый вырвет иль древоточец-негодяй источит его). Но довелось мне как-то лететь на бредущем полете вдохновения и увидеть, Древо, тебя с такого надкронного взгляда, с такой высоты, что я познал твою лиственность насквозь- навсегда, и вспомнил то время, когда сам был еще маленьким мальчиком, ищущим покров твой и приют под ветвями твоими, защиту от солнца-дождей и иной градобьющей напасти. Потерпи, мое Древо, я научусь у тебя, моего ата-дедапрадеда корнявого, быть современником ветра, который чаёт-качает-печалит тебя, Листотворца Великого.

Обаяние обыденного лучше прекрасных катастроф-потрясений.

Если бы я мог быть один и самодостаточен? Ан, не получается так. Я отчего-то всегда частями и частями разбросан по моим любимым людям. Их много. Кто-то из детства, кто-то из отрочества, какие остались в пламенной молодости, когда я варил из себя каменного, летящую субстанцию танца, бывало и в грязь лицом падал в зрелые годы, когда высились передо мной, будто череда гор для праздного взгляда путешественника (представьте: десятилетие идешь вдоль гор). Были и есть у меня очень прямые и ясные, как сосны, люди: жены возлюбленные, други-поэты-художники-музыканты и Дочь единственная. Именно, с ними я обрел себя в скорлупе хрупкой, в скверне и в скребстве букв на бумаге, как в роковом и неотвратимом счастье-бедстве (не то б одичал и спился совсем в пространстве бездельного времени). Да падал, бывало, в яму-страсть к уже не памятным мне женщинам-девкам, тяжелых чреслами, лживых устами и глазами, а вместо улыбки отвечал мне лишь оскал оргазма, но за ними видел все же картины-скульптуры в галереях мира, сотворенные гениальными гениями,

в то время, когда еще ноги гудели-пухли от усталости творить «batmans», «pas» и «allegro» в зале и на сцене, а душа полнилась музыкой иных миров-фантазий. Бывало, глаза слипались от недосыпа, от танцев-обманцев и режимов-зажимов, сковывающих волю мою, но ведь и музыки хочется до смерти и зрелищ для сердца до обморока. И вот от всей этой любви, что прет и прет, будто дождь-листва-снег-свет отовсюду - из земли и из неба: и от всего этого так охренеешь, что взвоешь порой: и за что мне такое богатство? Стало быть, нельзя мне быть совсем одному и будут меня все также рвать на части люди-впечатления-переживания. Совсем одиноким быть невозможно. Хотя если подумать?... Ты один! Никто тебе не помеха! Блаженство! Ты един – со всеми и всем вместе.

...И-ю-н-ь...Так звучит по раскладке и напевно месяц Июнь. Начало лета. Я имею к нему прямое отношение. Я сын Июня, а может-быть, бастард. Июнь всегда юн. Очень хочу быть таким как он. Улыбаться траве и листве. Вчера ночью вышел и целовал их в уста. В зеленые. Никто не видел этот акт сакральный, но потом показалось мне, что ночь стала тише и глубже, потому как звезды укрылись пологом туч. Видно, звезды застеснялись подсматривать нашу, с листвою и травой, тайную любовь. Затем я истек навсегда. Во вчера и в завтра.

Перемещаясь из объема в объем в сверхметафорах живописных фантазий Рембрандта и Вермеера и пользуясь условным методом «кентавра», т.е. некоего несуществующего единства «человека-коня», то можно отстраненно увидеть как... они стоят среди добрых прихожан на церковном кладбище и оживленно обсуждают архитектурные достоинства надгробия-

нефа, сооруженного над их же могилами, а рядом торгуются два богатых негоцианта-бюргера, покупающих шедевры, чтобы украсить затем ими залы своих добротных домов в центре средневекового города Амстердама-Антверпена в эпоху их процветания... и это вовсе не покажется странным, если иметь в виду те возможности, которые открывает используемый нами метод изучения истории и искусств, в частности... через площадь шагает прохожий в широкой шляпе с пером и направляется к театру, где (по тем же законам невероятных метаморфоз) актерствую я сам в великолепном спектакле с роскошным сюжетом Боккаччо и Бомарше в ролях распутника-плута Казановы и Фигаро, изящно декларируя философию жизни постренессанса... следующей идет мизансцена, где я уже в костюме пастуха-пейезанина, недвусмысленно указываю пальцем на большой выступающий гульфик из панбархата красного... между тем, надгробие-неф Рембрандта-Вермеера уже осыпают цветами, а из церкви слышится поминальная служба, которой довольны и покойные художники, и все еще живые бюргеры и прихожане... после спектакля ко мне неожиданно подошла прекрасная Саския-куртизанка в пышном одеянии-платье и ветрено стала шептать мне на ухо, дескать: — Не поспешить ли, не повторить ли нам вчерашние ночные потехи-плетения тел и изощренные забавы плоти и сердца, скинув панталоны и гульфик, предоставив им живописно лежать среди вольных драпировок алькова, создавая некий изысканный беспорядок фривольности, и затем, обнажась донага со смехом отпускать шутки-словечки «о взбивании сливок в тесном кувшинчике лона игривым пестом-тычинкой, как и положено то «пейезанам»... на улицах града Антверпена-Амстердама ударили в колотушки, оповещая о времени отхода ко сну и вечерней трапезе с молитвами о хлебе и деле насущном... мы с Саскией вместе,

смеясь и шепчась, поспешили к постели широкой под балдахином, все ближе стремясь к краю падения-заблуждения, увлеченные похотью нашей, и упали... над нами уже кто-то сотворил и повесил картину дивную, писаную кистью сочной и сильной, и висела она- панорамно-объемно на стенах нашего просторного сна наслаждений, где были в подробностях изображены прелести наших голых телес... над картиной летели фурии воображения... площадь, прихожане-бюргеры, Рембрандт-Вермеер у собственного нефа-надгробия, церковь, алтарь и альков перевернутый с балдахином и бахромой... вдруг, это панно-картина очутилась в залах музея и сочилась обильно красками на самый изысканный вкус гурмана-любителя живописи, и стала пищей на столах пирующих художников... еще пир не угас, но помню, как куртизанка-Саския внезапно вскочила и стала искать что-то под покрывалом и ложем, лазая в раскоряку, бесстыдно-нагая... оказалось, что она собирала пряди своих каштановых волос, выпавших во время непотребных валяний наших с торчащими коленками, спинами врозь, с руками сплетенными и животами слипшимися в толканиях ярких «вверх-вниз» ... и показалось мне будто, то не Саския вовсе, а первородная степнячка-язычница волосы выпавшие свои собирает от сглаза, ибо по древним повериям кочевников, если она потеряет хоть один волосок свой от блуда и не спрячет от всех, а потом не сожжет их тайно в ночи, то ее может укогтить-ухватить свирепый крылатый вепрь косматый с клыками и унести в невыносимо-сырые пещеры-убежища-гнездилище свое. Вот потому женщина должна волос свой собирать после плотских утех, а не то на ложе ее последнем будет ей лежать неудобно и забудется память о земных наслаждениях... я обходил зал за залом в этом музее и стеснительно оглядывался: не подсмотрел ли кто мысли мои, почти зримые и далекие от совершенства...

Недалеко лежал еще один сон, потерянный так давно, что найти его было практически невозможно. Другие, более старшие Сны, так и не успели ему рассказать, как проникнуть в голову хоть какого-нибудь человека, а тем более – о высшем пилотаже сниться зверю или растению... Поэтому этот сон был невидимкой, ибо потерялся еще в младенчестве своем сонном в одном из первых джунглей предсознания. Он был чем-то вроде воды или дождя, которые могут пройти сквозь землю, поскитаться там и выйти совершенно в непредсказуемом месте, а затем – чудесным образом – испариться и вновь подняться в небо, чтобы выпасть оттуда дождем... В свой час... Из тучного брюха тучи... А вот как просочиться в череп человеческий, стать настоящим сном и скоротать с человеком ночь- этот абсолютно потерянный сон – младенец - не знал... И потому был от рождения одинок. И уже почти одичав, скитался среди людей, пытаясь хоть кому-нибудь присниться. Стать чьей-то тайной судьбой, чтобы о нем говорили и пытались, хоть как-то, объяснить его: что, да кто он и почему?... Возможно, все- таки, случится так, что некий, не менее одинокий «человече» - маленький, старый или пусть даже сумашедший- найдет его и позволит ему пройти сквозь броню реальности в свой череп, мозг или подсознание и сделать его настоящим живым Сновидением. Хоть раз, а потом он пусть забудется, но успев объяснить своему двойнику-человеку что-то очень сокровенное. О нем самом...

Утро. Рассвет. Мне снова тревожно и облака плывут как-то странно, будто шепчут: – Либо грянем громом убойным, то ли просто рассеемся...

В такие минуты жить почти невозможно, но и жить очень хочется без тревог, беззаботно. Но все же,

всегда, в признаньях рассвету я щедр: — Брат, ты велик, ты надо мной и над небом, и нет ничего, что могло бы сравниться с тобой, особенно, когда ты в свите поющих птиц восходишь над ближней вершиной и сеешь росы на травы...

А рассвет мне, тихо светясь-восставая, будто шепчет-щебечет хором птиц под крылом-пологом своим широким и розовым: — Братишка, в дни другие и я бываю дождлив и снеговен, и порой все во мне перемешано. И ведро, и ветер. Прости, но сегодня и завтра, и многия лета и веки мне труд предстоит по-над землей надстилаться тоненькой-синенькой пленкой, оболочкой хрупкой и нежной, и беречь утро твое и другое. Посмотри, там за мной-надо мной висит черная громада космоса и идет неистовая битва гравитаций метagalactic, горячих и красных сверх-звезд. И там не приемлют вашей в 36* по Цельсию крови-любви человечьей. Я вам последняя защита-надежда. А ты хоть на миг не тревожься и живи во все утро, братишка, со всеми людьми, пока я вам оболочка-защита-надежда.

И рассеялось все, будто сон.

Опять побежали... бегут и будут бежать... запаленно-напряженно... мысли мои-бегуны... стайеры-спринтеры-середняки... происходит это в начале дня седьмого, 7-го месяца, седьмого года первого пост — XX века... а душа, между тем томится и полнится оторопью летучих мышей, испугнутых вспышкой внезапного света... пещера-душа или адовый конус... но тут померещилось снова... алые маки в степи облетают по ветру, по краткой весне своей жизни, и кажутся мне не цветами, а птицами алыми, что взлетают над земным простором летя и сгорая... вот и душа человечья с точки зрения высокого неба, как алая вспышка мака, вспыхнет на миг, улетая и задует ветром и затеряет-

ся в пещерах дракона-космоса, словно не было ее на земле...

Ну так что ж? Что ли не жить-не лететь – не вспыхивать нам на просторе степном? Нет, наша меткалая кровь, наше знамя – алые маки, летящие и горящие птицы наших душ, что летят по линии солнечного ветра, освещая черные дыры вселенной в поисках истины и новой весны... нет, не поменяем мы алый цвет нашей крови, даже если каждой весной маки степные сгорают – улетают на наших глазах... а на что нам серая вечность?...

Мы маки степные, алые, люди счастливых и горьких мгновений-полетов-горенья. И восхищайтесь нами, адепты серого тленья.

Не знаю где? В «междуречьях», «средиморьях» или в «средиземьях» возник праязык из первогласа-протоноты или смыслозвука, усиленного сверканием глаз и ярким точным жестом, вместе с пронзительно-выразительным тоном предречи, за которой уже кипела магма высоких чувств и прорывалась через гортань лавина эмоций, заставивших залепетать-затрепетать грубый язык пращура нашего, ибо глаза его уже восхитились трепетаньем листьев на ветру, а шелест густой кроны у вечернего костра уже был смутным прообразом речи, вобравшем все богатство созвучий шелестящих листьев и журчащего ручья, будто кто-то искушал-научал-навеивал-навязывал нашему праотцу (и праматушке тоже) это великое ослепительно-прекрасное дерзание – сотворение речи.

Спасибо пращурам, что не отступились, и невнятный шум и говор природы превратили в гармонию ритма-звука-смысла-чувства-слова. В Речь человеческую! И дали имена всем вещам и явлениям и сами себя возвели в достоинство Человека Говорящего.

В день, когда я умру, во Вселенной окончится дождь и затем, почти сразу, начнется опять, ибо по правилу пауз дождь станет в повторении-продолжении своем светлей и обильней, и вновь остановит свой выбор на той самой земле, где долго, как палка, стояла злая долгая засуха, которая все деревья раздела-обнажила до веток мельчайших, будто девушек перед солдатами зноя, с ружьями из жестокого солнца, на расстрельном плацу пустыни. Но ведь дождь не убьешь.

Это большая добрая сущность изольется на нас, в день когда мы возлюбим себя и других, и отважно выйдем голышом в засуху, на поля омертвевшей травы и сирот ее малых в корнях, где прячутся букашки разного рода под тонкой пленкой кокона – недвижения - ожидания. И вот тогда-то грянет дождь! В день, когда я умру на закате. И все вновь побежит-заживет-зашевелится и споет мне поминальную песню, а улитка-сестренка моя чистый след свой оставит по мне, а рядом кузнечик сыграет мелодию на скрипке-смычке своих трепещущих ног...

2006 г.

АДАЖИО ОСЕНИ

поэма увядания

...вновь засеребрился сентябрь, синий иней на травы полег, а следом длинной октавой октябрь по деревьям прошелся и стал угасать долгой нотой ноября, и побежал...по краю сердца огонь, по коже-багряный холодок и потекла забота вспомнить то, что было, и повести дни-днесь в попятный хоровод, к началу поворота земного колеса... танцуют листья клена роса взошла на солнце и радужно упала на горные снега...пикирует из бездны холодный чистый сокол мелькает в кроне соболей... во всем вокруг разлито предзимнее сиянье, бездонны и бездумны густые небеса... да, в эти дни душа моя - вещун и ведает о тайне лазури изумрудной и натяжение страстном вселенских тонких струн...но знает и про омут моей души – ей больно – и в ней растет без солнца тюльпанный-черный образ, неведомый цветок дитя земных эрозий ..но есть хранитель парий, коль неподъемна память-судьба ее носить во грязь неуронимо...такая вот работа и невозможно грянуть, как свет из высоты и вынырнуть из бездны фонтанно, подельфиньи, забыв багрянь и чернь, ожоги одиночеств

своих чужих и древних чтоб вырасти в печаль травую
поздней в осень и хоть немножко очень насытиться
простором и бумерангом бросить на жизнь свой дол-
гий взгляд...о, как горит закат по кругу горизонта, а
ты душа бездонна способна и без солнца из бездны и
беды любить полеты птиц и медленную даль... а осень
между тем легко и без затей творит из золота и грусти
из листьев и из света для утешенья сердца шедевр свой
прощальный – земную пектораль.

И снова иду в ученичество
понимать дороги кочевий,
богатство травы
и травы той же нищенство,
истину черепа и истину чрева.
Иноходь времени
вожжами попорчена,
всадника спесь
и честь ногохода
сцепились, как в схватке,
а ведь у Дравидов и Ариев
мысли одинаково почвенны,
и земле не стать глубиной небосвода.
Однако, и все же:
где ты, людское братство,
согласие и сокровенность?...
Всегда ли хаос
будет стократно громче
ноты гармонии??
Невероятно.
Нечеловечье время...

* * *

В путь собираясь
собери все узелки
и клубки многих дорог
мысленно их расплети
и положи наново
на ткацкий станок
неутолимо кружащей земли
с утра с первого шага с ложа
с постели из лежбища - логова
укрепись духом путника
«хождеца – следотопца - волнобегца-
ветрохода – горотропца – речеплавца»
и будь путешествующим в себе
человеком тропы неукротимым
по воле Провидца и Устроителя Мира,
что дан тебе для дороги во Вне
из укрытия кожи и тела
для глаз, мыслей и чувств
там всегда есть место,
где человек еще не бывал
и мест таких «числа несть».
И вчера и сегодня и в будущем.
Тропи тропы – дороги,
откройся и видь оком высшим- небесным
и в путь собираясь укрепись,
и записки оставь о скитаньях своих
томлением духа гонимый из дома
«путник- странник – кочевник».
Из сегодня в «День Надстоящий».

* * *

Зайтуне Д.

И что ж ты, оболочка моя-то, болеешь?
Как если б болела
 оболочка - сфера земная...
Не надо, не то себя
 и ребенка своего не возлелеешь,
и погубится сердце и душу
 окрутит кручина – золь злая,
и забудется суть-предметность любви...
Не хворай, сестренка, до прозрений,
не зная, как зависимы мы
 от хворей уставшей Земли...
До рассвета, до костра, до огня, до золы,
вспомни хлев-ясли, ягнят, солому, корову,
пилигримов-волхвов и в середине - Мадонну,
отходящей святой – материнской –
роженческой кровью
и мальчика, что родился в яслях,
под звездой... небосклонно...
над ним склоняется Мать:
она задумчива-донна
и в корень зрит
Его нескончаемый крестный путь...
А ты не болей, хворать тебе рано,
у тебя дорога другая –
по свету Корана,
по которому ты проникнешь
в самые первые дни,
где еще горы видели сиротство
морей и равнин,
и жизнь из смерти зачиналась –
рожалась будто трава...
Помни, Мадонна-Земля,
на все веки права.

* * *

Да! Это факт:
я беден, убог и лыс, и стар,
но сердцем собственным,
ведом и ведом,
пройду сквозь свой инфаркт.
Зато февраль!
Восьмое чудо света!
И солнце надо всем -
заснеженный фонарь -
сияет и горит!!!
А ну-ка, кто еще в снегу?
Кому еще не ясно,
зачем живет
в холодном храме
старенький звонарь?
А колокол звенит.
Залью сегодня вновь, пожалуй,
рану йодом,
и над собой не жалясь,
не потерплю обратных идиом...
Зачем - то верю праздным полиглотам,
что всяк Язык и Речь
во мире Сем и Том
всесущ и вечен,
как родники иль устья рек,
дабы земле и человеку проистечь
в долины истин...
И слова –любые и мои,
как флаги – паруса на гроте
над кораблем трепещут.
И нам, речеплывущим,
все бури - нипочем...
Давайте вновь, поспорим – поплывем,
хотя б в мечтах, на «йоту»,

из кухни на вселенский двор,
 наружу хлынем,
 как словесный сель,
 и заберем
 с собою Дом Своей Судьбы –
 Жилище Книг-Библиотеку!
 И верьте, черти, доплывем.
 до островов,
 где шествие во смерть,
 почти Любовь.
 О, Берега Речений!

* * *

Позавчера вновь проснись пацаном,
 предвкушая рыбалку,
 хоть и знаю об этом еще послезавтра...
 Однако, печаль одиноких камней
 в моем малом саду
 и давно пересохшая малая речка
 означают конец этим ностальгиям мечты
 об огромных и некогда зеленых пространствах...
 Остались только кустики слов
 в последней агонии напоминания
 о смыслах и родниках,
 о пейзажах с красными яблоками
 и пикниках в середине детского сердца.
 Оттого и кажется
 (в умножениях грусти и горечи),
 что даже стихи эти теперь
 больше похожи на натюрморт
 иль икэбану изящную
 из засохших ветвей и цветов,
 и мне уже не прорваться
 к лесам и свежим полянам,
 неся им дожди восхищений...

О, ей! Что творится вокруг
пока я снова хочу
проснуться пацаном
на ранней рыбалке.

* * *

Девочке Алуа

Маленькая девочка, Алуа,
тебе лишь три года,
человечек — ребёнок на пороге вселенной...
Сегодня я счастлив и, если угодно,
хоть на миг, но всеведен...
В день рождения девочки — трёхлетней богини
август сгустился для кратких летаний,
и я полетел по высокой линии
жаркого лета последних скитаний.
В мои шестьдесят мне ведомо кредо
отважной улитки, ползущей по мальве,
для которой камушек, что для рыцаря крепость,
и с морем сравнима даже лужица малая,
но упорство её и медлительность мудрая,
и особый талант из материи росной
оставляют в природе свой след перламутровый,
соединяя сущности ранее разные
И в этом моём предосеннем полёте
увиделось всё, что положено видеть:
себя самого на трёхлетнем пороге
и извилистый путь отважной улитки...
Это всё впереди у тебя, золотая,
звонкая пчёлка на своем медосборе,
знай — что тебе я дарю, улетаю,
все цветы на моем отдыхающем поле.

Спасибо, дитёнок – лепетливое чудо,
за краткий полёт по краюшку августа,
по вечеру жизни, будто в раннее утро
моей позабытой младенческой радости
быть птичкой – улиткой одновременно.
У поэтов есть такое странное кредо –
верить, что след улитки и слово
нетленны.

* * *

Сквозняк сквозит.
Авось, да мимо.
В этот раз.
В сей маленький февраль.
где только 28 дней.
Я же, просто, пьяный враль.
Если честно, всех хочу послать
на другой «февраль».
Высокосный.
А этот укорочен.
Не беда.
Как неслияние идей.
А воду попросту не лей,
если в мыслях малых косен,
то ты станешь косноречен
и в большой красивой лжи.
Ах, ты! Плут
Девка, водка, хмель и сперма
(не любовь),
но коль после забродило,
значит, ты красноречив,
и для девки ты стал первым.
Это, братцы, не сквозняк.

Если нету возражений,
я полезу вновь на нож
и спою...про жемчуг женщин.
«Осанну»...
А слова иные – ложь.

* * *

В чужой аул приехал волком,
а вышел «лаком»,
т.е. по-русски агнцем –
ягненком блеющим
и поутру, как маленький поплакал,
забыв причуды городских бессониц.
Зато земля, как хороша!
Земля и Небо!
Такая тишь вкралась мне в душу...
Наверно, все же, лучше быть,
чем не быть,
и горло жаждою любви сушить,
съев с тоски перченное «суши»...
что по – японски, значит – рыба.
Нет и такого не хочу.
Я радость рабства
согну в дугу
своих же ребер
во имя грусти...
Спасибо жизнь
за неименье радуг,
благодарю тебя
за самый легкий орден
и рыцарский удел –
быть жителем земли
кручинным.

Неисповедною идти тропой
путем кружным и длинным,
и медленно развеяться,
как дым.
По ветру.

* * *

Зверью от зверя бежим...
По - человечески сие понятно,
ибо коротка жизнь
и хорошо пахнет мята...
Ай! Окликну вселенную
и получу в ответе незвук
и, обремененный ленью,
обрету истину лезвий...
Обсужу с другом
дилемму о прочности:
-Подружись с кругом
на встрече очной,
помысли, как лезвие листика
разрезает ураган...
Мистика...
Зверью бежим от зверя, братан.
Кстати, что бы такое еще
вытворить?
Стужу из сердца
что ли выдворить,
или запеть голосом воробья
и повеселить старых ребят?

* * *

Нет, нет...
Грустно туманится даль,
а потом проясняется,
как улыбается,
и тебе отвечает:
- Да!
Ах, первые
пробуждения из темноты...
Птенчик обрастает перьями
для птичьего бдения высоты.
Не вчера ли только
упивался солнцем
дней роковых?..
Близнецы Нью-Йорка,
дети Беслана...
Горько мне, горько,
хоть на дно океана
уходи, растворишься.
И избудься...
Ах, шахидки бедные,
лучше будьте беременны,
(как водится) детьми,
дабы были снова
те самые первые
пробуждения из темноты,
упивание солнцем,
небоязнь высоты,
когда жизнь тебе отвечает:
- Нет!
Но стоит на земле рождаться,
из тьмы возвращаться
и улыбаться в ясную даль.

* * *

Брат! ... Вены стали лезть **наружу**
узлами слов,
петро-иероглифом судьбы,
но кровь еще внутри
и мне кричит, кипя:
- Всех возлюби и душу не убий,
не то себя я обнаружу
потоком красным,
и ты умрешь хрипя
ягненком закланным
во имя неземной любви...
А крови что?
Всего-то литров пять,
никто такой утечки не заметит
из моря человеческой синей крови.
Но, вот, заметь, что с нею
уходит и душа,
и вслед, затем, поверь, немедля,
небес обрушится святая кровля,
и вместе рухнет
земной и хрупкий шар.
Всего-то литров пять,
но это знак судьбы...
И наш Иссык, ягненок тот,
и детства давний миф,
те тополя и травы и дубы,
но если мы уйдем,
ответь, мне брат,
кто воспроизведет
наш заповедный старый мир?
Вот и пишу, хоть и наружу вены
и неясны петро-иероглифы судьбы,
но все слова, я обещаю,
будут сокровенны, и скажем жизни мы:
— Ты только Душу не убий.

...вот опять в себя тону и, воистину, сквозь свет, вижу, что иду ко дну... за прозрачной пленкой ряби на меня глядит с печалью молодая с детства радость, но а я плыву-тону, вертикально я плыву от волны к седому дну, от моих печалей детских приплываю к дому сердца, что устало в грудь стучаться-говорить... что было счастье повисания в мирах, умирания в любви, отвержения в скорбях, растворения в воде в вечном споре о судьбе и советах голове, уподобиться траве... ведь и ей придет черед сделать все наоборот, и в безумии-жалении посоветовать умно золотому братцу-сердцу:

— Остудись, охолонись, хватит попросту стучаться об несчастье или счастье, сокрушаться-надрываться... нескончаемы напасти, в малых бедах есть одно нас спасающее «но»... обернись, и до сей поры «оне» — ум и сердце — два во мне спорят-любят... недосуг им подумать, что со мной... Все случиться может, друг, но пока, на миг живой есть молчанье и покой, а я время потяну, если вдруг не утону ... там, на дне, придет черед на просторах океаний постигать секрет молчаний...

Не хвалите меня, друзья,
на краю,
а не то я завою
и крикну опять невпопад,
похвалите меня пока
я с вами стою,
не в раю, а при жизни,
которая ад.
Дайте руку, сто грамм,
пол — стакана,
поругайте мою внедорожность,
как грех,
пока мы плывем
в седине океана,

который по шторму, однажды,
примет нас всех...
Не прощайте меня,
но без слов попрощайтесь,
допейте остатки того,
что было хорошим вином,
и ни в чем предо мной
и собою не кайтесь,
живите сейчас и оставьте
прочие дни на потом...
На краю, на вздохе,
на свету любимой звезды
улыбайтесь мне и себе,
и как бы ни было плохо,
забудьте о камне беды.

Бахтияру А.

В «Зеркало» заглянул-глянул. Прочел.
Бахтияра. Себя не узнал. Отразился. Другим.
Потом оглянулся. Там нет зеркал. Счел.
Годы, арыки, заборы, лица, траву.
Спел гимн. Опять прочитал. Поскитался. В хате.
Один. Непривычно подумал. Вдумался. Покурил.
В печени варилась водка+селедка+слезы.
Отслезился. Слизью из глаз. Миг. Длил.
Где-то в «персиях», вероятно,
орошались росой розы.
На рассвете очень хотелось быть иным.
Лил. Не слезы. Пот. Из пор. Долго. Слабел.
Истек. Иссох. Изнемог. Потом обратился.
К брату. Он тоже рисует. Буквы.
Бел. От тоски. Неуют. Неумыть. Возвратился.
В сердце песня. Она анонимна. Прекрасна.
Кто ее поет? В середине себя? В сердце?

А «в общем» октябрь. Осень. Хладно и рясно.
По-моему, пора в себя самого вьестся.
Прогрызть. Подумать. Почитать.
Другого. И долой «зеркала».
Мы не хуже бога. А? Или нет?...

Сны мои, как бред,
и бред в них – прозренье:
я из них проснусь в декабре
и обрету зренье.
Зрить в себя из слизи зрачка,
из наплывающих на ресницы слез,
выпустить из кораллов рачка
моих неотступных грез...
Из глубин неосознанного,
из оболочки похоти,
выпустить джина грозного
на охоту
за собственным сизым облаком...
Зреть вокруг и в круг,
в точку зерна,
в росток колоса,
в корень тополя,
в громы гроз.
Не ожидать снисхождения
ни в дождь, ни в мороз,
забыть назначения рук,
жить ощупью на равнине дна,
посадить себя на крюк
очень чувствительным местом,
загореться факелом-мestью
к своему двуликому «я»...

Поймать апофеоз,
будто вспорхнувшую летучую мышь,
отучить ее от метаморфоз
и превратить в обычную мышь.
Сверкнуло...
Адепт пошел за адептом,
спотыкаясь...
Пророк ушел в тень,
грамотно, как и положено агентам,
прятать шифры на новый день.

* * *

... Я вызываю дождь, словно шаман. Какой же это сентябрь без поющей воды, летящей с небес? Это обман. Аруахов я заклинал из высоких синих бездн: - Дажь мне Дождя? Пусть купается женщина - осень, обнажая себя. Пусть из ножен блеснет белое тело клинка и тебя полоснет пополам, чтобы алым потоком крови окрасился клен и роднее стал золотым тополям...

Я люблю дожди в сентябре
и летящих коней в потоке воды -
в серебре,
и полей радостный стон:
женщина-осень
купается в синем дожде...
Я счастливый шаман.
Мне повинуется дождь
в сентябре.
О, роскошная женщина-осень!
Я повинуюсь тебе.

* * *

Кто ты, се муж?
Что любовь тебе?
Неужто, лишь плазма оргазма
в 40 миллионов спермоплазм~~оидов~~
(т.е. гоминидов)
в вагину космоса?
Отвечай.
Я тебя вопрошаю.
Или орошая звездами небо,
Ты презрел близость земли.
Люби женщину-землю,
не то отторгнет тебя навсегда.
И семя твое.
И ты испаришься.

Говорят, други,
с годами у мужчин
уменьшается эго,
как крик смягчаемый эхом.
Это, видимо, слухи,
но любовь — правда.
Об этом знает
каждая дева
на тонком прозрении,
которое — плевра.
Как-будто,
анатомически все верно,
но душа-то болит
и в мыслях скверно.
А не думать о чреслах,
и не любить в сердце
невозможно, коль жив...

Не змей же я
и не просто фаллос...
Не вылезешь из кожи.
Лишь мертвому
такое дано и возможно.
Однако, есть и мумии...
Тяжко бытие умного,
но теперь утверждаю:
– Прозрение к мужчинам
приходит поздно.

СЕМЬ НОТ

Булату К.

Мне удивительна природа
людей под знаком цифры «7».
Семь нот поющего народа,
до гор возвысившего степь.
Мне умирительна их скромность,
и за очками-угли глаз,
в них очень медленная гордость,
но чистота души-алмаз.
Не умозрителен их разум,
творящий сути из вещей,
и мир увидится весь разом
из тысяч звуков и вестей
Мне упоительна их вера,
что образуется вся жизнь,
что это вовсе не химера,
а фокус тонкий тонких линз. ♪
Мне унизителен их статус
стоять за спинами глупцов,
так беззащитен мудрый страус
среди безжалостных песков?!

Но верю я седой примете –
такие выстоят во мгле,
и первую строкой в сонете,
однажды высветятся мне.
Как всем иным-высокой нотой,
которой захлебнется степь...
Мне удивительна природа
людей со знаком вещим «Семь»!

* * *

Есть в некоем беспардонно-хирургическом вопросе,
нам заданном, иль нами

задаваемом себе:

– Что делать в старости? -

(сигнал сродни тому, что «SOS»!)

И задающий сей вопрос,

забыл по тлену памяти

тропу и путь,

неотвратимое влечение плыть
от себя к судьбе.

Так вот: я полагаю, как ответит
сильный человек,

в броне чешуйчатой, не юной кожи
и старых жил, пристегнутых к костям,
подобно тетиве на арбалете:

– Я буду деять старостью самой,
как инструментом или душой.

Быть может, начну с ума сходить
и буду обезножен,

и на кривой дорожке убеганий от ответа
сам за собой ходить кордебалетом
пустых воспоминаний.

Но, если мне Всевышний соизволит,
в последний раз,
 ступить ногой на сцену,
босой, незащищенной, без «сандальев»,
я все же буду танцевать даже нагим,
самой душой – нагой,
 всей волею своей
во имя высших «декреталий»,
и снова буду молод,
 и мудрость старости я обесценю,
и удивлю своим кружением-вращеньем
сам шар земной.
Да, так отвечу я на ваш и свой вопрос,
и никому не дам сигнала «SOS»!

* * *

Уплыть бы рыбой из своих сетей,
и никого ничем не надоумив,
легко остаться средь других смертей
своею личной, точной суммой
В исходе не скажу ни «да», ни «нет»,
и не решив простой дилеммы,
войду двойною датой в скромный неф,
что скроет все мои труды и лени.

* * *

Алуа!
Что ответишь ты мне,
Коль такое спрошу у тебя?
— А луна
станет ли подругой весне,
если была сestroю зиме?

Алуа?...

А с утра
разве забуду
ночные сомнения в себе,

Алуа?

А луня
низко над снегом летящего,
разве синица поймет
в синей своей вышине,

Алуа?...

А любя
на закате долгого дня
можно ль вернуть
солнце печальной душе,

Алуа?...

А ладья
найдет ли берег венчальный
ночью беззвездной во тьме,

Алуа?...

А лудя
сердце свое-
старый медный котел,
можно ль снова заставить
кипеть на огне,

Алуа?...

А луга
снова ль подарят
разнотравье земле,

Алуа?...

Что ответишь ты мне
на все это
в полуденном поле своем,
Алуа?...

* * *

Не повезло ему...
Родился в год собачий,
что именуют «итом» (по-казахски)
зато под «шестьдесят» в поэзиях земных
он стал почти-что Моби Диком
и под водой всем сердцем ахнул:
- Отец мой, тишайший человек!
Как глубока вода и жизнь,
и тайна их темна,
как в «янь» утробный перевод
из «инь»...
Снаружи, «там», был камнем ранен
и потому тяжел и «аур»
(хворь степная).
Вот отчего мне больно.
Меня лечить и поднимать **наверх**
не надо больше.
Поздно.
Через меня прошли
тысячелетья человеческих аур,
нимбов – карм - затмений.
На том спасибо
моей земной дороге.
Мне под водой
хотят устроить синий **траур**.
В тишине. В глуби.
Вдали от суеты и бога.
Ко мне сплываются киты
необычайной красоты
Мне хорошо.
Люби меня, отец, люби...
Здесь «инь» и «янь».
И тайна тайн...

* * *

Счастье?
Это - как если б
в школу снова пойти,
как те девочка и мальчик
идушие в восемь утра по двору,
в день декабря сего пятого года,
в Царствие Инея
на ветках, в траве, на камнях
и углях обожженного сердца.
Эй, триумфарий!
Или как тебя, бишь —
Пантократор?...
Слабо мне вернуть мои «7»,
в глубине полыньи,
что в поле зовется полынью,
очень опасной травой,
как прорань во льду вечных арктик...
Спросите тюленя, он ответит:
- Родина это дырка во льду,
моя полынья в океане,
это свет, это вдох и выдох,
и небо, а прочее -
жесткая суша и чушь...
Вот, что ответит тюлень,
а мне бы в школу опять,
учиться - мечтать
и хохотать до упаду,
если подружка моя на доске
напишет неверный ответ
на задачку: 1+1...
А пока что, у меня во дворе
Иней...
Тонкий витраж на мертвой траве...

* * *

Сердце – крепость.
Душа – поле.
Мое кредо –
Любовь и воля.

* * *

Боюсь себя весной
в полнолуниях марта,
но равновесно люблю осень –
совершенное время
 свершенной в себе природы
в полноте исполнения.
И это, знаете, сходно с женщиной,
умирающей в родах,
той, что не стонет и не клянет
(ничто до себя и ничто потом),
но увидев головку ребенка
услышав пророческий плач,
уходит из жизни с улыбкой,
с таким прояснением глаз
и таким примирением со всем.
Вот и природа дарует нам
вещую вещь:
это и есть осень –
счастливая женщина,
всегда юная
и очень древняя...
Ничто не изменит
всеродящее время жизни,
а весна – это эго,
хищное право
лианы карабкаться на древо,

а потом сломать
и обрушить в полном расцвете
выпив всю его зеленую кровь.
Что ж, я готов понять это «Эго»,
но приветствую прежде
жертвенность осени
в природе и человеке...
Я сегодня печален,
вчера утром был весел,
но завтра днем,
стану снова любить жизнь
за божественную пестроту.

* * *

Кран на кухне болен.
Капает из него капля-миг-время.
Здоровый кран не должен течь.
Однако, думаешь...
Может его и не надо править?
Пусть течет и на нервы капает...
А теперь пойдем по диким чащам
к поляне «эго» (то есть в себя).
Возьмем в свои руки
ремни-упряжь судьбы,
и погоним коня-сердце вскачь.
Пусть даже по пути мне встретиться **демон**
или овраг.
Зов кобылы сорвет жеребца моего
и выпряжет из колесницы...
Я не вправе жить за коня.
Но судьба остается со мной.
Тяжкая.
И покатится теперь без коня и **упряжи**,
если впереди простор и трава,

и ничто живое не повредится
от летящей повозки моей без коня,
то буду я счастлив...
Вот писал же Рембрант
тушу вола освежеванного
и было похоже то на казнь-плаху.
Я подумал:
- То судьба вола быть распоротым.
Хорошо, что я не живописец, не живодер.
Бумага всегда бела и чиста,
ибо на ней рисуются буквы - слова.
Без крови.

* * *

В море, в гнече...
Плыву, гребу,
смотрю на дно и в небо.
В небо и на дно.
Достанется ли птицам-рыбам
человек-зерно?
А может выплыву
и стану хлебом,
и голубь постучит
в мое окно?

* * *

В собственном черепе
в трех шагах от кошмара
повиделось вдруг кружение шара...
в пустоте, в пространстве
столь беспощадном
к любым проявлениям жизни

что испаряются даже мысли
(вернее, идеи самой метафизики),
а шар - протопланета
отстраненно вращается
при минус за 200-ти по Цельсию
(по Фаренгейту тем более
холодно и неуютно),
а между тем те миры,
по-своему существуют и целостны,
как и мой согреваемый кровью мозг,
не приемлющий ничего
ниже нуля абсолютного...
Однако, все же попробуем
зацепиться за абстракцию,
заглянем за сущее, за утро,
в заглазье полудня, в зрачок супер-ночи
где-нибудь в середине «черной дыры»
на окраине дальней метagalактики,
где брутально торжествует смерть,
т.е.не-жизнь на грани
немоты и отчаянья,
а звуки начинают свой исход
по каналам сверх-низких
и гипер-высоких частот,
дабы однажды необъяснимо-неизъяснимо,
все-таки стать речью и музыкой,
понятной и слышимой
простым человеком Земли...
Чаянья, чаянья, чаянья...

Ну вот, опять бомбим кустарно по кустам,
и молотом колотим по тоненькой тростинке?
Нет, чтобы палец приложить к устам,
когда грохочут попусту на тему истин

Скажи мне, друг, по- старому товарищ,
со мной по жизни идущий, по пути:
— Когда покинем мы поля ристалищ
и кончим битву слов в пустотах пустоты.
Я, человек, на уровне своей стопы,
немного знавший о предмете танца,
растерян ныне, видя, как слепы
взрывающие мир фанатики-засранцы.
И каждый день железо плоть живую рвет,
а душу жжет напалм из новостей
но Высший (коли, есть) чего-то ждет,
а мы устали ждать благих вестей.
И разве что, в апреле, когда цветут благие
растения, не ведая грядущего, Зимы-Беды:
поверишь, что дети « васильковые святые»
укажут нам путь в свои голубые сады.

3X4=60

(из года Собаки в год Вепря)

Три записи по жизни,
три выписки (пока что из больниц)
три женщины, как первые,
три дня для размышлений...
На что помножить это?
В четыре ходят строго,
там линии прямые,
угольник в вертикаль,
но я не обольщусь
и избегу падений
строки в греховность рифмы,
наутро позабуду
каким случился вечер,
а ночь (само собой)
пройдет, как звездный сон...

Почти забыта нежность
к щенку, который помер
хорошим кобелем...
Ничто и Ничего,
но обречемся скоро
ценой потерь высоких
и в трех печалях лунных
по четырем тропинкам
вернемся, как-нибудь,
на луг, где сердце
валяется ягненком.
И все умножится на Все
любовью и печалью...
А если все же в рифму,
то это будет - Вечность.

МЕДИТАЦИЯ ОТЧАЯНЬЯ

И-и-извращаясь...
изумленно-изумительный
изумляющий я,
или изумрудно-изюмный
изустный всем «Он»:
из ума измудрюсь,
но так изумру я,
что изморозью стану –
среди зноя фреон.
Иззящно известен
в танце вам я,
извествлен и излоблен,
но в словах изощрен:
из безвести вестью
верну свое «Я»,
ибо избран издавна
на свой небосклон.

Из зверя извергнутый
извернулся **весь я**,
изыск искусства из себя
сотворя,
и из зависти пусть
изничтожат **меня**,
известным я стану,
не изменяясь.
Из неизвестности выброс –
из «Оного» в «Я»,
изустный и чувственный,
как сущность огня.

* * *

Свети, всем существом своим **свети**.
– сказала мама мне когда-то...
И встретится тебе в степи
особый знак, знак благодати.

Свети, но никого не ослепи,
на то дала тебе я сердце,
И ты увидишь, что в степи
и темной ночью много света.

Свети, все испытания стерпи,
и будет зарево, и завтра –
вдруг город сосенный в степи
тебе откроется внезапно.

Как свет, как истина слепых,
как небо, храм, любовь и **солнце**,
иль божий промысел в степи,
среди травы и пряных сосен.

Свети душой и верой осени
заветный уголок Вселенной,
и город, выросший в степи,
тебя научит быть смиренным.

Слепи, кувшин поющий сам слепи
и влей в него вино пространства,
пусть опьянит тебя в степи
святое чувство постоянства.

Свети и верь в призвание свечи —
напомнить нам о том, что вечно,
вот почему стоит в степи
твой город, выверенный ветром.

ЧАЕПИТИЕ ЗАВТРА

Ю.М.Р.

Разврат средь бела дня —
жемчужный чай с жасмином
из чашечного дна
коралловым раствором
вливается в меня
по чьей-то воле длинной.
Цветы и Жемчуга!
Ах, да!
Все это будет завтра,
ни медленно, ни скоро...
Вот так, под снегом марта
порой душе усталой
увидятся луга.
Еще вселенский мастер
возносит звездный ковш
с небесною водой...

Весенняя луна
серебряной улиткой
ползет к себе домой,
и надо вновь учиться
терпенью и мечтаньям,
как всем седым мужчинам,
привыкшим к вкусу чая
обычного, без «форса»...
И будет все же завтра
Жемчужный Чай с Жасмином
из чашечного дна.
А там уже иная
откроется дорога
и будут у меня
(как и мечталось долго)
Цветы и Жемчуга!
А после тронем к Дому.
На луга...

* * *

Последний дождь осенний,
на декабрь,
когда все «если бы» да «кабы»
становятся растением-возвращеньем
надежд на землю,
где начинался их полет к небесьям...
Смешон, сентиментален?
Признаюсь пред всеми,
но, может быть, сейчас, сегодня
откроется мне тайна
так тихо-долго изливаться,
как этот дождь последний
на декабрь.

И встречу, встречу ль
еще раз беспечно
под звук дождя виолончельный
я время новых почек – песен?..
Звучит виолончель,
идет настрой
на снежный зал ночей.

* * *

Не прожить, а пожить бы запойно,
не надуманно сердцем скорбя,
и уплыть за край травопольный
по реке, что зовется – судьба.
Провиденчески темные грезы
из провинции жизни глухой,
напоследок – бокал чистой прозы
и прощай мир, до боли, земной.
Но пророчества, верю, не сбудутся,
синим молчаньем кончится крик...
Пусть виновные станут мне судьями,
но праведен будет вердикт:
– Он выбрал свободу..
Искушайтесь, идите на риск.

* * *

Нет, не столько предка – конеборца я ищу,
а потомка...
Мне важно: не вчера и не ныне, что было и есть,
а потом как?..
Попасть бы на линию
или в поле такое,

чтоб молнией или ливнем
сквозь себя пропустить
пращура и правнука,
дабы встретились и узнались
на тризне, в битве или на празднике,
и поговорили на языке –
новом и аруахском
о проблемах неуходящих
из сердца и мозга,
и были б то речи
на вселенском и на казахском
о том, что жить счастливо,
все-таки, можно,
если, конечно, одолеть эту горку –
Сегодня.

О, пространство надежды!
Как ты просторно...

Сегодня слух мой обращен
к какому-то неясственному стону,
и вот меня трясет, как будто слон
промчался, бешено по небосклону,
и голубую лужицу небес
разбил и помутил неисправимо,
и ноября хрустальный блеск
померк...
Неужто, опять какой-нибудь невинный
убит или ранен будет человек?
А где-то, рядом за горой,
дракон зимы вздыхает белым паром
и хочет овладеть усталой землей,
последним тихим листопадом.
Да, что ж такое? И за что
в такие дни такое убиение –
вдали, невдалеке –
людей, листья произошло?

Но небо чисто в час – сегодня,
тишь и умиление,
и осень песни утешенья
опять для нас поет.
И надо слушать и вздыхать
о непоправимо-невозвратном,
других в себе оберегать,
пока небес синейший плот
плывет и ищет
негоревые времена и берега...
В дни ноября.

* * *

Я – осень,
и мне очень и очень
хорошо увядается.
Ветер срывает с березы
золотые одежды:
я голый и голый,
готовлюсь к снегам...
– Почему ты такой? –
кто-то спросит.
Я отвечу всеветвенно:
– Были бы очи
родные моим глазам и слезам,
и живите не бедственно,
не на глаз, не на грамм –
во все небо живите,
во все мысли не вечные,
во все горе земное
и радость телесную,
а я поживу еще чуть
своей осенью,
т.е. собою самим,

и хочу быть понятым,
хотя бы одним
или человеком другим,..
и рассказать ему –
сердцем и голосом,
об осеннем исходе
в снежный самум...
Мне очень и очень.
щедро, на озимь,
хорошо увядается...
Я - осень!

* * *

Ах, поезд мой, поезд –
не со мной отъезжающий
мимо хороших и грустных лиц...
Ах, поезд мой, поезд –
меня разлучающий
с любовью, которая – блиц...
Ах, поезд мой, поезд –
друзей провожающий
к новым вокзалам из старых столиц..
Ах, поезд мой, поезд –
меня отлучающий
от милых традиций в прогресс без границ.
Ах, поезд мой, поезд –
меня не встречающий,
как родные гнездовья перелетных птиц...
Ах, поезд мой, поезд
оберегающий,
довези людей отъезжающих,
перед тобою за это я лягу ниц.

2004-2005 гг.

МАДОННА – КНИГА

И на земле и в небе одинаково много ночами тьмы...

Видно так устроен человек. По происхождению, природе своей. И на ноги встал, и руки стали свободны, чтобы глаза могли видеть. Вернее, провидеть Книгу!!! Образ этой самой феноменальной субстанции-сущего о сущем, явленного для тайны, и ясной с первого слова и затем вновь темной, как позыв к любви и убийству, возможно, и есть смысл творения-кружения нашей планеты. Всего, что на ней обитает. И сотворение самого человека, ожидавшего встречи с Книгой? Может быть, человек увидел образ Книги впервые на листе дерева, дрожащего на ветру, еще не зная начертания слов, ибо и дрожанье кроны древесной и росы на траве, им же самым первосмотрящим, провидцем книги, потом, во время свое, назовется словом «трепет», а далее будет и шелестенье, и корни, и имена земли и воды... быть может, то был отвесный гладкий утёс, как перволист Алатау-иранских предгорий, и потому в Тамгалы и на Бехистунской скале был начертан каменно-нежный набросок той первой Книги, что привыкли мы сегодня держать на руках для Почтения. Чтить, почитать и чи-

тать -эти глаголы Этики, что были созданы и предуготованы *человеком дочтящим* для Книги, где записана вся память о нем самом и до него-после него бывшим и будущим человеком, ибо Природа мудра, коли кроме ДНК-генома человека, все же предусмотрела иной носитель – знак пребывания нас на Земле – Книгу!

Книга – Мать найденного и Мать утерянного, и с нею уже ничто и никто не сможет утратить человека и Человечество в Вечности. И надо поражаться сегодня тому, как первочтец-человек крал глазами синеву-птиц-восходы-закаты и облака у невинного неба. Как скреб камни-скалу, забыв об инстинкте есть и плодить, как долго и мучительно придумывал знаки-символы – Слово и, в то же время, умываясь слезами и потом, вымучивал-вымачивал из кожи им же убитой лани – Пергамент, где и будет потом воплощена, как истина истин – Книга! О, труд – превосходство над ленью! О, предок мой непревзойденный, предвидевший и сотворивший Книгу! Как не восхититься тобой, даже если читать и держать Книгу перед глазами и сердцем – тоже труд!

Ранее человек улыбался до слез и оскала зубовного при виде своего ребенка, как волк или акула в водах предвечных, а теперь весь светится, когда детей своих видит *читающих и чтящих Книгу!* И потому Любовь и Робость свою одолел над плотью и инстинктами и сотворил-изваял-исчерпал память о себе самом и содеянном (о зле и добре вкупе) Мать-Книгу!

И как же ты, друг-человек мой, умен и опытлив в потерях и обретениях своих, коли придумал-нашептал-накричал столько языков своих и знаки-явления Речи придумал, будто знал, как много испытаний (от природы и самого себя) придется пройти, дабы в любом языке и в начертанном знаке остались ясными понятия о Любви и Печали, каковые и вписаны в Книгу-даяние Божье!

Вероятно, каждый (коль человек он) должен писать свою Книгу в себе и в немоте своей, ибо и кровь, и сердце, и мозг созданы для предвидения и начертания. Разве не для того он возвидел квадрат листа-пергамента в кругах Небес и Земли (и еще ведь есть Некто Видящий Сверху?!), чтобы была неразстворима Роса Любви Человечьей даже в кремнистых-безводных мирах Иных? Ничто и Никто не сможет убить образ Книги, ибо и в квадрате телевизоров и компьютеров узнают потомки наши образ Книги и станут листать ее, подобно ветру, листающему листья опавшие в осень и бережно теребящему лепестки мака по весне.

О, кочевник-бродитель-землепашец-пастух-потребитель-творец! Любой из нас разве не поклонится Книге, как Отцу и Матери?

Разве узнаешь о себе кроме и больше устных рассказов и костров вечерних, если не выползешь из уюта пещеры и не начертишь на стенах ее знак своего счастья - быть на земле? Хоть краткий миг?! И пещеры духа твои, и укромность плоти твоей под кожей однажды откроются, будто страницы Единой – на всех – Книги! Разве б не было прочитано Слово Божье, если бы ты, Человек и Читатель, не уготовил трудами изобретениями своими Плоть и Сущность Книги для начертания Судьбы? И в отдаленьях космоса, и во вселенной всей будет и пребудет в своих атомных и плазменных состояниях Библиотека для Книги! И ничто не сможет сжечь или остановить видимый лишь глазу и сердцу ток всей Жизни-Реки-Книги!

Возможно, однажды свернется Вселенная в свиток или сотворит из себя новое воплощение Человека, но все же то будет свиток-пергамент-лист-чувство-мысль-мечтания-горе-печаль и любовь. И будет То – Книга!!!

2006 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВРЕМЯ РЕ (<i>поэ «ре» ма</i>)	5
БЛИЗНЕЦЫ (<i>виртуальная поэма на фоне сверхреальности</i>)	13
ПАДЕНИЕ БАГДАДА ИЛИ ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ (<i>поэма древних и новых хроник</i>)	50
ОДИНОКИЙ ЯНВАРЬ (<i>поэма-триптих</i>)	61
МЕРЦАЮЩЕЕ ПОЛЕ ТРЕВОГ (<i>поэма-дневник</i>)	103
ПИСЬМА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ	113
ЖЕНЩИНА И ПУРПУР	125
ЛИЛОВЫЙ КРАБ (<i>поэма отточий</i>)	155
ПО ХОДУ СОЛНЦА	179
ТАНЦЫ СЕРДЦА	195
ГОД ОВНА (<i>поэма Зодиака</i>)	203
Е – Ё (<i>поэма упражнений</i>)	234
СКАЗЫ ВЕЧНОГО СУРКА (<i>поэма корней</i>)	247

ПЕНИЕ СИРЕНИ (поэма апреля)	264
МАРОФОН ВЕСНЫ (эссе)	281
УПЛЫВШИМ ДО МЕНЯ	296
СНЫ ВЕЧЕРА (поэма-эссе)	311
АДАЖИО ОСЕНИ (поэма увядания)	327
МАДОННА КНИГА	363

Накипов Дюсенбек

ВРЕМЯ РЕ

Книга поэм

Литературный редактор
Кайрат БАКБЕРГЕНОВ

Художник
Гани КИСТАУОВ

Компьютерный набор
Жулдыз ИБРАЕВА
Вадим ПОДКИДЫШЕВ
Назира БОШКАЕВА
Елена ЗАБЫЛИНА
Зайтуна ДЖАНДОСОВА
Алиса МУСТАФИНА
Асель ШАЛАБАЕВА

Издатели:
Сайран САДЫКОВ
Гаухар ШАНГИТБАЕВА

Издательство «*СаТа*»
г. Алматы, ул. Желтоқсан, 140
(ул. ул. Кабанбай батыра), тел/факс: 261 48 75
e-mail: izdatelstvo_saga@mail.ru

Бумага офсетная №1. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. – 25,0. Тираж 1 000 экз.